

80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается!

Историко-литературный альманах «Отчизне посвятим...» —
дипломант всероссийского конкурса Союза журналистов России
в номинации «Лучшие издательские проекты 2025».

№ 8 2025

*Пока свободою горим,
Пока сердца для гести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ

*Пока свободою горим,
Пока сердца для гести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах Отчизне посвятим

№ 2 (8) 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ФИЛИППОВ. Я почти не помню отца...	
Стихи.....	3
Сергей МИХЕЕНКОВ. Повесть о бессмертном сержанте. Главы из повести.....	7
Александр ЛАНЦОВ. Аисты на храме	
Стихи.....	31
Валерий ШЕРБАКОВ. О чем я думаю в эти дни	
Рассказ.....	33
Мила АНДАНТЕ. Тульский заслон	
Стихи.....	45
Петр АССЕСЕРОВ. Старая сказка (окончание)	
Повесть.....	48
Виталий БОГОМОЛОВ. На переломе двух веков Дальний восток позвал вновь (Глава из книги).....	60
Сергей ТИМОФЕЕВ. За 20 лет до Победы, или Подарок саксонских комсомольцев.....	78
Игорь РОДИНКОВ. Стычка, или Что произошло в Туле 20 лет назад.....	81

Главный редактор **А. Н. ФИЛИППОВ**
Отв. секретарь **С. Б. ТИМОФЕЕВ**

Редакционный совет:

О. Дорофеев, Ю. Кириленко, М. Остроухов,
С. Тимофеев, А. Филиппов (председатель),
К. Шестаков.

Издатель — член Общественной палаты
Тульской области **С. Б. ТИМОФЕЕВ**.

Приложение к Литературно-публицистической
газете «**ТУЛЬСКАЯ МОЛВА**» (зарегистрирована
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуни-
каций; регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-
87637 от 28.06.2024).

Адрес редакции: 300041, Тульская обл., г. Тула,
просп. Ленина, д. 21, офис 18, 18а.

Телефон: +7 (977) 066-65-88

Эл. почта: tuls kayamolva@yandex.ru

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «ПромпилотПРО»: г. Тула, ул Тур-
геневская, 63. Тел.: (4872) 36-34-29, 8-910-157-05-05
E-mail: prom-pilot@mail.ru

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами уже восьмой выпуск нашего
альманаха «Отчизне посвятим».

В новом выпуске — стихотворения Ана-
толия Филиппова, Игоря Никольского,
Александра Ланцова и Милы Анданте,
главы из повести Сергея Михеенкова
«Повесть о бессмертном сержанте»,
рассказ Валерия Щербакова «О чем
я думаю в эти дни», окончание по-
вести Петра Ассесерова «Старая сказ-
ка», глава из автобиографической кни-
ги Виталия Богомолова «На перело-
ме двух веков», а также публикация
Сергея Тимофеева «За 20 лет до По-
беды, или Подарок саксонских ком-
сомольцев» об интернациональных
связях тульской молодежи в 20-е годы
прошлого века и публикация Игоря
Родинкова, посвящённая 120-летию
кровавых событий октября 1905 года
в Туле.

Мы рады, что наш альманах развивается,
приходят новые авторы, появляются
новые темы. Мы готовы и дальше пре-
доставлять свои страницы талантли-
вым поэтам, прозаикам, публицистам,
историкам, литературоведам и крити-
кам, разделяющим наши взгляды на
роль литературы в культурной жиз-
ни города.

Круг авторов растёт, очень надеемся, что
одновременно растёт и количество чи-
тателей этого издания.

**Как и прежде, основной тираж бу-
дет безвозмездно передан в биб-
лиотеки Тулы и области.**

Редсовет

ОБ АВТОРАХ

Анатолий ФИЛИППОВ. Поэт, журналист, редактор. Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Работал ведущим редактором в Приокском книжном издательстве, публиковался в «Литературной газете» и областной периодике, в журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник», в альманахах, коллективных сборниках. Издал четыре книги стихов.

Сергей МИХЕЕНКОВ. Род. в 1955 году в деревне Воронцово Калужской области. Окончил филологическое отделение Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы СП СССР. Публиковался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник». Автор более сорока книг прозы и документальных исследований о Великой Отечественной войне. Автор серии книг «Забытые армии. Забытые командармы». Лауреат литературной премии «Сталинград» и им. братьев Киреевских. Живет в Тарусе на Оке.

Александр ЛАНЦОВ. Родился в 1953 году в селе Нивны Арсеньевского района Тульской области. Образование высшее. Трудовая деятельность более сорока лет связана с Арсеньевским районом. В настоящее время пенсионер, ветеран труда.

Валерий ЩЕРБАКОВ. Коренной туляк. По образованию педагог. Профессиональный переводчик. В России не издавался. Книга рассказов «Сторож России» опубликована в Канаде. Живёт в Туле.

Мила АНДАНТЕ. Участница Народного коллектива «Музыкально-поэтическая студия «Вега» г. Тула. Член Тульского областного отделения Пушкинского комитета Ассоциации социальных сподвижников Президента России. Член литературной группы «Отблески». Автор сборника стихотворений «Былинка на ветру». Одна из победителей регионального конкурса на лучшее поэтическое произведение «Спасибо деду за Победу!» Живет в Туле.

Петр АССЕСЕРОВ. Потомственный комбайностроитель, награжден значком «Мастер-умелец», что подтверждается соответствующим удостоверением. Лауреат первого Международного фестиваля русской поэзии. Автор поэтических сборников: «Колдовской цветок», «Над последней тропинкой к Богу», «Колодец», «Букет мелодий», «За верстой верста», «Печаль-трава», «О чем молчат колокола» и др.

Виталий БОГОМОЛОВ. Государственный, партийный и хозяйственный руководитель, в 1981—1984 годах директор Новомосковского ПО «Оргсинтез», в 1987—1989 годах секретарь Тульского обкома КПСС, в 1989—1991 годах — ответственный работник ЦК КПСС и ЦК КПРФ, в 1997—2004 годах — первый заместитель губернатора Тульской области, депутат Тульской областной Думы 4-го и 5-го созывов. Автор книг «Сталиногорск. Могилёв. Бессмертие», «Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году», «На переломе двух веков». Живет в Новомосковске.

Сергей ТИМОФЕЕВ. Общественный деятель, журналист, политолог, главный редактор и издатель всероссийской литературно-публицистической газеты «ТУЛЬСКАЯ МОЛВА». Член Общественной палаты Тульской области. Образование высшее, архитектор. Публиковаться начал в газете «Тульская правда» в возрасте 17 лет. С 2015 года — корреспондент газеты «Молодой коммунар», автор цикла статей по дореволюционной истории Тулы и Тульской губернии.

Игорь РОДИНКОВ. Историк и краевед. По профессии учитель истории. Печатался в ряде краеведческих сборников, в частности во 2-м и 3-м издании «Тульских усадеб». Научно-популярные произведения на историческую тематику: «Держава Рюриковичей», «Уроки Смутного времени», «Россия–Украина: страницы совместной истории» и др. Художественная проза: «Непедагогические рассказы», «Последняя битва Корнилова». За последнее издание «Тульский край — земля православная» (календарь на 2021 год) получил диплом «Выбор читателя».

Анатолий ФИЛИППОВ

Я почти не помню отца...

Отца я почти не помню.

Когда пытаюсь вспомнить — приходит ощущение чего-то большого, сильного и теплого.

Наверное, таким он и был. Большим и сильным.

Сегодня я почти вдвое старше: мне 75 лет, а отец ушел из жизни, когда ему исполнилось сорок...

У него была искалечена правая рука: ранен на фронте, в первой же атаке. Рука не разгибалась, скрюченные пальцы не могли ни пуговицу застегнуть, ни удержать ручку. (Ручки тогда были перьевые, чернила на предприятиях и в школах для них варили сами — помню этот особый чернильный запах, большой чайник на плитке в бухгалтерии, где работал отец, когда первоклассником я приходил к нему, если не мог решить задачку по арифметике).

Он все научился делать левой рукой. И писать, и дрова колоть, даже мешки на телегу грузить. Но в колхозе работать не мог, окончил курсы счетоводов, потом бухгалтерские — и работал в Туле, в конце жизни — главным бухгалтером.

Может, потому я плохо помню отца, что до семилетнего возраста жил в деревне, у деда и бабушки. Дед тоже был инвалидом: воевал, вернулся без ноги, с медалью «За отвагу». Инвалидов тогда было много и у нас в деревне, и в Туле, куда меня привезли учиться в школе.

В деревне в каждом доме были погибшие. В нашем — двое. На стене в избе в самодельных сосновых рамках висели фотографии братьев отца: Василия, среднего, он погиб в 42-м сержантом, разведчиком, орденоносцем, и старшего, Виктора, пропавшего без вести уже после Победы где-то в Манчжурии, где добивали японцев. Старший лейтенант.

Командовал танком или танковым взводом. Рядом был и снимок отца. Вот только эти снимки и помню. Еще на чердаке стояла целая корзина писем: фронтовые треугольники от бабушки, отца и его братьев... Не знаю, куда она пропала потом, когда я стал постарше и мог бы их прочитать.

После войны прошло лет восемь-десять, все еще было на памяти, бабушка нас с братом то и дело называла именами погибших сыновей... Все это я потом описал в своих стихах...

Молодежь вряд ли знает, что День Победы начали широко отмечать только в 1965 году. А до этого 9 мая было просто рабочим днем. Может быть, мужики как-то собирались, вспоминали друзей — не помню, мал был. Вот Пасху, Рождество, Троицу — помню. Даже Первомай, потому что в этот день в деревню к нам приезжали родители.

Когда умер отец мне было 13. За пять лет до него умер дед, Николай Васильевич Филиппов, спустя год — второй мой дед, Иван Иванович Крысанов, тоже фронтовик. И стал я старшим мужчиной в семье...

ДЕТСТВО

С утра в избе запахло чабрецом,
Лекарствами и дымом кисловатым:
«Отец приехал!» я лечу с кровати —
И вот уже мы в горнице с отцом.
Отец приехал только на денек,
Он завтра обязательно уедет,
Но день отъезда так еще далек!
И нет меня счастливее на свете...
Мои друзья о мокрое стекло
Расплющили носы и смотрят, смотрят,
И кажется, от смеха лица морщат!
А может, влагой стекла залило.
И девочки соседские глядят,

И кажется, на личиках улыбки,
Но лица их за влажной пленкой зыбки...
И резко капли на стекле блестят.
И женщины с высокого крыльца
Смотрели, радуясь, на нашу встречу,
На нас с отцом... и плакали, конечно!
И был отец почти не искалечен,
А больше не было ни у кого отца.

СЕЛО РОЖДЕСТВЕНО

Если спросят меня о тебе...
Даже если не спросят,
Расскажу, как ночами морозы
Иней звездами сыплют с небес.
Как петляет и вьется дорога
В перелесках сосновых, пока
Не приводит туда, где не много
Крыш заснеженных...

Издавека

Не отыщешь спокойней картины:
Занесенные снегом сады,
Пруд замерзший, колодец, плотина,
На тропинках застыли следы...
... Здесь в домах по соседству с иконой
Пожелтевшие снимки, как тень:
В гимнастерках, петлицах, погонах,
Строго смотрят солдаты со стен.
Так по-взрослому смотрят на гостя,
словно мне восемнадцать, не им...
Расскажу, даже если не спросят, —
Людам. Детям. Своим. И чужим.
Миновало три четверти века,
А они все в глаза нам глядят...
И сквозь сетку летящего снега
Напряженный я чувствую взгляд.
Ощуаю затылком, спиною,
Шаг за шагом на этом пути
Взгляд, оставленный в селах войною —
Никуда от него не уйти...

ПАМЯТЬ (Деревня)

Я написал:
«... Переживу
Я эту старую деревню:
Сараи, избы и деревья,
Еще хранящие листву,
И незнакомых женщин старых,
Хранящих в темной тесноте
Те треугольнички без марок,
Оставшиеся от детей.

Не в странном сне, а наяву
Их скроют мгlistые туманы...
Я память их переживу,
И долгой памятью им стану... »

Сегодня, через сорок лет,
Туда пути-дороги нет.

... В бурьяне яблони цветут —
Их поминальные букеты,
Как позабытые приветы
Из тех времен,
Сегодня тут.
И треугольники из птиц
Весной оттуда прилетают
И песни с нашими сплетают,
И черед знакомых лиц
На миг проступит в майском небе
И снова скроется во мгле.
И остаются на земле
Те, кто в деревне этой не был...

ОБЛОЖНОЙ ДОЖДЬ НАД ПОГОСТОМ

Замерли в дреме стога и березы,
Словно бесплотные за пеленой:
Дождь обложной...

И сказать не берешься
Скоро ли кончится дождь обложной.
В мире остались шипенье да всплески —
Медленных капель отвесный полет...
Рядом, в промокшем насквозь перелеске,
Тихая птица протяжно поет.
По оскользящей охристой глине
Выйду на кручу, где еле жива
В буйно разросшемся белом жасмине
Гулкая церковь у старого рва,
И задохнусь от простора и влаги,
Небо родное вдохнув глубоко,
Дымка укроет ракиты в овраге,
Светлые крыши блеснут далеко.
Нет ни души в той далекой деревне,
Брошенной под дождем.
Там меня помнят дома и деревья,
Там я рожден...

Сколько прошло!

Догнало, захватило...

Не отпускает, зовет...

... Дождь обложной

над отцовской могилой

В тихом безмолвии льет.

В НОЧНОМ

Колхозный конюх немощен и стар.
Он горбит у огня больную спину
И вновь заводит разговор про сына,
Каким тот был, каким бы нынче стал.
Он говорит:

— Был сын на все мастак...

Он говорит:

— Сын далеко бы двинул...

Он говорит, а сам плетет корзину.
Хрустят травую кони у моста.
А между нами словно борозда
Уже легла и четко, и незримо:
Он говорит, а смотрит мимо, мимо,
Туда, где тает и блестит звезда,
Где живо всё, что было им любимо!
А я прислушиваться перестал
И только головой ему киваю —
Не перебую.
Как будто кружку молча принимаю
И молча пью.

ВЕЧЕРНИЙ НАТЮРМОРТ

В самоварном боку засветилось стекло
Керосиновой лампы,
Чайник, ваза с вареньем,
Расписная, в цветочках, посуда,
Наши лица растянутые,
Наши бревенчатопалые лапы,
Старый медный поднос, сухари...
И стола кривобокое блюдо
Загибается вверх,
Превращаясь в цветные полосы:
Покачнешься на стуле —
Они побегут, заскользят,
И покатаются прочь
Потолочные темные доски,
И расплющится нос...
Словно время метнулось назад!
В самоварном боку
Рядом с вмятиной около ручки —
Прокатилось-проехало,
Словно в знакомом кино:
Темнолицая бабушка, дед,
Озорные внучата и внучки,
Керосиновый свет,
Сухари из мешочка... темно!
Он распаян давно,
Потускневший, но под паутиной,
Под наслоенной пылью,

Может быть, еще светится в нем
Та забытая, тихая,
Полная смысла картина:
Где-то в пятидесятых,
В Рождествено,
Вся семья за вечерним столом!
Боже мой! Вся семья!.. За столом...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Еще сделаешь шаг —
и окажешься в стареньком доме,
Где никто не живет,
только старые сказки живут:
Мужичок-с-ноготок улыбнется
и спрыгнет с ладони
И Конек-горбунок убежит
на свекольное поле, в ботву.
Позови, он придет:
еще нет ни кнута, ни уздечки,
Он еще понимает
картавую детскую речь...

В доме кто-то вздохнул:
домовой притаился за печкой?
Где же бабушка? Сумерки.
Надо бы лампу зажечь.
Еще сделаешь шаг —
и заря разгорится над лесом.
Дед хрустящую свеклу нарезал уже
для агнят,
Рукавом телогрейки отодвинул,
и, скрипнув протезом,
Сел к лежанке и смотрит
на быстрые блики огня.
В тишине ошибается бабушка: снова
Окликает меня
именами оплаканных братьев отца...
Вскинет руку к глазам
и опустит, помедлив немного,
Словно темной ладонью
стирает морщины с лица.
Стукнет дверью отец,
пламя в лампе взметнется пугливо,
Я услышу, как тихо
за речкою песню поют...
Еще сделаешь шаг —
и вернешься обратно счастливым!
Я стою... Возле темного дома стою...

МАТЬ

Как тихо стало после бури!
 На свет закатный из сеней
 Она смотрела, глаз не щуря,
 И словно видела в огне
 Небесном прошлые картины,
 И вас — живыми рядом с ней —
 Отца и мужа, мать и сына,
 Оставшихся на той войне.
 Поблекшие глаза слезились,
 И дом стоял привычно нем,
 Лишь снимки ваши чуть светились
 Напротив двери на стене.
 И вы, убитые войною,
 Прошли безмолвно перед ней
 И тихо скрылись за стеною
 Иных забот и новых дней,
 И ваши горестные тени
 Вечерний склон пересекли
 И, удлиняясь, постепенно
 Втянулись в тень родной земли...

НА СТАРОЙ ЛЫЖНЕ

Туда уводит старая лыжня,
 Присыпанная инеем и хвоей.
 По ней о н и уходят от меня,
 И стук их лыж, деревья беспокоя,
 Бросает в небо стаю воронья.

Сутулые, в пробитых маскхалатах,
 Они поляну вкось пересекли,
 И раздались далекие раскаты
 С той стороны, куда они ушли...

И чуть заметно дрогнула земля,
 В свой темный мир тела их принимая,
 И крик вороний грянул над холмами!..
 И хрустнул наст на всхолмленных полях!

Здесь свет и шум, и пенье молодое,
 Там — тишина... Там даже воздух мглист.
 Меж темных сосен стынет обелиск,
 Увенчанный заснеженной звездой.

В разбитом храме тот же снег. И тень
 На вымерзшей, изрой взрывом кладке.
 Погост.

Здесь спят последних войн солдатки
 Из опустевших ближних деревень...

ЖДИ!

*(Бабушке П. М. Филипповой
 и другим, все еще ждущим мужей
 и сыновей)*

*Жди меня — и я вернусь...
 К. Симонов*

И никакого романтизма:
 Из года в год, день изо дня,
 Почти в течение всей жизни.
 Ты ждешь меня.
 Ты ждешь меня...

Давно не веришь горьким слухам,
 Письму, где сказано: «Пропал...»,
 И перестала по старухам-
 гадалкам
 обувь зря трепать.

Не пишешь по военкоматам
 И по редакциям газет,
 Где отвечают виновато,
 Что данных нет. Известий нет...

А лишь надеешься на чудо
 Все эти дни и все года.
 Я б написал тебе ОТТУДА,
 Но письма не дойдут сюда.

Нет связи между ЭТИМ светом
 И светом тем, где я сейчас..
 Я б написал тебе об этом
 И передал, Чтоб ждали нас

На этой грешной и счастливой
 Земле, где — повезло! — живут..
 А мы... Мы тоже будем живы,
 Пока нас ждут!
 Пока нас ждут...

© Анатолий Филиппов, 2025

Сергей МИХЕЕНКОВ

Повесть о бессмертном сержанте

Главы из повести

*Моему деду Карпу Яковлевичу Райкову,
русскому солдату двух мировых войн,
во время Второй дошедшему до Берлина.*

Вместо предисловия

Октябрь 41-го. Шестьдесят пехотных, танковых и моторизованных дивизий группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун» — мощный и стремительный рывок на Москву, который должен был окончательно решить судьбу похода германской армии на Восток.

На брянском направлении танкам и мотопехоте 2-й танковой группы генерала Гудериана противостояли войска Брянского фронта, в том числе 50-я армия генерала Петрова. В первые же дни немецкого удара фронт армии был рассечён, и её дивизии, полки, а порой батальоны и отдельные отряды сражались изолированно. Те, кто выжил и выдержал тот сокрушительный натиск, отходили к Туле. К Туле, разрезав нашу оборону, устремились и танки Гудериана. Началась смертельная гонка. Кто первым займёт город и оборонительный район в окрестностях, тот будет контролировать открытые дороги на Москву. Две массы войск, утопая в грязи, катились, бежали, брели на восток. Одни — чтобы занять удобные позиции и оборонять Тулу и дальние подступы к Москве на заранее подготовленных рубежах. Другие — чтобы лишить войска противника, сбитые с позиций под Брянском, всякой опоры и на их плечах ворваться в Тулу, а потом хлынуть по дорогам на Москву. До Москвы было уже рукой подать, несколько переходов.

Командарм Петров, герой Испании, погибнет в пути. Армию возглавит другой генерал — Ермаков. Энергично проведёт перегруппировку остатков частей, вышедших к Туле, и с ними остановит танки Гудериана.

Генерала Ермакова вскоре после этого отдадут под суд, но это уже другая повесть...

Солдаты, отступавшие в те дни и ночи по разбитым дорогам Брянщины к Туле, ничего этого не знали. Они просто бежали на восток, к Москве. Они спасались от опасности оказаться в немецком тылу, т. е. в окружении. Никто из них не мог и предполагать, что ждёт их в конце пути. И где этот путь закончится для них. Бегущим всё казалось пропавшим, уничтоженным, раздавленным гусеницами немецких танков, сожжённым точным огнём чужой артиллерии. И собственные жизни им представлялись случайными химерами, которые вот-вот тоже растают, распадутся без боли как несуществующие, растворятся в дымке бесконечных дорог, в нежной до слёз белизне перелесков, превратятся в землю, в дождь, в жухлую траву под ногами. Но ноги всё двигались, шли и шли. Счастье, если выпадала минута привала. А потом снова шли и шли.

Есть такое звание в нашей армии — сержант. Если вдуматься да посмотреть попристальней, то увидишь, что именно на нём, на сержанте, лежит основная ответственность за боевую работу в войске. Младший командир. Постоянно живёт жизнью солдата. И сам носит такую же гимнастёрку и шинель, такой же подсумок и такую же винтовку, как и все бойцы. А если ещё он постарше и знает жизнь, то и цены такому сержанту нет. Для молодых он дядька, а для стариков верный боевой товарищ и брат, кроме того, в любой момент готов заменить командира взвода и даже роты и взять на себя всю полноту ответственности за подразделение, то есть за каждого из них. Таков и наш герой, прошедший всю войну. В 41-м под Тулой и Калугой он был младшим сержантом, а в Берлин пришёл старшим сержантом.

Глава первая. БЕГ

— Наше дело какое... — рассуждал пожилой младший сержант Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. — Наше дело — солдатское. Приказали бежать, мы и бежим. Бежать — не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. — И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошёл густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, этот его дух скручивался в такой ядрёный жгут, что им, как в те минуты казалось Отяпову, можно было повалить любую вражью силу. Потому, должно быть, он и улыбался в одиночку. Улыбался, изо всех душевных сил стараясь не унывать, сержант Отяпов ещё и для того, чтобы хоть как-то справиться со страхом и собственной бессмысленной злостью. Правда, смысл-то у его злости был, но выхода той злости пока случая не представилось. Тихо, тихо, думал он, помалкивая, потому как скажи о своей последней надежде товарищам по несчастью, тут же услышишь возражения или даже брань, да ещё и от тех, на кого больше всего полагаешься.

Третьи сутки полк на марше. Но марш складывался по какому-то несуразному уставу. Порядка того устава никто не знал, однако следовать ему — куда деваться? — приходилось. Командиры стали неразговорчивые. Видать, думал себе младший сержант Отяпов, всё это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и, если строже смотреть, халатность и форменное вредительство, придётся отвечать перед родиной и народом по всем законам военного времени. Но народ-то, тот самый народ, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. И то хорошо, что хоть винтовки не побросали. Вон даже пулемёты и коробки с патронами волокут, терпят. Тоже, как видно, надежду в душе берегут, какую-никакую, будь она хоть самая крошечная, как песчинка.

А родина всё не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились всё хуже и хуже. И на хорошие мысли это не наводило.

— Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, — сказал ефрейтор-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

— А что такое? Аппетит испорчу? Так всё одно с утра не жрамши, и, видать, до утра ничего такого не предвидится. — И Отяпов покосился на ротного.

— Вот выйдем к Рессете, там, в Хвастовичах, стоят наши дивизионные тылы. Там нам и кухня, и отдых. Так что, ребята, не падайте духом. — Ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску неизвестности. В глаза ему лучше было не смотреть, в них то стояла, то медленно двигалась мутная темень, хуже чем в овраге в сумерки во время тоскливого осеннего дождя.

Обсушиться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу, от костра к костру вдоль остановившейся на час-другой солдатской реки-дороги:

— Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время любых неурядиц. Вот, думал младший сержант Отяпов, с беспокойством поглядывая на свои ботинки, и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу свою изнашиваете прежде моей, человеческой. Ещё месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как бороны. От них сладко пахло дёгтем и кожей. И сносу им, казалось, не будет. А что он в них повоевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До отступления Отяпов нёс спокойную и скучную службу при дивизионной прачечной. Контингент там, что и говорить, оказался не окопный. Бабы и есть бабы. С ними одна война. Но всё же порой случались и весёлые моменты. А тут вон как припёрло, и шутики никто не понимает...

В левом ботинке неприятно похолодало, а вскоре и вовсе захлюпало. Что ж ты, боец, с досадой поглядывал на свой ботинок Отяпов, так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, строгий и справедливый, но, попробуй, прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается. А ты, сутки некормленный, с десятью патронами

в подсымке, изволь, исполняй то, что тебе прикажут. А что прикажут? Приказ бойцу всегда един — родину оборонять. Вот и оборони её, с десятью-то патронами... Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за горсть табаку у ефрейтора-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки, и — как всё равно в сапогах! Но где-то сбоку начал расходиться шов, видать, раскис. Сырость, грязь, непогода... Надо бы просушить ботинок, почистить его и подбить свежими деревянными шпильками. Сухой дубовый чурбачок лежал у него в «сидоре», из него-то и думал наколоть и настрогать нужного размера деревянные гвоздочки. Но где о таком думать в этой кутерьме? Для обувного ремонта привал нужен основательный.

Спать на ходу для Отяпова — дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напороться. А то споткнётся кто из идущих впереди, выставит свою винтовку с примкнутым штыком, а ты — на него. Хорошо, народ почти побросал свои штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за берёзки цепляться, движение задерживать. Но побросали не всё. Штык, если иметь голову на плечах и не особо поддаваться общим мрачным мыслям, железка на войне очень даже нужная. Котелок над костерком подвесить, воды вскипятить — воткнул в землю наклонил над углями и вскоре в котелке запарило, забулькало.

А дрема между тем так и охватывает, так и ласкает тело. Натурально бабья натура у этой дорожной усталости... Нет сил отгонять её. Так и прилёт бы сейчас под любым кустом, хотя бы вон под тем, или под тем, где мох погуще и листва посуше. Да, мечтал сержант Отяпов, прилечь после такой дороги — дело самое подходящее и простительное. Не посмотрел бы ни на сырь, ни на что. Притулил бы голову на мягкий мох, раскинул руки. Только бы выпастись всласть, а там будь что будет...

И посреди этих своих сугубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлессова. Тот, похоже, тоже на него глянул. Как бы не догадался, о чём я только что воз-

мечтал, беспокойно подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие...

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив днёвку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надёжные ребята. На Десне лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолётами и начал обрабатывать тяжёлыми бомбами передний край обороны полка. Ничего, бомбёжку пережили благополучно, медвежатиной от них после налёта не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк перелез через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплеховали. Стреляли, как и все, отсекали пехоту. Пехота — не танки, она не броня и через их окопы не прошла. Человечину пуля берёт легко. Хорошенько прицелился, с холодной душой, как будто её и нет в тебе вовсе, нажал на спуск, и вот уже и не человек, а серый бугорок наподобие кротовой кучи лежит в поле. Лежит и не двигается. Никаких признаков жизни! И никакого отношения к тебе он не имеет, потому как, может, вовсе и не твоя пуля его из человека в шинельный безымянный бугор преобразила.

И вот — ушли с поста. Те-то, тамбовские. Смена пришла, а их и след простыл. Немецкая разведка уволокла? Такие случаи были. Заклевал часовой носом, девку во сне увидел, а немец уже подполз и ждёт минуты, когда сонному тетере ловчее рукавицу в рот засунуть. Но дезертирство... Эта дель похуже немецкого плена.

Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсымки, гранаты, всю боевую амуницию. Навоевались. А потом поймали, похватили и их самих, беглых наших. Дурачков тамбовских. Губошлёпов деревенских.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна всё шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под берёзой белые как мел и ждали каждый своей пули. А пуля — ей что? — она не только шинель и гимнастёр-

ку пробивает, она и кожу с лёгкостью рвёт, и кости ломает...

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов машинально, словно от вспышки близкого разрыва, закрыл глаза. И, пока не бахнул залп, не открывал. Смотреть на то, как умирали тамбовские, не хотелось. Отяпову почему-то их было всё же жалко. Хотя и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но всё же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы и не расстреливать бойцов за малодушие, за проявленную трусость и прочие отвратительные поступки, достойные всяческого осуждения и даже презрения товарищей по оружию. Пострашать, попозорить, может, даже мордами их позорными по земле повозить, но жизнь всё же оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле берёзы затворы и стало понятно, что сейчас последует.

А некоторые смотрели. И потом обсуждали, вспоминали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские торопливо закапывали. Запомнилось ещё вот что. Когда тамбовских поставили перед ямой, кто-то из их взвода тихо, чтобы не услышали командиры, сказал: «А матеря небось писем ждут...»

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них, конечно же, дело стыдное. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подмётка, и — что тогда ему, младшему сержанту Отяпову, делать посреди фронтовой дороги? Как воевать дальше? Как родину защищать? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование всё же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали гожую обувку в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из того обменного склада, справедливо и заслуженно перепало.

За этими мыслями, которые совсем истерзали Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда,

к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сёк, со звоном, будто колючей проволокой, царапал по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, если через два дня Покров? Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пёс клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. Если не прилетит, загадал Отяпов, значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел. Такое случается. Шальной бывает и немецкий, и свой. Шальной есть шальной. Как жених хмельной — не в ту дверь зашёл...

Второй снаряд лёг уже поближе к дороге. Видно было, как блеснуло за деревьями, и чуть погода посыпались по кустам осколки. А третий на куски разнёс санитарный фургон. Вот тебе и жених хмельной... Машина стояла на пригорке перед ложиной, и из неё перегружали на повозки раненых. Видать, закончилась горючка.

Вот как неудачно остановился, успел подумать Отяпов. Слишком видное место. Шофёр-то, видать, растяпа...

— Господи, Исусе Христесе. — И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, но им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

— Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетаскиваться через ложину. Дорогу совсем растолкли. Вперёд ушли танки и бронетранспортёры. Тракторы протаскивали тяжёлые орудия. И теперь грузовики и телеги по ступицы проваливались в колеи, заполненные густой осенней жижей. Такая только к весне затвердеет, в нормальную дорогу превратится. Или когда приморозит. Кони лезли из гужей. Да, думал Отяпов, глядя на старания коней, нам несладко тут о смерти думать, а какового им...

— Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, — приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или

какая-нибудь просьба, которую некогда, да и некому было выполнять.

— Да какой тебе закурить, — терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. — Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает. Нёшь не видишь? Терпи.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

— Шире шаг, мать-перемать! — кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обугленное дерево, он стоял на взгорке и размахивал чёрным трофейным автоматом без магазина. Всё перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди ефрейтора-связиста:

— Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серёд дороги. Хуже нет...

— На дороге — не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Переправа, как понял Отяпов, совсем скоро. К ней и тянулись батальонные колонны и обозы. И правда, когда Курносов сказал о переправе, сердце Отяпова нехорошо трепыхнулось. Переправа... Как же он забыл о ней? Не вовремя... Как не вовремя, твою капитана...

Рядом уже несколько километров тянулся санитарный обоз. Будто прилип. Раньше он двигался где-то впереди. Выходит, полк его догнал. На раненых смотреть было тяжело.

— Дядя Нил, подсоби! — услышал он вдруг знакомый, да что там знакомый, его деревенское имя окликнул родной голос.

Оглянулся: Господи Иисусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, жена племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. А теперь вот тоже тут, в шинельке да в пилотке с медицинскими змейками в петлицах. Выходит, и эту непутёвую занесло на войну. Как же, комсомолка, ти её...

Лидка нахлёстывала серого исхудалого нервного коня, до плеч забрызганного серой дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что бледная мокрая голова билась о грядку. Отяпову даже показалось, что Лидка везёт мёртвого. Совсем одурела девка. Мёртвых складывали у дороги, мёртвых дальше не везли. А на их место тут же

притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах. Телеги не пустовали.

— Ты ж откудова, дочка, в наш ад свалилась? — посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке ефрейтора Курносова и сам как следует налёг на полук.

Ещё двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь, почувствовал помощь, полез по грязи, как чёрт, и через минуту-другую они уже весело бежали, то ли подталкивая полук, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нём комбата. Толкнул Лидку.

— Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Ресеты, — упреждая его взгляд, сказала Лидка и отвернулась.

— Куда ж его ранило? — тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не ответила. Будто не слышала. Боится, подумал Отяпов. Или боится, или, чего хуже, жалеет этого дезертера.

— Скидай его в канаву, сук-кина сына! — И Отяпов, повинувшись горячей волне внезапно, как во время боя, вскипевшей в нём, потянулся, чтобы перехватить вожжи. Он уже представил, как потная голова комбата Титкова летит в придорожную канаву — там ей и место...

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала бешено нахлёстывать коня, и тот понёс повозку обочиной, испуганно обгоняя понуро бредущих бойцов. Она всё это время ни разу не оглянулась на него и на бойцов, помогавших вытаскивать из грязи повозку, и Отяпов всё понял.

Вот жизнь, думал он, твою капитана-мать... А ведь — командир, настоящий, кадровый, довоенной выслуги, со шпалой в петлицах. Из москвичей. Самый что ни на есть надёжный кадр. Вспомнил, каким аккуратным и подтянутым тот всегда появлялся перед строем и в окопах, как весело разговаривал с бойцами и как от его гимнастёрки и даже шинели всегда приятно пахло одеколоном и дорогим табаком. Надо ж, в такое гиблое время так ослабеть и батальон бросить...

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дурёха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Комсомольцы-добровольцы, особый призыв. Чудно, подумал Отяпов, в одном батальоне, а ни разу не встретились.

Пока вытаскивал из грязи повозку с пьяным комбатом, левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом — полной рекой... Твою-капитана, про себя выругался Отяпов. О комбате он уже не думал, думал о Лидке. Что злиться на Лидку? Кто она тут? Вчерашняя фельдшерица. Неопытная, простодушная дурёха. Такую погладь, она прильнёт самой верной собачонкой. К тому же, по всему видать, приказ ей отдан. Хотя бы и самим капитаном. А коли приказ, то как быть военному человеку? Исполнять! А как иначе?

Он, конечно, поступил бы иначе. И Отяпов вспомнил, как в тридцать шестом с мужиками искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено всё на лугах, растресено, мокнет, гниёт. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку закрутили. Ну и нагрянули колхозники к ним на честной пир, вытащили всех троих на пруд и искупали в ряске... После разбирательство было. Из района понаехали. Милиция, уполномоченный НКВД. Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем. Такие нынче при больших штабах. Может, при дивизии или при самой армии.

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хрюскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперёд. Её глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов давно потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, связист, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом соорудил на ботинке надёжную скрутку. Теперь даже вода меньше поступала внутрь и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и поте-

рется в грязи. Спасали, конечно, портянки. Но провод Курносова оказался настоящим спасением. Вот спасибо ефрейтору, не зря что связист, и провод у него есть в запасе, и плоскогубцы. А главное, подошва теперь цела будет, не потеряется.

Впереди внезапно открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в плотное серое стадо, шёл, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нём чувствовалось нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались в стороны, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но сломанные оглобли тут же скручивали ремнями, и коней успокаивали, и те снова шли вперёд, в том же потоке. При всём хаосе в плывущем в пойме через мост потоке чувствовалась какая-то стихийная организованность, жестокий порядок. И это тоже вселяло надежду в тех, кто ещё окончательно не пал духом. Здесь даже умирали молча.

— Давай, Курносов, не отставай, братец, — торопил Отяпов связиста и сам себя подбадривал.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие, и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым духом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулемётного расчёта. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для пулемета. Надо бы помочь пулемётчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перебило другой: не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч, эх, твою-капитана, всех не вынесешь, не спасёшь. Кому-то и тут лежать. Может, сейчас другой прилетит и меня... Но эту мысль Отяпов тут же придушил. Лучше думать о том, какая дура Лидка, решил он.

— Держи, не потеряй! — И Отяпов сунул ефрейтору Курносову свою винтовку.

Пулемётчик действительно оказался тяжёлым. Глубже стали утопать ноги в жидкой болотине. Хорошо, что сапёры загатили колею, и вязанки хвороста всё же кое-как держали, пружинили под ногами, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперёд, так что он едва успевал перебирать ногами, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь и где каждый, может, сам того не желая, всё же помогал другому. Курносов хрипел рядом. Только бы не бросил мою винтовку, беспокоился Отяпов. Только бы снаряд не попал в настил...

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, брёвна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава вторая БОЙ У БОЛОТА

Отяпов встал на колени, соскobil грязь с лица. Глаза были целы, видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть то, что надо было разглядеть, — дорогу. Рядом карабкался ефрейтор Курносов. Похоже, он был жив. Пулемётчик, тоже живой, лежал рядом и смотрел на Отяпова с благодарностью и надеждой. По щекам его текли слёзы. Пулемётчик совсем молоденький, лет, может, восемнадцати. Отяпов обратил на него внимание ещё на марше — уши из-под пилотки торчком, пилотка — дюдей, шинель — как на горбатом. Видать, тоже из последнего пополнения.

— Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку. Раз взялся...

Он встал и начал поднимать пулемётчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит пулемётчика, что бы ни случилось.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на другой берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу всё понял: вот те на, твою-капитана, называется, ушли, вырвались...

По краю болота бежали немцы. Они старались держать правильную цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колено и торопливо стреляли из винтовок. Клочки пламени взблескивали по всей цепи. Стреляли они то куда-то правее, то прямо по фронту — в них. Но ни одна пуля ни в кого из бежавших рядом пока не попала.

Вот тебе и вышли из окружения...

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. Эх, некому подать команду, лихорадочно соображал Отяпов. Он машинально шевельнул плечом, но тут же вспомнил, что винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

— Стой! — закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. — Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захрустели затворы. Мелькнула, как чужая и желанная девка во сне, надежда.

— Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

— Эх, мать вашу германскую разetak!.. — весело матерился Отяпов, радуясь, что он подал нужный, правильный приказ и приказ его выполнялся.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал ефрейтор-связист и тоже вёл огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

— Бей-убивай! — заорал Отяпов; его охватила какая-то лихая злость, как будто за плечами вспыхнули могучие весёлые крылья и, только взмахни ими, они унесут его и даже раненого пулемётчика куда угодно. Но сперва надо было отбиться от наседавших немцев.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с длинными копьями винтовок наперевес.

— Наши!

Возле болота началась рукопашная.

Но Отяпову и его товарищам было не до неё. Куда им в это месиво лезть? И не разобрат, где свои, где чужие. Можно и под свои штывы попасть.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка, напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо изгваздано в кровавой грязи. В повозке по-прежнему лежал, болтался на ухабах пьяный комбат, бился головой о грядку.

— Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! — И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. — Вот тебе на попечение. Вези, доченька. С богом.

И они всем своим случайно сбившимся в кучу подразделением навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в спасительный лес.

В лесу комбат пришёл в себя и принялся выбираться из повозки. Его мутило. Он сиделся, поводил по сторонам дурными, ничего не видящими глазами, но его снова откидывало на спину.

— Эх ты, шваль подколёсная, — вслух думал о нём Отяпов. — Сколько нынче хорошего народу побил, а тебе хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Надо было отвернуться, чтобы не смотреть на позор своего командира. И он отвернулся. Это он сейчас такой, подумал Отяпов, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять командовать кинется, орлом заходит. Хлюст московский... Комбат был из Москвы. Как-то в минуту откровения рассказывал им, какая у них в Москве до войны была хорошая жизнь. Семья его не эвакуировалась, что-то не заладилось. Хвалился, какая у него красивая жена, фотокарточку показывал. И правда, с карточки улыбалась молодая женщина с ямочками на щеках, с модно прибранными волосами. Отяпову даже показалось, что комбат их разыгрывает, показывает портрет какой-нибудь артистки.

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулемёты. Ездовые гнали повозки, нагружённые миномётными трубами и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал чёрный трофейный автомат. Теперь в автомате торчал длинный рожок. Капитан подошёл к ним, заглянул в повозку.

— Капитан Титков? — Взглянул на Лидку, которая ни жива ни мертва сидела, под-

жав ноги, на грядке. — Что с ним? Ранен? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, разом выброшенного к ногам, обгадил и их.

— А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! — Капитан резко опустил автомат и оттянул затвор. — Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как там приказывал товарищ Сталин? — И капитан пронзил холодным блеском остановившихся глаз младшего сержанта Отяпова и хладнокровно продолжил: — А товарищ Сталин приказывал так: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят, продадут за понюшку табаку, за хлебок водки нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушились на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали кто где стоял. А когда подняли головы, ни капитана, ни его подчинённых ни возле повозки, ни поблизости нигде не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой и упругой металлической окалиной рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал младший сержант Отяпов, а этот назад пошёл, и людей своих повёл. Вот кому сам чёрт не брат. Вот это капитан. С таким и умереть не страшно. Нет, братцы, не всё ещё пропало, засмеялся он через силу, есть и в нашей армии смелые и гожие для хорошей войны люди.

Волоком и тычками они затащили на повозку своего комбата. Исполнять приговор капитана не стали. Кто стрелять в пьяного комбата будет? Да и приговор этот чужой, невесть откуда взявшийся капитан до конца не дочитал. Лидка торопливо, как страшно стыдное, отчищала клоком соломы, выдернутой из подстилки, заблёванную шинель своего командира.

— Вези, Лидка, — махнул рукой Отяпов. — Что ж делать. За него ведь и такого с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за

перевязку. Даст бог, выживет. Вези скорей. Выходишь — жених тебе будет. Смотри, какой парняга...

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке, туго, как на парад, перетянутый ярко-рыжей новенькой портупеей.

Отяпов с ефрейтором и другими, кто не отставал от них, тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, и ему тоже постучал бы в лоб наганом:

— Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности! — Так он внушал тем, у кого при построении не оказалось на руках личного оружия.

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клюнуть любого оплошавшего. Револьвер он держал в руке.

— Наша задача — не дать противнику овладеть переправой! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

— Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, — толкнул его ефрейтор Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные. В их положении любые хороши, но лучше бы, конечно, мясные. Мясные сытней и, дело проверенное, дольше продержатся в желудке.

Лейтенант скомандовал «вольно». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, не к месту весело сказал:

— Ну, налетай, кому пряного посла не хватило!

«Пряного посла» хватило всем. Скумбрия в масле — тоже вещь хорошая. У связиста Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко, одну и другую, крутанул своим тесаком крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул его, чистое, за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пу-

стеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах. Но и пустую её выбросить было жалко. И только когда Курносов поднёс каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и растегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах. Снаряжённые. Это хорошо. Меньше возиться с обоймами.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошёл к старшине.

— Тебе чего, папаша? — спросил старшина.

— Да вот... — И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. — Обужи сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

— Имеется, — живо согласился старшина и шальным глазом указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время миномётного обстрела. — Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные — с железными подковками. Из самой Германии, биё-мать...

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирём редкие зубы весёлого старшины. Ещё минуту назад Отяпов не прочь был свои ненадёжные ботинки на подходящие сапоги, пусть даже с кого-то из убитых, но теперь, когда весёлый старшина предложил ему сделать это прилюдно, всё в нём воспротивилось и встало дыбом. Нет, подумал младший сержант, лучше босым ходить.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паёк и патроны.

— Ну что, Гусёк, нашёл свою судьбу? — окликнул бойца лейтенант.

Он всё ещё держал наган в руке, словно и вправду поджидал посланных за брошенными винтовками.

— Нашёл, товарищ лейтенант. Там, возле моста уронил... Обстрел начался, ну я и...

— Молодец! Даже если винтовка не твоя. Становись в строй!

Интересно, Гусёк — это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная не по росту шинель. Такие урезают на ладонь — на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк всё время держался возле Отяпова и ефрейтора. Связист помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил её содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой. Как-никак, а всё же поел перед смертью, радовался за него Отяпов.

— Расстрелял бы, — кивнул Гусёк на лейтенанта, который шёл впереди с наганом в руке. — Если бы винтовку не нашёл, как пить дать, расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

— И правильно бы сделал, — не оглядываясь на бойца, угрюмо сказал боец, шедший впереди; лицо его, небритое, бледное, не выражало ничего, кроме крайней усталости.

— Да я ж нашёл! Вот она! — радостно оправдывался Гусёк и тряс обеими руками винтовку; он держал её крепко, даже пальцы побелели, словно боялся потерять её в другой раз. За что ж меня расстреливать?

«Да, — подумал Отяпов, — ротный тут — личность свирепая. А где вот теперь его, младшего сержанта Отяпова, рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он с чужим ротным идёт куда-то? А куда идёт? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту. Там они. Там. В любой момент могут появиться и снова атаковать развёрнутой цепью».

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами, должно быть, только что и пробитыми, стал торопливо втягиваться в лес на восточном берегу Ресеты.

А куда вёл их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дёргали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам всё время везёт? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки. Бабы — они такие... Без разбору мужиков жалеют.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулемётчик. Или противника не видит, да и лунит наобум лазаря, чтобы только командир не бранился, что пулемёт не ведёт огонь по противнику. Или, наоборот, противник весь, вот он, перед фронтом, и пулемётчику надо только поспевать.

Из-за деревьев им навстречу выбежал ещё один лейтенант.

— Вот, кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулемётах. — Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. — Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить — патрона жалко. — И лейтенант засмеялся. Смеялся лейтенант вроде и не зло, но кто его знает, чужого командира.

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

— Сидят, не рыпаются? — спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

— Пока сидят, — ответил ему второй лейтенант. — Но, думаю, скоро полезут.

Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стёганую телогрейку и будёновку. В руке потёртый ПППШ, словно он с ним воевал третью войну.

— Без поддержки миномётов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

— «Великая Германия»... Всё у них великое...

— Хорошо, что погода нелётная.

— Да. Туман. Хоть что-то... Всерьёз за нас взялись. «Великая Германия». Сидят в болоте и не рыпаются. Побольше бы людей да пару миномётов, и заставили бы эту «Великую Германию» здешнее болото ноздрями вылёбывать...

Немного погода лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушёл на левый фланг. Другой, сбив на затылок будёновку, оглянулся на них:

— Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже бросали, лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защёлкивался. В конце концов он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

— Дай-ка сюда. — И Отяпов ловко, одним движением насадил штык на ствол Гуськовой винтовки. — На, воюй по уставу и матчасть куда попало не раскидывай.

— Пошли, — негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и, не пригибаясь, в полный рост пошёл вперёд.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемёт срежет храброго лейтенанта. Но тот невредимым вошёл в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча свой потёртый ППШ. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперёд, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплыло туманом. Виднелись лишь чёрные, будто обгоревшие шесты сухих ольх, как попало воткнутые то ли в снег, то ли прямо в туман.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шёл, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперёд. Он бежал быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь, хотелось окликнуть лейтенанта Отяпову. Младший сержант едва поспевал за ним.

И тут произошло то, о чём потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой, случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаться залечь или как-нибудь по-другому уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

— Держи строй, ребята!

Немцы шли навстречу — ровной цепью с поразительно одинаковыми интервалами.

Ни выстрела, ни крика команд. Они уже всё решили, как разделаться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале всё делалось молча. Потом разом зарычали, завывали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились с туманными столбиками те, кого повёл лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных. Младший сержант Отяпов снова почувствовал, что у него вспыхнули за плечами горячие крылья и, стараясь не думать уже ни чём, кинулся вперёд.

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что зловещие ровные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полукольцом, опасно охватывают с флангов. А значит, их больше, с ужасом понял Отяпов, если решили окружать. Но теперь надо было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чём не думать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам, ни вспыхнувшим за плечами крыльям.

В какой-то миг Отяпов успел увидеть, как Гусёк обогнал его и, держа винтовку со штыком на вытянутых руках, чтобы она была длиннее, кинулся в расступившийся туман, но тут же упал, то ли споткнувшись, то ли сбитый с ног пулей или встречным ударом немецкого приклада. И это его спасло от другого приклада, который немного запоздал и только чиркнул металлической накладкой по каске Гуська.

Отяпов боялся потерять винтовку. Он уже не думал ни о лейтенантах, ни о своих боевых товарищах Курносове и Гуське — винтовка стала его и командиром, и напарником. Он перехватил её одной рукой поперёк цевья, другой за шейку приклада и расчищал перед собой пространство, круша всё, что выступало из тумана и преграждало ему путь к переправе, к разбитому мосту, к лейтенанту, где-то потерявшемуся в этой мутной смеси тумана и ужаса.

Рукопашная закончилась так же неожиданно, как и началась. Младший сержант Отяпов застал себя стоящим на коленях. Перед ним лежало тело человека, которого, должно быть, он сбил с ног минуту назад. Одето оно было в тёмно-зелёную шинель с погонами с какими-то нашивками. Рядом лежала винтовка с примкнутым широким

белым штыком, похожим на нож. Ни тело в чужой шинели, ни винтовка не шевелились. Это могло означать только одно, самое главное: младший сержант Отяпов, как опытный боец, с ними справился. Одолел.

— Живой? — Кто-то знакомый наклонился к нему, заглянул в лицо, скривил губы в нелепой улыбке.

— Ну что ты головой трясешь? Как конь перед бороздой, — участливо сказал другой, тоже подошедший к младшему сержанту. Но другой больше смотрел не на Отяпова, а на немецкую винтовку с плоским штыком. Этот штык казался куда страшнее нашего.

— Во. Трохвей. Штык сыми. Пригодится.

Кому это говорили? Неужто ему, Отяпову? Он потрогал свою голову. Ничего, голова была в каске, каска цела, значит, и голова тоже.

— Пошли, пошли...

Голоса хоть и знакомые, а доносятся будто издалека.

Вот и лейтенант. Тот, первый, злой, в кожаной куртке. Теперь у него в руке немецкий автомат. Смеётся. Довольный. Видать, повезло ему, по шее не попало. А где другой, молодой, с ППШ?

Под сосной складывали убитых. Знакомых среди них никого нет. Как нет? Вот лежит, голова разбита, затылок словно косой срезан. Вот он, твой лейтенант. Тот, кто тебя, младший сержант Отяпов, в бой повёл. Кто первый в свалку кинулся. Кого ты искал в тумане, чтобы рядом с ним быть. И будёновки на нём уже нет. Видать, где-то просвтал парняга свою командирскую шапку.

Болела спина. Болело плечо. Болела левая рука.

— На вот, переобуйся. Далеко ли ты, разутый, уйдёшь? — опять этот голос. Голос хороший, сердечный. А рассмотреть лицо человека, который так заботливо разговаривал с ним, Отяпов не мог. Перед глазами плавал разноцветный туман. Как будто бабочки с дикиными крылышками порхали в жаркий июльский полдень над сырой лесной дорогой. Такие дороги он любил — едешь на телеге вдоль оврага, сено с лесного покоса везёшь, а они кругом летают, на холодную от пота рубаху садятся, на руки, цепкими лапками кожу щекочут...

Он сел и начал переобуваться. Новая обувь пришла ему впору.

— Твой трофей. Заслуженный. Носи.

Голос он узнал. С ним разговаривал Курносов.

— А где моя винтовка? — спросил он Курносова.

— Винтовка тут, — ответил Курносов. — Гусёк несёт.

— Живой? — обрадовался он, что жив этот мальчишечка, который, как ему казалось, никак не мог выжить в том аду, который они только что пережили.

— Живой! Герой, брат, наш Гусёк! Немца заколол!

— Неужто?

— Твоего перехватил. Лежать бы сейчас тебе, Нил Власыч, под сосонкой, если бы не Гусёк, — хвалил Курносов мальчишечку, оказавшегося ловким, не хуже других, бойцом.

— Вот тебе и мальчишечка, — вслух подумал Отяпов. — Спасибо тебе, Гусёк.

Гусёк не ответил. Молча шёл рядом. Отяпов видел его болтающуюся между соснами тень, потом вдруг понял, что это вовсе не тень, а каска Гуська, которую тот нёс, как грибки носят корзину.

— Не слышит. Спит, — пояснил Курносов. — Пускай поспит, пока не споткнётся. А спотыкаться ему не привыкать. — И Курносов устало засмеялся.

Все шли усталые. Спотыкались. Молчали. Народ в таком бою устаёт быстро. После такого боя надо бы отдохнуть, прийти в себя, хотя бы под первой попавшейся берёзкой, хотя бы на мокрой листе или даже в снегу. Да где там... Надо идти.

— Подтянись! — послышался чей-то голос, должно быть, командира, но и командирский голос был явно усталым.

Кто теперь командовал ими, младший сержант Отяпов уже не мог сообразить. Да и какая разница, кто. Лишь бы команды подавал, вовремя да толково.

Глава третья. К ТУЛЕ

Уже стемнело. Накрапывал дождь. Вышли из леса. С просёлка свернули на пашню и пошли по мягкому. Потом пашня кончилась, под ногами загремела стерня. Не успели

запахать, подумал Отяпов и потянул ноздрями воздух, пытаясь по запаху определить, что тут было сжато, овёс или рожь. Пространство пахло сырой шинелью да ружейной смазкой. Но хлебным духом откуда-то всё же веяло, и народ заметно заволновался, взбодрился. Хотелось есть. Отяпов по себе знал, что у голодного человека, как и у зверя, обоняние обостряется до предела, и за версту узнаёшь в дыме костра, варят там кашу или просто портянки сушат.

Зашли в деревню. Прислушались. Вроде тихо. На другом конце, за оврагом, гудели голоса.

— Немцы, что ль? — И боец, который прибудил к ним в пути, сдвинул каску набок, освободил ухо, прислушался.

Голоса затихли.

— Тебе, Тульский, теперь везде немцы будут мерещиться, — засмеялся Курносов.

— Будут, точно, — согласился Тульский.

На самом деле у бойца была другая фамилия. Были у него и имя, и отчество, и другие анкетные данные. Но когда он вышел на них в лесу и рассказал о себе, всем запомнилось главное, что он — тульский. А они шли к Туле. Какая такая надежда появилась у них с приходом в отряд Тульского, никто не мог понять определённо, но каждый из них в себе надежду эту чувствовал. Чувствовал и таил, и она согревала. Она даже порой подавляла беспокойное чувство голода.

— И что, — переспросил его Гусёк, — из самой Тулы?

— Из самой. Из Заречья. Есть у нас в городе такой район, самый старинный. Живут там исконные туляки. Потомственные. Да. — На лице Тульского играла улыбка.

— Самоварники, — поддакнул Отяпов и подумал: вот бы сейчас кипяточку, покруче чтоб, да с чёрным сухариком...

— Нет, я с улицы Штыковой, — посерьёзнел Тульский, явно не принимая шутки. — У нас на Кузнечной слободе живут в основном оружейники. По самоварной части — это в другой слободе. А мы — оружейники.

— И что, в самом деле есть такая улица — Штыковая? — удивился Гусёк.

— Есть. И Штыковая, и Курковая, и Ствольная, и Пороховая, и Дульная.

— Забавный вы, должно быть, народ — туляки, — покачал головой Отяпов, слушая новоприбывшего. — Вот дочапаем до твоей Тулы, приведём тебя к отцу и матери живым и невредимым, так ты нас тогда хотя бы покорми. А?

— Пряником, — хмыкнул Гусёк.

Отяпов посмотрел на Гуська, на его конопчатый нос и с благодарностью подумал: а тебе бы и вправду — пряника. Тебе, парень, не жалко.

То, о чём не выдержал и сказал Отяпов, было частью их надежды.

Тульский задумался. Погодя сказал задумчиво:

— Мать щи с гусятиной по воскресеньям варит. А сегодня — какой день?

— Хреновый сегодня день...

Некоторое время шли молча.

Погодя Ванников, тоже приставший по дороге, вдруг сказал почти зло:

— Это ж почему только по воскресеньям?

— День такой, — сказал Тульский и улыбнулся, будто перед ним поставили тарелку щей с гусятиной.

— Хороший, должно быть, город, эта ваша Тула. Самовары у вас самолучшие.

— Пряники — тоже знатные. Пряник ваш, тульский, я раз как-то пробовал. Понравился. Ружья вон тоже делаете.

— Какие у них пряники?! — снова возразил Ванников.

— Ты, Калуга, мне просто завидуешь. У вас в Подзавалье¹ сейчас, должно быть, хлеб с мякинами пекут. Так что помалкивай.

— Да пошёл ты!..

Ванников лиховал — Калуга была уже занята немцами. А у него там, в Подзавалье, семья — жена и трое малых детей. Задумался. Отяпов стал приглядывать за Ванниковым — как бы чего не натворил. В таком настроении человек сам не свой и ни за что наперёд не знает, на что его случай толкнёт.

Этот разговор у них случился в лесу. А теперь надо было думать о ночлеге и о еде. Об этом и думали. Зашли в деревню и вдруг спохватились: хорошо это или плохо? Не разведали. — Может, в деревне немцы. А они, без разведки, как к тёще на блины, попёрлись напролом.

А я бы сейчас хлебца с мякинами... С великим удовольствием! — И Отяпов мельком взглянул на Ванникова; тот ещё сильнее нахмурился¹.

Гусёк вспоминал рукопашный бой. У него всё ещё тряслись руки и часто тянуло живот, хотя там ничего уже не осталось. В дороге раз пять отставал от отряда и присаживался под кустом. Что из него выходило, непонятно. Столько консервов он не ел.

Отяпов наконец выбрал дом, куда надо было стучаться. Именно от него веяло свежеспеченным хлебом. И он не ошибся.

— Здравствуйте, хозяйшюка, — сказал он, когда за дверью заскреблись и послышался вкрадчивый женский голос.

Женщина открыла и молча пропустила их в сенцы. Будто ждала.

— В хату не пойдём, — приказал Отяпов. — Располагаемся тут.

Он сразу сообразил: сенцы рубленые, тепло держат. Народу много, двенадцать душ, надышат быстро. К тому же есть вторая дверь во двор, а там — огороды, сад, риги на задах. Вроде и банька в кустах возле ручья. К ней тропинка. Всё это он успел высмотреть, когда выбирали дом для ночлега.

Хозяйка, одетая в какую-то до крайности заношенную рвань, пропахшую хлебом, сперва показалась старухой. Но потом, когда вышла с зажжённой лампой и прибранная, хоть и наспех, оказалась молодой лет тридцати с небольшим. И одета она была уже повеселей — в короткую рыжую шубку, собранную в талии, внакидку.

Тульский сразу заходил вокруг неё селезенем, забасил. И глаза у молодки заблестели. Вот молодёжь, подумал Отяпов, и война им нипочём!

— А может, в баньку сперва? — вдруг предложила хозяйка. — Кто у вас старший?

Все посмотрели на младшего сержанта Отяпова.

Отяпов, правду сказать, уже уминал боками свежую пряную солому, сдержанно покашливал от её дразнящего хлебного духа и думал всем своим усталым и избитым телом только об одном — как бы поскорее залечь и ни о чём не думать. Даже есть расхотелось,

так забирала усталость. Но, узнав о том, что хозяйка в этот день топила баню и что баня ещё не выстужена, так и подпрыгнул.

— Давайте, давайте, мужички, — торопила их хозяйка. — А я пока поесть вам соберу.

Молодка заходила по комнате, обвевая их сладким духом. Поправила наглухо задёрнутые шторы на низких окнах, подошла к печи, выставила заслонку. А сама нет-нет да и поглядывала на Тульского. Тот тоже сторожил её вороном.

Эх, какая баня была у той молодки! Видать, муж мастеровой этой бедовой бабёнке в жизни попался. И плотник, и печник. Парок ещё держался — будь-будь. Каменка стояла не залитой. Словно их ждала.

Выпирились, вымылись. Словно паутину с себя сняли. И сразу вроде не так страшно жить стало. Отяпов окинул взглядом своё великое войско. Он уже твёрдо знал, что доведёт его до Тулы. Всех изучил, всех попробовал в деле. Знал, кто на что способен, а на что нет. Замечал между прочим, что некоторые не прочь бросить винтовки и мотануть до домов. Этих сразу предупредил, чтобы уходили, так сказать, засветло, не ждали случая.

Хозяйка старалась так, будто среди них был её муж. Стол накрыла прямо генеральский. Варёная картошка, свойский хлебушек по хорошему ломтю на каждого брата, сало, солёные огурцы и грибочки. От солёных грибов так и веяло дубовой бочкой, прямо домом родным, так что плакать хотелось...

Праздник праздником, а часового Отяпов всё же выставил. Вынес ему угощение, даже от своей скибки крошку отломил и строго-настрого предупредил:

— Уснёшь — штыком заколю. Так и знай.

Часовой было взъерошился, но младший сержант дружески похлопал его по плечу и сказал:

— Тихо, тихо...

Хозяйка принесла из погреба бутылку самогонок. Выпили. А потом смели всё со стола одним махом. Подчистую. И залегли. Отяпов, засыпая, слышал, как молодка шепталась с Тульским, как, вздохнув, повела его в хату... Эх, молодёжь...

Разбудил его Тульский. Понятное дело, всю ночь тому не спалось, а к утру он заступил на пост, обошёл окрестность и, к счастью, всё вовремя выведal. Сказал:

¹ Подзавалье — старинный район на юго-западе Калуги у Оки.

— Посмотри.

Только-только начало светать. Заря в октябре хоть и румяная, почти как в августе, но уже поздняя, знобкая.

Отяпов отвёл шторку углового окна, наполовину прикрытого полуоблетевшей яблоней, а там картина: напротив, за ручьём, немцы из хаты выходят, вдоль дороги строятся в две шеренги. С полсотни. Два ручных пулемёта, ротный миномёт. Два бронетранспортёра на полугусеничном ходу, тоже с пулемётами — на турелях. Целое войско.

— Когда ж они пришли? — спросил Отяпов и посмотрел на свою винтовку, несколько дней не чищенную и порыжевшую в некоторых местах по причине его бесхозяйственности.

— Хрен их знает. Варя сказала, что вечером их не было.

— Варя... Вот тебе и Варя...

— Проспали, чёртовы дети...

Вечером немцев, и правда, не было. Всё было тихо. Значит, ночью пришли. И часовые должны были видеть и слышать.

Немцы между тем построились, провели перекличку, погрузились на бронетранспортёры и поехали по дороге навстречу встающему солнцу. Именно там была Тула.

Отяпов поднял людей чуть позже, когда немцев и след простыл. Раньше поостережся — зашумят, поднимут гвалт со страха, и тогда пропали они. Против пулемётов — что они с нечищеными винтовками сделают?

Больше в деревнях не останавливаемся, твёрдо решил он для себя, когда благополучно выбрались из деревни и шли уже лесом, вдоль дороги, на которой за прозрачным березняком рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они. Вся война в те дни двигалась к Туле. За Тулой была уже Москва.

Глава четвёртая TV/A

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому, на их счастье, двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий отступавшей 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы. Отяпов

доложил о прибытии. Она некоторое время устало смотрело на них. Потом спросила:

— Раненые есть?

— Нет.

— Больные?

— Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валяются.

Потерпите немного, — сказала она. — Скоро места на повозках освободятся.

Отяпов уже знал, что означали свободные места на санитарных повозках.

И действительно, не прошли и километра, санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, наспех закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листву, заглубились в талый грунт на два штыка и — готовы могилы. Отяпов помогал санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми. Чтобы не так душа ныла, думать не мешала. А думать ему теперь надо было за весь его отряд. Командир не командир, но что-то вроде старшего. Как-никак, всё же сержант, хоть и младший.

Для него место на повозке освободилось перед самой Тулой. Закапывая умершего бойца с петлицами артиллериста, он подумал, что уже и сам бы дошёл, своими ногами.

На городской окраине возле шоссе зенитчики окапывали свои длиннотвольные орудия.

— Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, — сказал раненый, сидевший впереди. — А нас бросили с одними бутылками. Докинь до него бутылку, когда он все окопы перед собой из пулемёта простреливает...

— Так надо подпускать. Поближе. — Зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

— Поближе, — огрызнулся сидевший впереди. — Ты вон подпустил...

— Я подпустил.

— И где твоё отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и, не веря в реальность происходящего, ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: вот вернусь с войны, обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь...

После еды завалились спать. Вот жизнь наступила, не верили бойцы своему везению. Будто и нет войны. Сон!

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который всё это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что комендантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Патрули с винтовками заходят во все дома. Отставших сгоняют куда-то к стадиону.

— Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлёпнули. Видать, шпионы. Или дезертиры. — Гришка на одном дыхании выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были добрые. В таких ещё можно не один десяток километров отмахать. Хоть по грязи, хоть по снегу. Но, видать, идти далеко теперь не придётся. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать своё положение. А положение было не ахти каким весёлым.

— Пришли к своим, дрит-твою...

— Тихо-тихо, — погасил разговарившийся базар младший сержант Отяпов. — Вот что я вам скажу, ребята. — И обвёл строгим командирским взглядом своё воинство. — Подрубали щец с гусятинкой, пора и на войну. Потому как мы есть кто? Бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Присягу принимали и уставы чтим и уважаем. У кого какие вопросы?

После такого монолога вопросов не оказалось.

В город они прошли мимо постов. Бережного бог бережёт. Вёл их Тульский. Свернули с шоссе ещё возле окопанных зениток и дальше — огородами. И вот теперь сидели и решали, что делать, как быть. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить о прибытии первому встречному патрулю.

— Ну-ну, — хмыкнул Ванников, всё видевший в чёрном цвете. — Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке...

Выход неожиданно предложил Гришка:

— Вам надо идти к Рогожинскому посёлку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

— Мы не ополченцы, — робко возразил Гусёк. — Нам надо искать свою часть.

— Где она теперь, своя часть... — наконец сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорвы. А она теперь, та прорва, везде — справа и слева, спереди и сзади. Хуже чем перед болотом на переправе. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

— Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

— Опять к чёрту в пасть!

— Оборвались, обносились... — зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

— Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда. Немец всё время шёл за нами следом. А значит, не сегодня-завтра, он будет здесь. Искать свои полки будем потом. Собирайтесь, ребята. Давайте почистим оружие и пойдём на позиции. А с таким ржавым железом мы не бойцы. Кто нас примет в строй с такой запущенной материальной частью?

— Что им наша материальная часть? — сказал Ванников. — Какой им интерес до наших винтовок? А вот кто нами заинтересуется, так это особый отдел.

— Будем молить бога, чтобы и в особом отделе нам поверили. А пока исполняй, что приказано. Оружие должно быть в чистоте и всегда готово к применению по прямому назначению. — И Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка маслёнку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Всё это разложил перед собой на плащ-палатке. Поплевал на ладони.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад, внимательно осмотрел новоприбывших, их ору-

жие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

— Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты. Без оружия они сразу как-то осиротели.

— И куда ты нас привёл? — покачал головой Ванников. Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвёл ополченец, вооружённый французской винтовкой времён Первой мировой войны.

— Где ты её отрыл? — Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащённое длинным штыком, похожим на шпагу.

— Чтобы ты понимал, — ответил ополченец. — Она бьёт на два с половиной километра.

— Да ну! — покачал головой Ванников. — Хорошая фузезя.

Проснулись в полночь. Разбудил их всё тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

— Ротный вызывает, — коротко сказал он. — Выходи строиться!

Ещё не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса, прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окопах сразу началось оживление, брустверы зашевелились. Народ забегал туда-сюда. Ротный куда-то пропал. Потом появился с другой стороны. Увидел их и, видимо, вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

— Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

— Я, младший сержант Отяпов. — И Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

— Приказываю вам, сержант, со своими людьми занять вон то крыло. — Он указал в туман. — Окопы там отрыты. Будете прикрывать зенитный расчёт со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено,

а в дальнейшем будет видно. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача, повторяю, не пропустить прорыва немецкой пехоты к орудиям со стороны леса.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и под сумки. Выдали по бутылке КС и три противотанковых гранаты на всё отделение. Гранаты, как и хлеб, надо было поделить. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он поглядывал на лес и полосу шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

— Сейчас мы им... Или грудь в крестах, или голова в кустах. Надоело уже бегать. Зубы от этого заячьего бега начинают болеть.

Потом, глядя, как ловко, снаряжая обоймы, управляет с патронами Тульский, сказал:

— Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

— Не потеряю, Калуга. А ты, я вижу, вроде как малость отжил. Отогрелся, как воробей с мороза...

Ванников в ответ только усмехнулся.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Ефрейтор Курносов поглядывал на небо, крутил головой, будто принимался. Наконец сказал:

— Погода хорошая. Постояла бы такая по дольше.

— Это так, — согласился Отяпов, — низкая облачность, туман — самолёты не полетят.

— Так и наши не полетят, — отозвался Гусёк.

— А где ты видел наши самолёты? — тут же вмешался в разговор Ванников. — Разве что сбитые.

Ни Гусёк, ни связист больше не промолвили ни слова. А Отяпов молча решил, что погода и вправду хорошая. Иначе бы или «рама», или «костыль» уже кружили бы над их позициями, высматривали, вынюхивали.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным опущенным вдоль земли хоботом, она походила на хищного зверя,

готового клонуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла весть: по Орловскому шоссе движется колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погодя из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над чёрной стеной неподвижного леса и исчезла, сгорев и оставив едва заметный чёрный след.

— Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносов, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда. Куда они делись, гадать теперь было трудно, да и некогда. Может, в плен, может, по домам в примак. Отяпов знал: такие настроения — по домам — тоже одолевали бойцов, оставшихся без командирского пригляда.

— Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом. — Ванников нервно мямл в зубах докуренное до последней степени колечко самокрутки. — Ты уже умирал. Не тебе бояться.

— А я и не боюсь, — ответил Гусёк. Лицо его было серым. Но решительным. В нём, в Гуське, сейчас что-то происходило. Что-то новое, чего он сам ещё не понимал.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было сказать людям перед боем какие-то нужные слова. Командир должен что-то сказать своим бойцам перед боем. Ведь кого-то убьют, кого-то искалечат. А кто-то станет героем.

— Ребята! — крикнул он. — Что бы ни случилось, держаться своей позиции! И друг друга! Раненых не бросать!

Это бы его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела так, как будто где-то рядом топилась печь. «Тихо, тихо», — шевелил он сухими губами после того, как главная суть боевого приказа была доведена до личного состава.

В лесу уже слышалась стрельба. Захлопали частым заполошным боем мосинские вин-

товки. Потом полыхнул немецкий пулемёт. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение — мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев, и теперь там кто кого.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки бегущих со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

— Охранение отходит.

— Неужто сразу танками погрёт?

— На телегах поедет... — хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сперва одиноко, с перерывами, потом стало сливаться в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползёт на них всей своей несметной силой.

Туман всё ещё держался понизу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да ещё в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчёт уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

Глава пятая. БОЙ НА ОКРАИНЕ ТУЛЫ

Гул разрастался, захватывал всё пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы младшего сержанта Отяпова, проникал через шинельное сукно и охлаждал тело. Печь, подогревавшая его тело минуту назад, сразу перестала топиться...

Отяпов знал, что многих сейчас трясёт. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою — ждать начала. Поскорей бы...

Танки сошли с шоссе и перестроились для атаки, с ходу развернулись косым клином и пошли на сближение. Грузовики видимо, с пехотой, замедлили ход и растянулись по дороге. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом пространство снова очищалось, распа-

хивалось в глубину, и из окопов, замерших в напряжённом ожидании, стало и без бинокля видно, какая сила пёрла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались группами. Первая, семь стальных угловатых коробок пошли вперёд, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные двигались прямо.

Ну и выдержка у этих ребят, подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскалённого воздуха. Второе орудие тоже произвело выстрел. Номера расчётов забегали возле орудий. Слышались голоса командиров. Из окопов, навалившись грудью на бруствер, напряжённо наблюдали за полем, куда ушли первые снаряды.

— Мимо.

— Артиллеристы, в гроб их душу...

— Наплачешься с такими стрелками. Кровавыми слезами наплачешься...

Стало совсем страшно. Неужто, подумал Отяпов, зенитчики стрелять не умеют? Может, и не умеют. По наземным-то целям — совсем другая стрельба, и они ей, по всей вероятности, просто не обучены.

Танки, не сбавляя скорости, — это было видно по густым выхлопам газов, продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто вспыхивало пламя. Но стреляли они не прицельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало.

Рвалось то спереди, то где-то сзади, в глубине обороны.

— На арапа берут, — сказал кто-то из бойцов.

Ещё один трассер резанул над полем мутную хмарь и на этот раз ударил точно в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться. Вот это был выстрел! Такие выстрелы очень даже нужны, особенно в начале боя.

В окопах одобрительно закричали. Ожили окопы. Оцепенение мигом прошло.

— Вот так у нас гундосых лечат, — злорадно процедил сквозь плотно стиснутые зубы ефрейтор Курносов.

— Товсы! — скомандовал Отяпов, чувствуя, как азарт охватывает всё его разом помолодевшее тело. Наступал их черёд, и надо было сделать своё дело в соответствии с уставом, не хуже артиллеристов.

Тем временем, наращивая атаку, немецкая пехота начала выскакивать из грузовиков. Взводными цепями она рассыпалась по полю, часть пехотинцев сбилась в толпы и следовала под прикрытием танков. Такую картину немецкой атаки младший сержант Отяпов уже видел. Наступали немцы умно: попробуй, возьми их за танком, разве что кривой пулей, а её конструкторы ещё не придумали...

Заработали наши пулемёты, сразу несколько «максимов» — то короткими, то длинными очередями. Патронов не жалели.

— Огонь! — закричал Отяпов и тут же нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал так, больше для шума, не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали небритыми щеками к ломам своих винтовок. По первой обойме расстреляли в один миг. Потом огонь поредел. Отяпов это знал — обвыклись, начали целиться, аккуратней стрелять. Он оглядывался на своё войско, жадно вдыхал дым сгоревшего пороха, который лёгким, прозрачным туманом сразу встал над окопами. Началом боя он был доволен, потому как всё шло вроде правильно.

Из других окопов тоже вели огонь. Дробно застучали автоматы. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел набок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Добивали. Его развернуло бортом к позициям бронебойщиков. Экипаж машину не покидал. Пушка его начала отвечать. Чёрные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили

наружу, потом ещё. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вёл частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До подбитого танка было метров двести. Тихо, тихо... Отяпов дрожащими от разбуженного азарта пальцами передвинул хомотик на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым всё гуще тянул из открытого бокового люка. Но башенное орудие продолжало вести огонь. Наконец оно затихло. Ещё один танкист выполз из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что его боевая машина уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он. Это был его немец. Его трофей. Так тебе проклятому — пуля в горло. А ты думал, что Тула тебе ключ на злато-серебряном подносе навстречу вынесет и в ножки поклонится. Как бы ни так! И Отяпов уже не дрожащей рукой загонял в патронник новую обойму.

Бой шёл весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота свернула цепи и теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортёров. С бронетранспортёров длинными очередями лупили пулемёты. Но и у них ничего особо не получалось.

В боевом охранении тоже были потери. Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой ещё недавно они чистили винтовки. Трёх ранило. Какое-то время раненные сидели на дне окопа без дела, но потом, так и не дождавшись санитаров, вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитары по-прежнему не появлялись. Отяпов понял, что никто к ним не придёт. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо. А Отяпов подумал: Лидку бы сюда, она ловкая и бесстрашная, а главное, по медицинской части справляется не хуже, чем зенитные расчёты с танками. Теперь он видел, как ловко и слаженно действовали артиллеристы. Как подносили снаряды, длинные, как затёсанные колья. Как отбрасывали дымящиеся, обмётанные гарью, гильзы. Как

спокойно, короткими, экономными движениями делает своё дело наводчик. И как хладнокровно, без лишнего мата, управляет всей этой работой командир расчёта. Молоденький лейтенант стоял на коленях на бруствере, он ничем не был защищён со стороны поля; лишь изредка он отрывался от бинокля, передавал наводчику поправки, иногда и вовсе вскакивал на ноги и, всем телом подаваясь вперёд, хищно наблюдал за очередной целью. И тогда он казался вовсе беззащитным, и Отяпов в такие мгновения старался не смотреть на него, потому что казалось, что вот его, такого неразумного и бесшабашного, слишком увлёкшегося боем, срежет пуля или осколок. В фигуре и движениях лейтенанта было что-то мальчишеское, несовершенно для воина, а тем более командира такого большого орудия.

После полудня затихло.

Пришёл посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погода вернулся:

— Выделите двоих человек для получения горячей пищи.

— Что дают? — устало спросил Тульский.

— Перловку, — ответил посыльный. — С тушёнкой.

— С тушёнкой — да, хорошее дело.

Есть хотелось. Но ещё сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько суток.

С поля тянуло гарью. Подбитые и сгоревшие танки чернели вдоль противотанкового рва и возле дороги. Их было порядочно. Раз три Отяпов пытался сосчитать их. Но каждый раз сбивался. Не потому, что их там, в поле, было так много. Досчитывал до пяти, семи и начинал так волноваться, что в глазах рябило, набегала слеза, он сползал с бруствера и несколько минут смотрел на затоптанное дно окопа, на стреляные гильзы, на раздавленные их дульца, увитые чёрными маслянистыми штрихами пороховой гари. В конце концов решил: надо готовиться к новому бою, и людей готовить. А танки пускай считают те, кто их жёг. Это их трофеи. Но там, в поле, был и его немец. Отяпову хотелось посмотреть на него вблизи. Какой он из себя, этот поверженный германец, пришедший к ним под самую Тулу чёрт знает из ка-

кого далека? Разглядеть его знаки различия. Заглянуть в лицо. Может, даже сказать ему несколько слов. Но не сочувствия и жалости, какие всегда закипали в груди у младшего сержанта Отяпова, когда он видел своих убитых, особенно молоденьких бойцов, у которых порой ещё не успевали отрасти чубы после военкоматской стрижки, не чувствовал он к убитому им. Нет. И не почувствовал бы, даже если бы удалось посмотреть ему в мёртвые глаза. Младшему сержанту хотелось сказать ему: «Ну что, сукин сын, получил свою мерку советской земли? Получил...» Какое-то время убитый танкист был виден Отяпову, но потом его вместе с танком загородили другие подбитые машины, и дым от них заволок ту часть поля, которую немцы выбрали для своей первой атаки на город.

Глава шестая. ГОСПИТАЛЬ

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины.

Ранение оказалось не особенно тяжёлым, хотя и не лёгким — что-то было с правой ногой, мелкими осколками посеколо лицо и руки, некоторые, величиной с картечину, пришлось вырезать из ткани мышц. Куда серьёзней была контузия. Вначале Отяпов ничего не слышал. Таким, глухонемым, и поступил в палату, сплошь забитую ранеными. Потом в ушах зашумело и снова, как в окопе, пошла кровь. Она текла из ушей и из носа. Он подумал, что умирает, и попросил вынести его на свежий воздух, хотя бы в коридор. Ему казалось, что там было бы повольнее дышать. Но никто его никуда не понёс. Так и лежал, терпел. Он чувствовал, что лёгкие сжаты в комок, и, чтобы расправить их, организму требуется большее количество свежего холодного воздуха. А его-то в душно, жарко натопленной палате как раз и не хватало.

Сосед по койке сунул ему докуренную до половины самокрутку. Отяпов затянулся несколько раз и успокоился. Он ждал, когда придёт смерть, но она что-то тянула, не приходила. Её он не чувствовал даже вдали. Хитрит, гадюка, подумал он и прислушался. Шум в ушах менялся. Он то накатывал, то

отступал. Наверное, так шумит море, подумал он, хотя на море никогда не был, не видел и не слышал его даже издали. Потом сквозь шум моря начал пробивать какой-то стук. Через некоторое время стук превратился в грохот. Уж его-то Отяпов узнал. Он напряг все силы своего ослабевшего тела, приподнялся и посмотрел на окно. Да, понял он, танки всё же прорвались, смяли их оборону на Орловском шоссе и теперь приближались к госпиталю. Даже марлевые занавески, как ему показалось, дрожали. Вот так. Не удержались ни зенитчики, ни его ребята, которых он собрал в лесах на Рессете и под Белёвом. В госпитале полно народу, и его надо как-то защищать. Он машинально пошарил возле себя руками. Гранаты нигде не было. Да и руки слушались плохо. Где же граната? Он же оставлял себе одну. Сразу, ещё когда танки рокотали в лесу, решил: вот эту надо оставить на крайний случай. Её нигде не было...

Ну что ты всё воюешь, — услышал он тихий, спокойный голос человека, который совершенно не боялся гула приближающихся танков. — Всё воюет и воюет... Отвоевался теперь. Полежи спокойно. И другим дай полежать в тишине и покое.

Отяпов указал на окно.

— Ну что там такое? Синица прилетела. Долбит в окно. Видать, к ночи мороз ударит, раз синица стучит. Это она в тепло просится. — Последнюю фразу сосед по койке произнёс с улыбкой, это Отяпов понял по интонации, так обычно разговаривают с детьми.

— Танки! — выдохнул Отяпов. — Они прорвались. Там мои ребята. А гранат у них совсем мало.

Человек засмеялся.

— Танки... Во попал ты под них! Как ягненок под волка... Теперь век бластиться будут. Говорю тебе, синица в раму клюёт. Летних мух выбирает. К зиме дело, к холодам...

— Танки...

Танки ни в тот день, ни в следующий, ни потом через позиции, которые удерживали они вместе с зенитчиками и тульскими ополченцами, не прошли. Когда унесли в тыл раненого и контуженого Отяпова, два танка проскочили левее, попав в мёртвое пространство, где артиллеристы их достать уже

не могли. Они остановились и начали вести прицельный огонь по позициям зенитчиков. Это были опытные экипажи танковой группы «Гудериан», они с боями прошли Белоруссию и Смоленщину, участвовали в наступлении под Минском и Смоленском. Теперь им приказано было захватить Тулу, и они были полны решимости выполнить приказ своего командующего.

Первую противотанковую гранату, выданную им на отделение, взял Тульский и пополз к ближнему танку. Как он до него добрался, никто толком не видел. Думали, что он убит или ранен и лежит в поле, в бурьяне, замётённом снегом. Уже собирались ползти за ним, искать. Дымом заволокло всё пространство перед окопом. Ориентироваться можно было только по выстрелам танковых пушек и зенитки. Дымовая завеса и помогла Тульскому. Как ориентироваться, он сообразил, видать, быстро. То немец в дыму полыхнёт, то наши ответят. И те, и другие, должно быть впопыхах, мазали, и упорно продолжали свою изматывающую слепую дуэль, стараясь очередными снарядами всё же достать противника. Но вскоре там, где затаился танк, загрохотало и высоко вскинулось пламя.

— Дополоз! — сказал радостно кто-то из бойцов. — Это наш его накрыл. Гранатой.

Вот молодец, пряничная душа, — похвалил Тульского и Ванников.

Тульский сделал своё дело, и никому из них уже не надо было ползти туда, в смертное поле, со второй гранатой.

Немного погодя, когда второй танк, отстреливаясь, ушёл назад, к лесу, Ванников и Гусёк притащили тяжело раненного Тульского. Положили на солому на дно окопа.

— Не тормошите его, — сказал сержант Курносов. — Отходит.

Так, не приходя в сознание, Тульский и помер.

Через два дня со стороны города подошла смена: рота пехоты и батарея противотанковых орудий.

«Сорокапятки» разместили в разных местах, в глубину, уступом к шоссе. А бойцы охранения заняли окоп, где оборонялся отряд Отяпова, и начали окапываться дальше, углубляя ходы сообщения.

Рота была свежая, с лейтенантами. Бойцы одеты в белые полушубки. Уцелевшие смотрели на них, как на ангелов, спустившихся с небес.

— Где ж таких только взяли...

Отяпову жилось хорошо. Слава богу, ду- мал он, глядя в свежий потолок, видать, недавно покрашенный известью, хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке. Ни тебе стрельбы, ни осколков над головой, ни пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Вскоре Отяпов узнал, что, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно — надоели. Врачи и медсёстры спокойные, обходительные. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, ещё когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везёт. Народ и соседом в окоп, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе ему попадался хороший, покладистый, не особенно хитрый — так чтобы на чужом горбу покататься, — уважительный и в бою стойкий. Не сказать чтобы уж очень храбрый, но надёжный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что вот зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо стреляли. И держались, надо сказать, геройски. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь, опять стреляют. Разве не герои? Да и те лейтенанты, которые у борта повели их в атаку, вспомнил Отяпов, тоже герои. Нет, подумал он, это и есть настоящие герои. Так что и героев он на войне повидал.

Соседа звали Кузьмой. Лежал он в госпитале уже порядочно, с середины октября. Обгорел в танке на Рессете, когда прорывались на Хвостовичи. Там, под селом Красным, у моста, его Т-26 подбил немецкий танк.

— Из засады, зараза, стрелял! — рассказывал Кузьма; говорил он спокойным тихим голосом, как будто сожалел о чём-то главном в своей нынешней жизни, о чём надо было молчать. — Две болванки пролетели мимо. Первой германец промазал. Видать, заторопился. Увидел меня на дороге — вон какая цель хорошая на прямой наводке, хоть палкой бей! — и сплюхвал от нервов. Германец, что ж, тоже существо живое, нервное.

Отяпов полюбил Кузьму не только за его разговоры, которые, должно быть, и самого танкиста успокаивали и мирили с тем, что выпало ему на войне, но и за то, что тот приносил ему из курилки «сорок». Украдкой совал ему в руку колечко недокуренной самокрутки, и Отяпов жадно затягивался несколько раз. Сразу кружилась голова, и становилось легче и спокойно, как дома. Как будто порядочную стопку водки опрокидывал. Пережитое куда-то уносилось, таяло, как то болото в тумане, а ранение казалось пустяком, о котором и думать не следует. Лёгкие развернулись, воздух через них, как казалось Отяпову, двигался теперь легко, а с дымком махорки и того легче.

Думалось только об одном — о доме.

Но что думать о доме? Дома сейчас немец. Хозяиничает в его деревне, на колхозных полях, в лесу, на речке. Всё теперь пошло под чужую власть. Ладно, ладно, погоди, вот поднимусь с койки на костыль, а там, может, и ровнее пойду...

Отяпова одолевала злая надежда на то, что он не совсем отвоевался, что вернётся ещё к своим товарищам, в окопы, что рано или поздно Красная армия соберёт силы и начнёт наступать. Ведь били же они их, проклятых, на Рессете. Эх, как лихо они тогда атаковали! Даже Гусёк героем ходил, немца повалил. Хороший бой был. Победный. Хотя ни в какие донесения и приказы он, конечно же, не попал. Не названы в том несуществующем приказе имена лейтенантов и других отличившихся бойцов. Гуська, например. Да и его, младшего сержанта Отяпова, он ведь тоже не сплеховал, вон какого дюжего немца одолел.

Он вспомнил своего убитого немца и подумал: даже если калеккой теперь останусь, я своё дело на войне сделал. Родину оборонил.

— Первый мимо пролетел. От второго я ушёл, в сторону машину бросил. Знал, что он упреждать будет. Так утку стреляют, с небольшим упреждением, чтобы сама на заряд налетела... А третий ударил прямо под башню. Загорелись. Башнёра — наповал. Колька Лучников, из Тамбова, хороший был парень. Гармонист. Так и сгорел вместе со своей гармоней.

Вот, кольнуло в самое сердце, Отяпова, а мы своих тамбовских над ямкой постреляли...

В какой-то момент слушать Кузьму становилось тягостно. Отяпов и сам навидался всей этой крови и грязи, и слушать чужую боль становилось невыносимо. Оставалось одно — терпеть. Иначе как? Товарища надо понять — душа просила выхода. Вот он его, Отяпова, и выбрал в слушатели. И Отяпов терпеливо слушал всё подряд. Ни морщился, как другие, ни словесных замечаний не делал. Терпел. А потом привык.

— Как ты думаешь, — спрашивал Кузьма, — какой мне теперь танк дадут? На «тридцатьчетвёрку» бы попасть. Вот это машина! Экипаж четыре человека. Угол наведения... Мотор — дизель, пятьсот лошадей... Наклонная броня...

— Ты и эту сожжёшь, — подал голос забинтованный с головы до пояса ополченец. — Технику любить надо. Беречь. Под огнём надо уметь маневрировать, а не лезть на рожон. Видел я, как вас возле Орловского шоссе били. У них — одна пушка, а набила вас, всю дорогу запрудили...

У пехоты всегда претензии к танкистам, артиллеристам и лётчикам. А танкисты и пушкари всегда бранят пехоту. Эту историю Отяпов знал. С танками, да при поддержке артиллерии, отбиваться от немцев было куда легче. Случалось, и контратаковали. Но танки могли прекратить свою атаку перед самыми немецкими окопами и вернуться назад. У них манёвр в бою свой. А артиллерия не всегда умела точно подавить огневые точки, и немецкие пулемёты оживали в самое неподходящее время, когда пехота высыпала в поле и не имела никакого укрытия. Другое дело, зенитчики. Эх, молодцы ребята! Как они жгли немецкие танки! И этот бесстрашный мальчишка-лейтенант...

Отяпов несколько раз спрашивал о них, живы ли? Может, кто тут лежит? На излечении? Никто ему ничего толком ответить не мог. Какие зенитчики? Какие герои? Нет тут никаких героев. А зенитчики вместе со своими зенитками эвакуировались из города вместе с заводом, который охраняли. Такую несущую несли ему.

В конце концов он даже расстроился. Как же так, думал он, ребята город спасли, немецкие танки возле самых тульских домов остановили, а никто об их подвиге не знает.

В начале декабря в палату пришли ефрейтор Курносов, Гусёк и Ванников. Отяпов увидел их, глазам не поверил, а когда догадался, что это не контузия ему икается, а самая подлинная явь, обрадовался и чуть было не заплакал. Так его тронула забота товарищей. Не забыли, навестили калеку, консервов вон принесли, сала и хлеба. Целый кулёк всякого довольствия. Небось от своего пайка оторвали мне на гостинец...

Самым бравым и подтянутым выглядел Гусёк. Он щеголял в белом, ещё не выгвазданном ни сажеей, ни окопной грязью овчинном полушубке, в необмятых валенках с высокими плоскими голенищами и весь пах складским новьём. На плече висел такой же новенький ПППШ, а на ремне штык-нож от СВТ. Видать, на махорку выменял, с какою-то душевной радостью подумал о своём бравом гвардейце Отяпов.

Он сразу кивнул на шанцевый инструмент и сказал:

— Освоил новую матчасть?

— Так точно, — улыбаясь, ответил боец.

Хороший парень, про себя похвалил Гусёк Отяпов. Хорошо, что вывел его с Ресеты. Цепкий оказался, не смотри, что на вид хлипкий и всё время дрожал. Вот уж вправду сказано: страх — это волк; одного придавливает, как овечку, так что та уже и не мекает, а другого таким же волком делает.

— Залегался ты на чистых простынях, Нил Власыч, — сказал Курносов. — Когда на выписку?

— Да уже скоро, — признался он. — Видать, что-то за городом затевается. А? — И он заговорил тише, чтобы слышали только свои: — Выписывать народ стали больше. Слышал от санитаров такое: маршевые роты формируют, войска на передовой свежими силами пополняют.

Долго им в палате сидеть не разрешили. Попрощались. На всякий случай сказали, где искать их полк, и пошли.

Когда они ушли, Кузьма, вернувшись из курилки со всегдашним «сороком» в рукаве, кивнул на дверь:

— Товарищи? Я так и понял. Хороший народ. Боевой. Такие ближе всякой родни.

— Это да. Я с ними всего повидал. Рад, что живы. — И вздохнул. — Живы, да не все.

— А ко мне никто не придёт. Все погорели. — И вдруг Кузьма объявил: — Завтра мне на медкомиссию. Буду проситься в свою бригаду. Где она теперь? Начальство знает. Механиков-водителей не хватает. Есть приказ, что нашего брата после госпиталей направлять только по прежней специальности. Как думаешь, «тридцатьчетвёрку» дадут?

— Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий. — И засмеялся: — Вон сколько в госпитале лежишь, сколько лекарств в организм принял, а от тебя, капитана-мать, всё равно нигролом несёт!

— Правда, что ли? — спохватился танкист, нюхая рукава госпитального халата.

— Да шутю я, Кузьма, шутю. По-дружески.

И они оба рассмеялись. Но вскоре Отяпов задумался, сказал:

— Гляди, брат, а мы вроде как повеселели. Значит, на выписку пора. А мне винтовка всегда найдётся. Хоть со склада, хоть из-под снега. Пехота! Наше снаряжение не дорогое.

© Сергей МИХЕЕНКОВ, 2025

Александр ЛАНЦОВ

Аисты на храме

ПРО ВАНЮ, ЛОЖКУ И СЕРЁЖКУ

Миноискатель и лопата,
И каждый день копай, потей!
Мы следопыты — то, что свято
Мы ищем по России всей.
Один из них — друган Серёжка,
Перелопатив много тонн,
И как-то раз стальную ложку
Нашёл на поле боя он.
«Иван» — на ложке гравировка.
В базарный день ей ценность — ноль.
И вроде выбросить неловко...
Куда девать? Привёз домой.
С трофеем бабушка — к окошку,
У бабы Лены чуть не шок,
Ведь мать отцу вот эту ложку
Упаковала в вещмешок.
Присев, поплакала немножко,
Экран про День Победы пел.
Прапрадеда геройской ложкой
Праправнук Ваня кашу ел.
Никто, ни Ваня, ни Серёжка
При жизни деда не знал.
Им дед Иван солдатской ложкой
С войны привет передавал.

* * *

Паутина оборванных мыслей
Не сплетается в чёткую нить,
Под ногами опавшие листья,
Обречённые временем сгнить.
Эй, ямщик, запрягай вороного,
Наливай по стакану! И в путь!
Отчего-то так хочется снова
На село, где родился, взглянуть.
Что же тянет сюда, как магнитом?
Ни друзей здесь давно, ни подруг.
Изогнулась в поклоне ракета
И паласом раскинулся луг.

А малинник колючею лапой
Ударяет, как друг, по руке.
У коровника силосный запах
И солома в скирдах вдалеке.
Расстилается пашня, как ряса,
Но сгорел в наше прошлое мост.
Вороного забили на мясо,
Ямщика отнесли на погост.

ДВА ОБЕЛИСКА

Два обелиска за одной оградой,
Отец и сын, за них и боль вдвойне.
Отец геройски пал под Сталинградом,
А сын в Афгане, на чужой войне.
Верны присяге, Родине и флагу,
Их героизму нечего учить.
Представлены к медалям «За отвагу»,
При жизни не успели получить.
В Донецке внук с десантным батальоном,
В кровавой бане, где и смерть, и риск.
Повышен в должности,
досрочно стал майором.
Семье не нужен третий обелиск.

О ВОЙНЕ

Хлестко выстрелил танк,
Оборвав пулемётную рвоту.
Переполз наш окоп,
По-хозяйски урча, не спеша.
Друг гранату в него,
А потом отсекали пехоту
Мы с моим земляком,
Раскалив докрасна ППШа.
А потом мы ползли
Меж кусками кровавого мяса,
Напугав даже смерть,
За счастливую в будущем жизнь.
Нам теперь говорят,
Что мы воины высшего класса,
А тогда политрук: «Брат, умри,
Но хоть двадцать минут продержись!»

Знает, видно, лишь Бог,
Сколько пролито крови и пота.
Редко кто с тех полей
Возвратился с победой домой,
Но в руках у праправнука
Старое, жёлтое фото.
А на фото том
Я, в Бессмертном полку — рядовой.

БЕРЁЗКИ

Здесь стояли берёзки,
Здесь прохлада была.
Их срубили на доски.
Или нет, на дрова.
Кровожадно стучали
По сучкам топоры
И берёзки рыдали
Соком из под коры.
Их потомки, их дочери
Через год, по весне
Распустили листочки
На опиленном пне.
Наливаются силой
Материнской любви.
Будут так же красивы.
А потом будут... пни.

АИСТЫ НА ХРАМЕ

Аисты на храме поселились,
Свили в самой маковке гнездо.
Летом в небе возле храма вились,
Радовались люди — повезло!
Но, как-то выпив крепкого напитка,
Сделав возле храма разворот,
Расстреляли аистов навскидку.
Для чего? А кто их разберёт...
Десять лет над храмом было тихо.
Десять лет пустым был птичий дом,
Но недавно снова аистиха
Помахала с купола крылом.
Внуки тех, убитых, возвратились.
Снова восстановлено гнездо.
Снова в небе возле храма вились.
Ну а нам вторично повезло.
Снова жизнь счастливо завертелась.
Их народ глазами провожал.
Только мне узнать вдруг захотелось
Судьбы тех, кто на курок нажал.
Как легла их жизненная карта?
Как они шагают по судьбе?
Первый вскоре умер от инфаркта,
А второй разбился в ДТП.

Берегите, люди, то, что нам дано!
Пусть не опустеет аиста гнездо!!!

* * *

Ничего нет в селе, кроме крика вороньего.
Горький запах полыни, разрушенный храм,
И погост, а на нём моё детство схоронено,
Дом родимый с глазницами выбитых рам.
Улететь бы на юг с перелётными птицами...
Но милее мне горькая наша полынь
И знакомые женщины с милыми лицами -
Наша стужа теплей, чем чужая теплынь!
Я иду и балдею от крика вороньего,
Загребаю ногами листья лопухов,
Терпкий запах вдыхаю навоза коровьего
Очищающий душу от смертных грехов.

ПРО БАБКУ

Увозили бабку из деревни внуки,
Джип метнулся к трассе, сделав поворот,
Закрывали избу старческие руки,
Чтоб открыть весною, если доживёт.
Провожали бабку, сдерживая слёзы,
Жители деревни, вместе с нею — семь,
Уезжала бабка переждать морозы,
Может быть, до марта, может, насовсем.

МОЛЮСЬ ЗА НАШИХ

Сверкает гордо дедов орден Славы.
Награда эта — не пасхальный дар.
Он был вручен за взятие Варшавы,
А правнуку медаль — за Соледар.
Молюсь за наших, преклонив колено,
За жен, сестёр, за бабушек и мам.
Чтобы без ран и без смертей и плена
Бойцы пришли с победой по домам.

НАШИ ПРАДЕДЫ

Наши прадеды смотрят с небес на страну,
Как же так? Не гадали, не ждали.
Сколько жизней отдали за мир в ту войну,
Но свободу и честь отстаивали.
Снова танки с крестами гребут чернозём
И со свастикой роты на марше,
И опять, прикрывая друг друга, ползём,
Чтоб смешать ярых нациков с фаршем!
Вроде братскими были народ и страна
И напомнить об этом не лишне.
А теперь у них к власти пришёл сатана,
Ну а с нами, по счастью, Всевышний.

Валерий ШЕРБАКОВ

О чем я думаю в эти дни

О ЧЁМ Я ДУМАЮ В ЭТИ ДНИ

Я думаю о ней. И о том, что её может скоро не стать. Я гоню эту мысль, но она возвращается опять и опять. В этой жизни это не ново. Это случается со всеми. Порой неожиданно. А здесь — всё ожидаемо и предсказуемо. Врач так и сказал: «Организм её очень изношен. Здорового места нет».

Это видно без анализов. На последний новый год мы собирались у моей сестры. Были все только свои и самые близкие. Потом мы с женой пошли их провожать.

Придерживаясь за перила, мать с моей помощью еле-еле одолевала лестничные пролёты. («Я ли по ним не летала», — приговаривала она, спускаясь на очередную лестничную площадку).

Потом мы медленно и очень долго шли на квартиру родителей. Отец в свои восемьдесят три ковылял сам. А мать, с трудом передвигая ноги, шаркала между мной и женой.

Я шёл, говорил какие-то дежурные веселости, а сам думал: «Всё слишком очевидно. Это начало конца. Надо уметь признавать правду».

Правда? Не хочет её воспринимать всё моё существо!

Мама, ты — первый человек, запечатлевшийся в моём сознании. Ты родила близнецов. Роды были тяжёлые. Я появился первый, хлипкий заморыш. Вторым был крупный мальчишка. Чего-то недосмотрели акушерки, и он умер...

Я был столь мал и безобразен, что после возвращения из роддома меня никому не показывали, хоть желающих посмотреть приходило немало. Их всех без церемоний провоживал отец. Нечем хвастать.

По всем законам медицины я должен был вскоре отправиться вслед за братом. Но меня выхаживали. Я встал на ноги и пошёл...

Вот мы идём с тобой по улице. Ты — молодая и красивая, в лёгком платье — ведёшь меня за руку. Никто не верит, что я — твой сын. Думают, что младший братик. Я ужасно капризен. Я хочу пирожок с мясом и ору благим матом, если его не получаю. У каждой встречной лоточницы ты с надеждой спрашиваешь:

— У вас пирожки с мясом?

— С повидлом, — отвечают тебе.

Я ору ещё сильнее. Ты волочишь меня орущего по улице...

... Я часто болел. Кажется, не было ни одной болезни, которая обошла бы меня стороной. Ты стелила мне свежую простынку и вызывала врача. Врачей я боялся панически. Мне казалось, что это злодеи-бармаи, приехавшие мучить меня. Они даже одеты были не по-людски, в какие-то белые халаты, как мясники на рынке. При виде шприца я забивался под кровать, и вытащить меня было непросто. Когда однажды за мной полез отец, я брыкнул его голой пяткой в глаз.

Отец? Сказать, что это человек с тяжёлым характером, значит не сказать ничего. Он устраивал дикие сцены ревности. Был недоволен всем и всеми на свете. Буйные скандалы не утихали в нашем доме... Соседи вызывали милицию. Я трясся от страха...

Ты прожила с ним более полувека. За одно это можно ставить памятник при жизни... Мы ютились вчетвером (потом родилась моя сестра) в крохотной коммунальной комнатухе. У нас не было даже обеденного стола. Ты пошла работать за квартиру на стройку. Мизерные деньги, но перспектива получить жильё. Ты приходила с работы уставшая. А однажды тебя привезли на машине — на строительной площадке упал штабель кирпичей. Ты увернулась, но несколько штук попали тебе на ногу...

Меня отдали в детский сад, так как при-
сматривать за мной было некому. Там мне
очень не понравилось. По распоряжку надо
было и есть, и спать, и садиться на горшок.
Мальчишки отнимали у меня игрушки. А са-
мое невыносимое — меня дразнили заикой.
Я сбежал оттуда домой. Дома заявил, что если
меня снова приведут в детсад, я сбегу оттуда
не домой, а в город, и уже никто меня не най-
дёт. Больше в детский сад меня не водили...

А ты водила меня к логопеду, дедушке
с козлиной бородкой. Он учил меня говорить
нараспев и помогать себе пальцем при произ-
несении некоторых звуков. Мог ли подумать
тот дедушка, что его ученик со временем
заговорит по-японски?

Ты в меня верила. Считала самым умным
мальчиком на свете. И хотя я только-только
избавился от дефектов речи, ты захотела от-
дать меня в школу с углублённым изучением
французского языка. Но классы были уже
укомплектованы. Я пошёл в обычную школу.

В школе я учился легко и радовал тебя
своими успехами. Однажды меня наградили
вазой за отличную успеваемость и пример-
ное поведение. Ты с гордостью носила пока-
зывать эту вазу соседям. А потом поставила
её на самое видное место на комод. Я не
помню, чтобы ты когда-нибудь лежала или
сидела без дела. Всё время на ходу, в дви-
жении, с сумками, авоськами, из которых
торчат куриные ноги и рыбы хвосты. Се-
мью надо кормить. Поить. Одевать-обувать.
Обстирывать...

С базара ты приносила мне какие-нибудь
ягоды или фрукты. Я обижался и воротил
нос, если яблоки были зелёные и не самые
дорогие. Только десятилетия спустя я понял,
что ты не ела и таких. Ты всё отдавала мне
и моей сестре. О себе ты думала в последнюю
очередь.

Я помню, как однажды, когда я был уже
подростком, ты взяла меня с собой «на раз-
борку».

Незадолго до этого случая отец был в ко-
мандировке в колхозе, где монтировал трубо-
провод. Коллеги беспробудно пили, продавая
трубы за выпивку налево и направо. Рев-
ностный поборник закона и справедливости,
отец за ужином, когда бригада была в сборе,
потребовал прекратить безобразия.

— А ты кто такой? — возмутились «кол-
леги».

— Тебе что? Больше всех надо? — спросил
бригадир Жуликов (фамилия невымышлен-
ная).

— Надо! — ответил отец.

Слово за слово, кулаком по столу. Отец не
из слабых. Батареи по семьдесят килограм-
мов один носит. Но в драке выигрывает не
сильный, а наглый. Жуликов ударил первый.
Ногой в пах. А затем ногами — лежащего.

Отец приехал домой с тёмно-лиловой фи-
зиономией. Напрасно он пытался объяснить
это тем, что упал на кучу кирпичей. Мать всё
из него выудила.

Мне она сказала: «Поехали. Постоишь на
шухере».

Мы приехали на вокзал. Мать направилась
к кассам. Там уже сидела группка мужчин,
ожидавших электричку.

— Кто из вас Жуликов? — спросила мать.

— Я! — от группки отделился долговязый
рыжий субъект. — А тебе чего надо?

— Сейчас объясню, — сказала мать и до-
стала из сумки зонт. Старинный такой нескла-
дывающийся зонт — металлическая трубка
обтянутая плотным чёрным полотном.

— Вы чем в колхозе «Светлый путь» зани-
маетесь?

— А твоё какое дело?

— Вот такое! — мать с размаху ударила его
зонтом по плечу.

— ... твою мать! — вскрикнул Жуликов
и присел от боли.

— Я тебе покажу и мою мать, и моего
мужа! — мать обрушила второй удар на дру-
гое плечо.

Жуликов вскочил и побежал прочь. Мать —
за ним вдогонку, нанося удары по спине, по
голове, куда придётся.

— Я тебя, жулика, посажу! Будешь знать,
как воровать и руки распускать...

Прохожие с интересом и удовольствием
наблюдали эту сцену, полагая, что это жена
вправляет мозги мужу-пропойце...

Своим примером ты приучила меня быть
верным данному слову. А ещё ты учила меня
быть терпимым ко вкусам и чудачествам
других людей. Не словами, а поступками ты
давала мне уроки сострадания и милосердия.
Когда я рассказывал, что у нас в институте

есть такой вот студентик, бледненький, плоховато одетый и видно, не очень сытый, ты совала мне деньги.

— Вот, передай. Пусть хоть поест мальчишка.

Вряд ли твои принципы облегчили мне жизнь. Скорее, наоборот. Но я всё равно благодарен тебе за эти уроки.

Когда я вернулся из своей первой длительной заграничной командировки, мы поехали «тряхнуть мощной» в Москву. Наивные, мы имели тогда лишь смутное представление о системе валютных и чековых магазинов «Берёзка». И вот в один такой магазин мы случайно попадаем. Тут запах кожи, дорогих вещей и роскошной иностранной жизни. Веселят твои глаза. Ты уже прикидываешь — чем бы отовариться, что купить дочери, что сыну. Но подходит молодой человек в строгом костюме. Намётанным глазом он без труда определил в тебе тётку из провинции.

— Извините, но что вы тут делаете? — спрашивает он тебя.

— Товар выбираем.

— Это валютный магазин.

— Ну и слава Богу, — говоришь ты. — В обычных магазинах ничего такого не бывает.

— В этом магазине товары продаются только за валюту, которой у вас нет и быть не может, — объясняет продавец.

Ты смотришь на него с укоризной, как учитель на не очень понятливого ученика.

— Молодой человек. Вот это (ты с гордостью указываешь на меня) — мой сын. Он только что вернулся из-за границы.

Молодой человек поворачивается ко мне. Я одет во всё иностранное. Умею говорить по-английски без акцента. И даже несколько фраз могу сказать на чистом арабском.

— У вас есть валюта?

— Нет, — отвечаю я. — Только бесполюсы сертификаты.

— Тогда попрошу покинуть помещение. Это магазин для иностранцев.

Мы выходим на улицу. Ты возмущаешься.

— Что же, сынок, мы рылом не вышли?

Я успокаиваю тебя.

— Ничего, мам, поищем магазин попроще!

Я помню, как ты приехала навестить меня в воинскую часть. Мой китель произвёл на

тебя сильное впечатление. Ты даже всплакнула: твой маленький мальчик — уже казённый человек. Ты трогаешь золотистые буквы СА на моих чёрных погонах

— Что они значат?

— Советская Армия.

— А лычки зачем?

— Командир отделения.

— В начальники, значит, выбился?

— Так точно!

Я замечаю седые прядки в твоих волосах. Первая седина. Ты привезла мне пряники, конфеты, какие-то вкусности (я так объелся, что на следующий день мои стоны из туалетной кабинки доносились до расположения казармы). Я нечаянно упоминаю, что мне неудобно без часов. Ты снимаешь с руки свои дамские часики и отдаёшь их мне. Всю оставшуюся службу они тикают в нагрудном кармане возле моего сердца.

Мы прощаемся. Я говорю, что скоро уеду в Белоруссию, и мы уже не увидимся как минимум год.

— Что ж, служи, сынок, — говоришь ты и целуешь меня на прощанье. Я опять вижу слёзы в твоих глазах. Очень ты сентиментальная.

После армии тебе захотелось меня женить. Ты учила меня танцевать, предлагая в качестве партнёрши табуретку. Ты ставила на радиоле пластинку «Амурские волны». Я брал в руки табурет и начинал кружить по комнате, а ты критически оценивала мои выкрутасы. Танцевать я не научился, но запомнил самое важное правило — мужчина ни в танце, ни в жизни не должен вихлять задом.

Потом я женился (не посещая никаких танцевальных мероприятий). Брак не задался с самого начала, что огорчало тебя чрезвычайно. Ты мне сказала: «Разводись. Ничего у вас не получится». Но я всё тянул и тянул... Пока всё само не рассыпалось в один пасмурный осенний день...

Вышла замуж моя младшая сестра. Ты оставила работу, чтобы сидеть с внучкой. Снова врачи и бессонные ночи...

Незаметно прошли, нет, не годы, — десятилетия. Я звоню тебе почти каждый день. По голосу я могу определить, как ты сегодня себя чувствуешь. Ты говоришь, что утром нагнулась, у тебя закружилась голова, и ты

упала. Поднялась не сразу. Говоришь, что когда-нибудь не поднимешься вовсе. Потом, словно спохватившись, уверяешь, что всё у тебя хорошо, всё нормально. Но я знаю, что твоё здоровье — всё хуже и хуже. Прийти и жить с тобой в одной квартире, чтобы помочь — немыслимо пока там ещё есть живой отец. Мы не можем с ним находиться в одном помещении. Ибо я — не такой как надо. Да и все не такие. И всё не так. Что? Не согласны? Ах, вы суки! А за кого голосовали? Не за коммунистов? Ух, вы сволочи!

Сколько лет жизни он отнял у тебя?!

Три дня назад тебя увезли на неотложке в больницу. Ты была без сознания в предынфарктном состоянии.

На следующий день я приехал к тебе в больницу. Ты лежишь с закрытыми глазами. Услышав стук двери, поднимаешь веки. Огромные глаза на бледном опухшем лице.

— Это ты, сынок?

— Я, конечно. Как самочувствие?

— Замечательно...

Я сажусь рядом и говорю, говорю... Мне хочется отвлечь тебя от печальных мыслей.

— Наклонись, — говоришь ты чуть слышно.

Я наклоняюсь над тобой. Ты обнимаешь меня. Я чувствую твои мокрые щёки.

Я знаю, почему ты плачешь. Потому что понимаешь, что жизнь прошла. И наступает то, чего на этом свете не избежал НИКТО, как бы велик он ни был. Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не заплакать.

Вспоминаю разговор с Аннойванной — моей школьной учительницей, проживающей в Москве. Она была стройная кареглазая красавица с длинными волнистыми волосами. А сейчас — она согнута как плотницкий угольник и с трудом добирается до кухни, откуда приносит яичницу. Наливает мне стопку водки и чуть-чуть себе. Мы чокаемся.

— Не плачьте по мне, когда я умру, — говорит Аннаванна. — Не портьте себе настроение. Я жизнь прожила прекрасную и всем довольна. А что умру — это нормальное дело. Если люди не будут умирать, жизнь будет кошмаром...

В палату заглядывает медсестра.

— На обед, пожалуйста.

Я иду в столовую. Приношу поднос с супом и гречневой кашей с кусочками печёнки. Со всем неплохое для больницы питание. Я помогаю тебе сесть на койке. Ты ешь. А точнее, безучастно впихиваешь в себя кусочки размоченного в супе хлеба. Я смотрю на седые волосы, покрывшие тоненькую шею.

На соседней койке хрипит женщина. Глаза закрыты. В приоткрытый беззубый рот вставлена трубка. У женщины уже почернели руки. Тут всё ясно.

Вдруг в палату входит отец.

— Во! И ты тут?

— Тут. А что?

— Иди домой! Я сам тут управлюсь.

С ним спорить бесполезно.

— Иди, сынок, — говоришь ты.

Я целую тебя и ухожу. Дома я сажусь за компьютер. Работу мне никто не отменял. Я не могу сконцентрироваться. Я думаю о ней. И о том, что её может скоро не стать. Я гоню эту мысль, но она возвращается опять и опять. Я знаю, что больше всех на свете меня любит мать. Я вздрагиваю от каждого телефонного звонка. Ибо любой из них может принести мне сокрушительное известие. Нет, я не смогу последовать совету Анныванны.

Ночью я просыпаюсь и долго не могу уснуть. Я вспоминаю и думаю, думаю... Мам, не умирай! Ты мне нужна всегда...

ВИТЯ ВОЛК

Позвонила мать. Спросила как дела семейные. Повела свежие новости: умер сосед дядя Володя, ещё не старый мужик, наш бывший участковый. Жена его тетя Соня плоха и лежит в больнице. Вышла замуж Оля Пирожок. Родилась двойня у Юрки Ершова. Убили Витьку Волкова.

Витька — мой бывший одноклассник. Товарищ по детским играм и подростковым забавам. Мы с ним сидели за одной партой, гоняли мяч по двору. Вместе рыскали по тёмным улицам города в поисках приключений. С ним прошло моё детство. И вот его больше нет. Нет человека, которого я знал так давно и так хорошо, что порой хотелось убить его.

Мать Витьки звала его Витенькой, а Витенька, как приучила его мать, обращался

к ней только на вы. «Вы, мама, не правы». «Вас, мама, в школу вызывают». «Вы, мама, мне мешаете».

Конец лета. Последние тёплые дни мы, мальчишки-дошколята, коротаем на плитах. Плиты железобетонные. Посредством этих плит в начале шестидесятых претворяли в жизнь задумку Первого Секретаря ЦК КПСС — массовое переселение населения из бараков в многоквартирные корпуса, прозванные позднее «хрущёбками». Потолки в домах из таких плит получались горбатые и с щелями, из которых сыпался высохший раствор. Но кто в те годы думал о неровностях потолка, переезжая из заклоповленной коммуналки в «отдельную квартиру». Я ездил на трехколесном велосипеде из одной комнаты в другую (их было аж две) — и напевал: «Мы едем-едем-едем в далёкие края! Весёлые соседи, счастливые друзья!»

Строители уехали, оставив после себя горы строительного мусора и плиты. Уложенные в не очень аккуратные штабели, они служили нам прекрасной игровой площадкой. По этим плитам мы прыгали как горные козы. Иногда на спор. Не всегда удачно. До сих пор помню ощущение от удара голенью о край плиты. И помню, как ребята несли Славку Казанского. Штанина задрана. Нога в голени неестественно согнута. Из раны течет совсем немного крови и торчит косточка. Славка белый как мел, но не издаёт ни звука.

На плитах мы собирались для разных мальчишеских дел. Менялись фантиками, пересказывали увиденные фильмы, узнавали азы жизни. Именно здесь умудренные жизненным опытом мальчишки постарше объяснили мне, как и откуда появляются дети. А Бес, уже зрелый малый, слесарь патронного завода, в качестве наглядного примера спустил штаны и после некоторых манипуляций брызнул на плиты липкий фонтанчик.

В одну из посиделок на плитах к нам подсел новый мальчик. Был он круглоглазый, с большой круглой головой и толстыми губами. Всем своим видом он напоминал обезьянку. Это был Витенька. И это была моя первая встреча с ним.

— Я решил бандитом стать! — заявил он. — Буду теперь ругаться матом, курить и хулиганить.

В доказательство он вынул из кармана пачку сигарет (мы так и ахнули — настоящие, а не «бычки», которые мы собирали на улице и украдкой потягивали), закурил, затаился, закашлялся, сплюнул и смачно по-взрослому выругался.

— Я теперь большой, завтра в школу пойду! — похвастал Витя.

— И я тоже! — сообщил я.

На следующий яркий первый день сентября мы пошли в школу. В свой портфель я уложил с полусотни тетрадок, учебники по всем предметам и счёты. Раздутый портфель не закрывался, но отец помог мне застегнуть его. Мать ещё больше увеличила мою нагрузку, принесла букет цветов с рынка. На площади возле школы, увидев Витину мать с сыном, который, как и я, держал портфель и букет цветов, мама сказала: «А вон наши друзья. Пойдём, присоединимся».

Мы встали рядом. Собравшихся учеников и родителей приветствовал Пал-Палыч, директор школы. Это был высокий видный мужчина, с зычным голосом и густой шевелюрой иссиня-чёрных волос. Он говорил об успехах советского народа в реализации решений партии, о достижениях советских учёных, запустивших спутник в космос и о том, что все учёные сначала были школьниками.

— Школа — это первый шаг в мир знаний. Она откроет вам путь в любую сферу человеческой деятельности, даже в космос. Вы хотите в космос?

— Да-да! — дружно закричали собравшиеся на площади школьники. Мы с Витенькой переглянулись и промолчали. Ни мне, ни ему в космос не хотелось.

Мы вошли в школьное здание. Учительница провела нас в класс. Чем-то я приглянулся учительнице, и она назначила меня в первый день учебы дежурным по классу.

— До звонка никого в класс не пускай, — сказала она мне.

Гордый столь ответственным поручением, я приступил к его исполнению с завидным рвением. Школьники повиновались. Кто-то с большей охотой, кто-то с меньшей. Не подчинился только Витенька.

— Нельзя? Почему нельзя? Это другим нельзя. А МНЕ можно! — И Витенька вошёл в класс.

Мы сцепились как два диких зверя. Два мальчишеских тела сплелись в одно, и покатились по школьному коридору. Я дрался за то, чтобы закон был один для всех. Витенька дрался за то, чтобы быть над законом. Мы били друг друга, рвали и кусали с остервенением волчат. Витенька разорвал на мне до пупка белую праздничную рубашку. В какой-то момент его рука оказалась возле моего носа. И я впился зубами в его палец. Истошный крик возвестил окончание битвы. Ещё немного и палец был бы отделён от ладони. Подоспевшая учительница, женщина ещё не старая и полная сил, растащила нас в стороны.

Так началась наша полувражда-полудружба. Мы вместе играли во дворе. Вместе делали уроки. Я был мальчик исполнительный, учился хорошо, меня хвалили учителя. Маме Витеньки казалось, что я составляю для него хорошую компанию, и она всячески содействовала нашей дружбе. Витенька приходил ко мне домой. Мы устраивались по разные стороны стола и приступали к урокам.

— Как ты думаешь, — спрашивал он, — как лучше назвать корову: Бурёнкой или Чернушкой?

— Думаю, что Бурёнкой, — говорил я.

— Тогда я назову Чернушкой, — говорил Витенька.

— Почему?

— Потому что у всех других Бурёнки будут. Я не хочу как у всех.

Но надолго Витеньки не хватало. Кое-как разделившись с Чернушкой, Витенька вставал и обходил квартиру.

— А нет ли у вас чего-нибудь пожевать? — деловито осведомлялся он. И не дожидаясь ответа, открывал холодильник в поисках съестного. Обнаружив колбасу или котлету, он извлекал ее и с довольным видом спрашивал: «Будешь?»

Моей матери импонировала Витина смелость, уверенная мужская хватка. Но уничтожение колбасы без спроса ей явно не нравилось.

Как давно это было! Разве всё упомнишь! Разве всё расскажешь! Поди разбери теперь что было важным в те далекие детские годы, когда формировался наш характер.

В четвёртом классе подружился Витенька с Олегом. Олег сидел за нашими спинами. Он

был большим малым, который уже пробовал бриться. Олег был второгодник. Каждый год он кончал за два. Про себя он говорил: «Я не второгодник. Я — ветеран».

Олег был из «трудной семьи». Родителей в семье не было. Жил он со старшим братом. Брат работал на заводе. Естественно, пил. Пил сам и наливал младшему брату. А заодно и приходящему к брату товарищу. Именно тогда я впервые увидел Витеньку пьяным. Был он безудержно весел. Смеялся, глядя на воробьёв, купавшихся в дорожной пыли. Падал в эту пыль и безудержно хохотал. Проходившая мимо тетя спросила сердобольно: «Что с тобой, мальчик? Тебе плохо?» А мальчику было очень хорошо.

Витенька хоть и сидел в школе рядом со мной, крепким «хорошистом», но учился из рук вон плохо. Для учёбы напрягаться надо. А Витенька напрягаться не любил. Мы ходили в спортивные секции, пыхтели на беговой дорожке, потели на борцовском ковре, корпели в кружках детского технического творчества, где мастерили радиоприемники и модели самолетов. Умилая старших, пели в кружках хорового пения. Но всё это было Вите неинтересно.

Каждый следующий сентябрь мы переходили в следующий класс. Сидя за партой, я тоскливо смотрю в окно. Ещё вчера я мог вон там пойти в любую сторону улицы. А сегодня сижу, скованный партой. А что делать? Сидящий рядом Витенька поднимает руку.

— Что тебе, Витя? — спрашивает учительница.

— Гулять хочется!

— После уроков погуляешь.

— А я сейчас хочу!

— Сейчас нельзя. Сейчас урок.

— Ладно.

Витенька лезет в портфель. Достает тетрадь. Осторожно, чтобы не шуршать, вырывает несколько листов и, скомкав, отправляет в рот. Дождавшись, когда учительница повернется к нему спиной, он вынимает жеванный мякиш изо рта и швыряет в классную доску. Учительница оборачивается.

— Кто это сделал?

Витенька равнодушно смотрит в окно. Скучно. Когда же уроки кончатся? И когда,

наконец, они кончаются, мы с рёвом вылетаем на долгожданную улицу, на свободу.

Сентябрь мы проводим во дворе, гоняем мяч дотемна. Октябрь- в зависимости от погоды. В ненастный ноябрь заходим в подъезд поиграть и погреться. А иногда, если родителей нет дома, то в чью-нибудь квартиру.

Любимое занятие в квартире — игра в жмурки. Но жмурки особенные. Водящему одеваем светонепроницаемую повязку из шарфа. Правилами разрешается ударять водящего мягкими предметами, например, подушкой, свёрнутым одеялом или ещё чем-нибудь, по всем частям тела, включая голову. Но прелесть игры заключается в том, что правила разрешают выдергивать из-под ног водящего ковровую дорожку. Звук от удара затылком о пол до сих пор свеж в моей памяти. Чем звонче был удар, тем громче смеялись мальчики. Особенно нравилась эта забава Витеньке. Он не смеялся. Он гоготал, испуская слюну, и очень походил при этом на гориллу в зоопарке.

Однажды выпало водить Витеньке. Вытянув руки, Витенька двинулся вперёд. Но только он ступил на дорожку, как Амфибия, ловкий малый, вратарь нашей дворовой сборной, рывком выдернул дорожку из-под ног Витеньки. Глухой стук кости о дерево возвестил удачное исполнение трюка. Игнорируя все правила, Витенька срывает повязку: «Кто?»

Перед Витенькой — только Амфибия. Всё ясно. Витенька исчезает, чтоб через несколько секунд вынырнуть из кухни. В руках у него длинный кухонный нож. Таким хлеб режут. Нож у горла Амфибии.

— Убить, сука? Отвечай!

Амфибия мгновенно бледнеет. Он понимает, что Витенька не шутит и от мира иного его отделяют всего несколько миллиметров.

— Не надо, — испуганно лепечет Амфибия.

Витенька опускает руку с ножом.

— Учти, падла, со мной такой номер не пройдёт!

Ножи Витенька любил. Сам не делал (для изготовления ножей требуется умение и терпение), но с собой носил. Рукоятка ножа ласкала ладонь и звала к действию. Он казался себе значительным и мужественным. Хотелось

дела. А дела не было. Тогда Витенька загонял кошку в деревянный стояк забора и начинал тыкать её. Несчастное животное визжало на всю улицу, а Витенька гоготал. Густая слюна стекала с его толстых губ.

Иногда в этих забавах ему помогал товарищ по кличке Чудо. Это был мальчишка года на два старше. Он очень гордился своей кличкой, которую получил после того как напал на вахтёра патронного завода чтобы отнять у него пистолет. Но вахтёр, молодой мужик, оказался для Чуды орешком не по зубам. Он не только отразил атаку, но и крепко побил налётчика. Чуду, посчитав малолеткой, к уголовной ответственности привлекать не стали. Чудо, кроме ножа, носил с собой рогатку. Он любил прикормить голубей, собрать их в стайку, а потом выстрелить в них из рогатки. Если попадал в какого-нибудь голубя, то хватал ещё живую окровавленную птицу за ноги и кричал: «Какой гад голубя убил? Зарежу собственными руками!»

В школе математику нам преподавала Зинаида Алексеевна. Толстенькая энергичная кубышка. Поначалу она нам показалась очень строгой. Тем более, что брат у неё — завуч по кличке Сыщик. Сыщика мы боялись. А Зинаиду Алексеевну — ни капли. Придя к нам, она заявила:

— Тут вот про Витю Волкова разные истории рассказывают. А я думаю, что это всё выдумки и мы с Витей прекрасно поладим. Правда, Витя?

— Правда, — ответил Витенька. И стал творить такие чудеса, от которых Зинаида Алексеевна схватилась за голову. То заблеет козлом на уроке, то костёр из тетрадок разожжёт. Бывало, выгонит, она Витеньку из класса, а он из коридора орёт дурным голосом: «Зинаида Алексеевна! Подарите мне свои трусы — я в них в космос полечу».

Зинаида Алексеевна плакала от бессилия. Что ей делать? Брату жаловаться? В отчаянии бедная женщина обратилась к нам, ученикам. «Сделайте хоть вы что-нибудь! Набейте ему морду». На перемене мы подошли к нему.

— Ты очень плохо ведёшь себя с Зинаидой Алексеевной, — сказал я ему.

— А вы кто такие чтобы мне указывать? — спросил он.

— Мы ученики. А Зинаида Алексеевна наша учительница. Она от тебя даже плачет, — сказал Костя.

— А шли бы вы все на ... ! Что хочу, то и делаю.

— Ах, так! — Я бью Витеньку в скулу. В ответ Витенька бьёт меня по носу, но тут же получает удар от Кости.

— Кодлой бьёте? — Витенька убегает. Но не надолго. Вскоре появляется размахивая безопасным лезвием, которое вынул из карандашной точилки.

— Убью! — кричит Витенька. Но убить таким лезвием невозможно.

— Кого порешить — подходите! Нет желающих.

Однажды Зинаида Алексеевна заболела. Её пришла временно заместить Надежда Ивановна. О её педагогическом искусстве ходили легенды. Говорили, что она может найти подход к любому ребёнку, и даже самый шаловливый становится у нее «шёлковым». Надежда Ивановна была женщиной крупной. В молодости — дискболка с выдающимися результатами. Мастер спорта и призёр чемпионатов России. Где-то между спортивными сборами она закончила педагогический институт. По окончании спортивной карьеры пришла в школу. Большое лицо, крупный нос, огромные мужские руки. В тяжёлой ее походке, чувствовалась сила. На уроке, дав нам всем задание, она наклоняла голову набок, закрывала глаза и предавалась своим мыслям. О чём думала Надежда Ивановна, никому не известно. Обурной ли спортивной молодости, о рекордах, которые ей не дали или о мужчинах, которые ей не покорились? Мы знали, что мужа и детей у неё не было. Время от времени она приоткрывала глаза, осматривала класс, удостовераясь, что все идёт нормально и снова погружалась в полудрёму. Но при малейшем шорохе, она как рысь, настораживалась и была готова к моментальному наведению порядка. Мы все работали. Но не в натуре Витеньки работать. Работать — скучно. Пусть работают другие. Он стал заниматься более важными делами. Сначала дёрнул девочку за косичку, потом отнял у соседа авторучку. Надежда Ивановна приоткрыла один глаз.

— Витя, в чём дело? Ты задачу решил?

— Нет.

— У тебя не получается?

— Не хочу я её решать.

Надежда Ивановна открыла второй глаз.

— Это как «не хочу»? Надо решать.

— А я не хочу.

— Подойди, ко мне, Витя!

— Кому надо, тот пусть и подходит.

Благодушие моментально испарилось с сонного лица Надежды Ивановны. Сжались челюсти. Заиграли желваки. Мы замерли в ужасе ...

— Хорошо, милый, я сейчас подойду. Потерпи чуть-чуть.

Надежда Ивановна поднимает свое грузное тело бывшей спортсменки и как броненосец приближается к Витеньке. Вот они напротив друг друга. Их глаза встречаются. Ловким борцовским движением Надежда Ивановна перехватывает Витеньку за пояс и переворачивает вверх ногами. Потом приподнимает и держит в воздухе, как будто размышляя что делать дальше — стукнуть о пол или поставить аккуратно. После недолгих размышлений она плавно ставит Витеньку головой на пол.

Такое обращение оказало на Витеньку глубокое впечатление. Его словно подменили. Надежду Ивановну он зауважал, смотрел на неё влюбленными глазами, был готов выполнить любое её поручение и говорил с восхищением: «Надежда Ивановна — настоящий волкодав! Любого мужика в бараний рог скрутит!»

Биологию нам преподавал Михал Иваныч. С высоты прожитых лет становится видно, что это был хороший специалист и добрейшей души человек. Когда мы вели себя тихо, он с упоением рассказывал нам о пестиках и тычинках и о том, как человек научился выращивать пшеницу.

Однако, насидевшись тихо на уроках учителей жёстких и строгих, мы спускали пар на уроках учителей мягких и добродушных, каким и был в высшей степени Михал Иваныч. На его уроках царил бедлам. Тон задавал Витенька. Однажды во время перемены Витенька подкрался к Михал Иванычу сзади, одел ему на голову неизвестно откуда взявшийся примус и закричал: «Корона, корона!» Михаил Иванович повернулся. В его глазах

была тоска и усталость. «Зачем ты это делаешь, Витя?» Витя в ответ только загоготал.

Вскоре Михаил Иванович заболел. Болел тяжело и долго. Витенька на перемене поделился своими мыслями.

— Говорят, Михал Иваныч в больнице. Мне сказали, что он на фронте воевал. Ордена имеет. Его два раза ранили. Мужик он классный. В общем так, на его уроках я теперь буду сидеть смиренно.

Но обещанию не суждено было сбыться. Михаил Иванович вскоре умер. Умные, благородные, терпеливые учителя наши! Сколько выпало вам претерпеть от витьков и саньков. За что вам это? Как беспомощны вы были перед лицом хамства и скотства. Как путали вас идеи Каменского и Песталоцци! Панцирь высшего гуманитарного образования обезоруживал вас и не позволял ответить ударом на удар. Вы брали всё в себя. В вас скапливались обиды и горести. И вы раньше срока уходили из жизни.

Учебных предметов становилось всё больше, а домашние задания по ним — всё труднее. Раньше я с уроками справлялся легко и быстро. А теперь так трудно даётся физика! Какие-то шары, в них накопились кулоны электричества, которые надо подсчитать. Подсчитаешь, душа из тебя вон. А там ещё химию надо делать с её перекисями и закисями, тригонометрию с тангенсами и котангенсами. Кому это нужно? Сил нет! Уж лучше пойду я на улицу. На улице ребята. Перекись и котангенс их не интересуют. Витенька уже давно здесь. Терпение учителей иссякло, и он был исключён из школы.

Уличная наша компания разношёрстная. Вечер от вечера меняется, но шесть-семь человек в ней есть всегда. Старший и наиболее авторитетный — Вовчик. Отец его — большой милицейский начальник. Мать — артистка. Работает в театре. Мы даже видели её в одном фильме. Вовчик водил нас на сеанс, оплачивая вход. Когда её вызывают в школу в связи с плохим поведением сына, она понимающе кивает головой, платочком вытирает глаза, обещает принять меры и воздействовать на сына.

Вовчик — малый изобретательный. Как-то понадобились ему деньги. Откуда взять? Вовчик вошёл в школьную раздевалку, выбрал

куртку подбортнее, одел её и ушёл. Продал по дешёвке на соседней улице прохожему. Сказал, что мать болеет и срочно нужны деньги. Пропажу куртки школа возместила пострадавшему из своих средств. А Пал-Палыч объявил выговор уборщице тёте Лене за потерю бдительности.

Мы идём по тёмной улице. Не попадайся, одинокий прохожий, на нашем пути! Нас много. Мы налетаем, как саранча. Коли парень молодой — изобьём в кровь. Если мужик в годах — карманы обчистим. А сопротивляться будешь — так завалим и ногами потопчем. Если бабка попадётся — не тронем великодушно, а коли девка молодая, так позабавимся. Завалим, в трусы залезем, общуемся где надо. Насиловать не станем: холодно и хлопотно. Да и робеет мы, юнцы, перед последним шагом. Шарику восемь лет дали за изнасилование продавщицы. Но Шарик на четыре года старше нас. Он из другой, из старшей группы. Это другое поколение.

В роли ударника в нашей компании выступает Чудо. Если прохожий непонятливый попадает, артачиться начинает, то Чудо приступает к делу.

— Что в кармане у тебя, мужик? Ты чо? Не понял?

Бьёт Чудо сильно и без предупреждения. Хорошо, если у прохожего крепкие и быстрые ноги.

В одном из домов на первом этаже на подоконнике заприметил Вовчик палку копчёной колбасы. Кто-то подготовился к празднику Великой Октябрьской Социалистической революции. Решение принимается моментально: будем брать. Мы есть не хотим. Мы хотим приключений. Надо дожидаться, когда из кухни выйдет мужик, разбить стекло и схватить колбасу с подоконника. Кому доверить столь ответственную часть операции? Добровольцем вызывается Витенька.

С боевым заданием Витя справился дерзко. Он не стал дожидаться, пока мужик выйдет из комнаты. Подошёл к окну, посмотрел на повернувшего к нему хозяина, резким ударом вышиб стекло, и, схватив колбасу, бросился бежать.

По окончании операции Вовчик хлопает Витеньку по плечу.

— Витя у нас молодец. Смелый малый. Отлично работает. И, отломив кусок колбасы, вручает Витеньке. Получаю свою долю и я.

— Ешь, — говорит Вовчик. — Заслужил.

Но очень не хочется есть эту колбасу. Всё представляю того мужика, у которого перед глазами окно вышибают. Наверное, здорово он перепугался.

Договариваемся на следующий день идти в кино и там в туалете проучить Коржика.

— А чем Коржик виноват? — спрашиваю я.

— Морда у него хреновая, — отвечает Витенька. — Я её подправлю.

Мне жалко Коржика. И подвиги нашей компании мне не нравятся. Я оставляю её и ухожу в спортивный зал тягать железки. А Витин авторитет растёт. Его уважает сам Вовчик. У Вовчика отец — полковник милиции. А кто был Витиным отцом — никто не знает. Известно только, что он пил и по пьянке попал под поезд.

Витенька играет во дворе в карты со взрослыми мужиками. Игра идёт под деньги, хоть и ставки невысокие. Этот, ещё не знавший женщин юнец, густо матерится и поучает отцов семейств. Мужики глотают горькие пилюли. Витенька — король двора и улицы. Очень ему эта должность нравится. И сам себе он нравится. Играет Витя слабо. Пытается шельмовать. Паша Баташов, карточный профессор, уличает Витеньку. Витенька свирепеет.

— А смазь, — кричит, — не хочешь?

— Какую ещё смазь — недоумевает Паша.

— А вот такую — Витя ладонью загребаёт со стола карты и этой же ладонью хватает Пашу за лицо. — Это смазь называется!

Паша Баташов, в два раза здоровее и в три раза старше Вити, нос утирает. Но знает Паша, что с Витенькой нельзя спорить.

И Витенька это знает. Он выработал себе особую походочку вперевалочку. Настало время, когда Вите стало казаться, что он — хозяин всему и каждому, что видят его глаза. Бывает, конечно, что некоторые не понимают его значимости, но об этом всегда можно напомнить. Шли мимо нашего дома двое ребят. Один высокий и жилистый. Второй невысокий и толстенький. Остановились, закурили, по сторонам посмотрели.

— Чего глазее? — бросил им сидевший недалеко на скамейке Витенька. — Валите отсюда.

Такое приветствие ребятам не понравилось.

— Ты кто такой? — поинтересовался толстый.

— Я — Витя Волк. — Витенька поднялся, подошёл к ним.

— Что уставился? Смазь хочешь? — спросил он толстого.

— Какую смазь?

— Вот такую! — Витенька ухватил толстого растопыренной пятернёй за лицо.

Толстый откидывает руку Витеньки и бьёт его в челюсть. Витенька приседает. И тогда длинный бьёт его ногой в пах. Витенька гыкает и медленно опускается.

Двое неспешно продолжают свой путь. Но уйти далеко не успевают. Их нагоняет Витенька. Глаза его бешено блестят. В руке нож.

— Я — Витя Волк! — кричит он. Подскочив к толстому, он приставляет нож к его горлу.

— Зарезать? Отвечай!

— Отпусти — хрипит толстый. — Давай разберёмся.

Трое уходят за угол. Долго разбираются. Громче всех кричит Витенька. Поруганную честь он оценил очень высоко — десять бутылок водки.

Одно время у Витеньки появился интерес к экспериментальной физике. Кто-то поведал ему, что если перемешать в определенной пропорции марганцовку и нитроглицерин, то через некоторое время может произойти маленький взрыв. Витенька попробовал. Получилось. Тогда он решил пакетики со смесью вкладывать в хозяйственные сумки прохожих. Это так весело, когда вдруг вспыхивает хозяйственная сумка! И если испуганная тетка вскрикивала от страха, Витенька получал истинное наслаждение и гоготал коротким гориллыим лаем. Вообще ему очень нравилось, когда другим было больно и тошно.

Закадычный приятель Чудо имел слабость к биохимии. Носил с собой пузырьки с таблетками, которые заставлял глотать мальчиков помоложе и послабее. Чуде очень хотелось свершить какое-нибудь чудо. Например, чтобы от его таблеток подопытный мальчик полез на стену. Это было бы так смешно! Если мальчик от таблеток отказывался, Чудо свирепел, и бил строптивца носком ноги по голени.

К определенному моменту в личном деле Чуда было зарегистрировано уже много подвигов: хулиганство различного калибра, воровство из ларьков и даже нападение на прохожих. Один прохожий оказал сопротивление. Возмущённый Чудо пустил в ход палку. Избитый человек скончался. По приговору суда Чудо был расстрелян.

Вскоре по местам «не столь отдалённым» отправился и Витенька. Первая ходка — за грабёж. Накануне суда, взяв напильник. Витенька царапает на стене подъезда: «Пращай мама!» Так, прощаясь с Родиной, писали на стене герои осаждённой Брестской крепости. Витенька тоже хочет быть героем.

После первой отсидки пошла вторая, затем третья. Кража. Разбой. Нанесение тяжких телесных повреждений.

Шли годы. Я поступил в институт. Окончил его. Выезжал работать и жить в другие города и страны. В дом-хрущёвку, где прошло моё детство, и живут родители, приходил редко. О том, как сложилась судьба товарищей по двору, знаю немного. Но знаю, что Вовчик стал большим человеком, директором городского кладбища. Одно время крепко пил, но остановился. Отсёк старых самых отпетых дружков. Ездит на дорогой иномарке. Содержит шофёра. Недавно встретил я его на станции техобслуживания.

Поздоровались, как будто вчера расстались. Пока шофёр с машиной возился, мы за жизнь потолковали.

Я спросил — что он о ребятах знает. Славу Казанского призвали в армию. Оттуда его привезли в гробу. Тришку во время отсидки в Кировской области утопили в проруби сокамерники. Толик Юрков с похмелья махнул стеклоочиститель и скончался. Амфибию застрелили в городе свои же ребята.

— За что? — неосторожно любопытствовал я.

— Было дело, — ответил он уклончиво. — Скажем так, производственная травма. Ты памятник ему видел?

— Конечно! Разве такой не заметишь!

— Это я поставил. На свои.

Высоченный обелиск из чёрного мрамора виден с любого уголка кладбища. Стоит такой целое состояние. Эпитафия гласит, что здесь покойтся благородный защитник

слабых и обиженных. Амфибию Вовчик положил рядом с отцами города, ректором университета, конструктором стрелкового оружия и местным поэтом, воспевшим наш древний город. Место почётное, на центральной аллее. Похороны Амфибии были грандиозными. Даже из столицы приехали авторитетные ребята. На погребении выступил директор школы Пал-Палыч, когда-то исключивший Амфибию из школы за невыносимое хамство.

За день до похорон в кабинет Пал-Палыча зашли несколько молодых человек.

— Пал-Палыч! Вы, наверное, знаете — у нас горе. Наш товарищ погиб.

— Знаю, конечно. Сочувствую. Но, боюсь, помочь я ничем не могу.

— Можете.

— Не удивляйтесь. Юрик ведь Ваш ученик был.

— Да, был.

— Вы не могли бы выступить с речью на его погребении. Сами понимаете что и как сказать надо.

Пал-Палыч на секунду задумался.

— А, может, у Вас проблемы какие есть, Пал-Палыч? Может, обижает кто? Или деньги нужны? Школу подремонтировать, парты новые купить. Разве мы не поможем?

На погребении Пал-Палыч, произнёс одну из лучших своих речей. Он говорил о том, что Юрик был очень бойкий мальчик, чрезвычайно непоседлив, но имел исключительно доброе сердце и отзывчивую душу. Ветер трепал густую белую шевелюру Пал-Палыча. Всплакнули даже самые крутые ребята.

Поминали на втором этаже ресторана. На подъездной площадке собрались Мерседесы, Хонды, Саабы. Выпив за упокой души и покурив на выходе, ребята садились за рули и разъезжались.

— Витька где? — спрашиваю я.

— Не переживай. Скоро придёт, — Вовчик усмехается. — Только долго ли гулять будет?

Он стоит передо мной большой и грузный. На бычьей шее золотая цепь толщиной с верёвку. Невозможно представить, что когда-то это был тощий юркий пацан, вычищавший мелочь из карманов оставленных в гардеробе курток и способный вынести любую приглянувшуюся.

— Ты скоро там? — кричит он шофёру.
— Ещё пять минут, Владимир Иванович!
— А ты, Володь, на жизнь не жалуешься, — говорю я ему.

— А чего на неё жаловаться. Надо просто жить и радоваться. Я вот сейчас круиз по Европе сделал. Прекрасно отдохнул, между прочим. Немножко поиздержался, но разве можно на себе экономить? Ты, кстати, тоже, говорят, по границам едешь?

— Бывает. Но это всё командировки. И не в Европу, а в Африку. Или в Азию.

— А старики твои как?

— Слава Богу, живые ещё.

— Смотри, в случае чего обращайся. Похороню по высшему разряду и без наценки.

— Упаси Бог от твоего сервиса.

— Это ты зря. Все под Богом ходим. — Он открыл дверь подъехавшей иномарки, посмотрел на меня большими печальными глазами и грузно сел на переднее сиденье рядом с шофёром. Машина бесшумно уехала.

Проведывая как-то мать, проходил я мимо скамейки у подъезда. На ней сидел недавно освободившийся Витенька. Завидев меня, он окликнул и протянул мне пачку «Примы».

— Садись, покурим.

Я сел рядом. Нам под пятьдесят. Больше чем полжизни прожито. Я седой и лысый. У Витеньки четыре судимости, полное отсутствие зубов и туберкулёз. Он похож на измождённую голодом гориллу.

— Вот ты за границу едешь, разные страны смотришь. Чувак ты образованный и общественно полезный элемент. (Витеньке не чуждо пофилософствовать). Но ведь и я, можно сказать, ценный кадр. Во-первых, сколько прокурорам я работу дал! И мой потенциал далеко не исчерпан. Разве нельзя меня в ту же Африку послать? Например, наёмником? Мне человека убить — как в стакан плюнуть. Тем более черномазого. Я бы в Африке негров мочил, а Родина бананы получала. Можно и в Финляндию послать. В магазинах финский сервелат появится

— А мы что, свой не способны произвести? — спрашиваю я.

— Финский лучше, — авторитетно заявляет Витенька. — Пусть народ кушает хорошую колбаску. Ему к восьмидесятому

году коммунизм обещали. Дали? Нет, обманули! Кругом жульё, ворьё — Он сокрушённо вздыхает. — А сколько сейчас новых богатеньких развелось! Вот кого потрошить надо!

— Кто потрошить будет?

— А хоть бы и я! Думаешь, рука дрогнет? — он закашлялся и сплюнул.

Недавно к Витеньке на квартиру пришли двое. Один высокий и жилистый. Второй невысокий и толстый. Вошли без стука. Дверь Витиной квартиры не закрывалась. Красть в ней нечего. Да и кто посмеет сунуться в квартиру Вити Волка? Высокий остался в коридоре. Тот, что пониже несильно, но решительно, оттолкнул мать и вошёл в комнату.

— Здравствуй, дорогой! — сказал вошедший.

— Здорово, — ответил Витенька.

— Поговорить надо.

— Давай поговорим.

— Зажился ты на этом свете. Пора его очищать от тебе подобных.

С этими словами гость достал пистолет и выстрелил Витеньке в лоб. Затем подошёл к упавшему телу и, приложив ствол к затылку, сделал контрольный выстрел.

После этого гости удалились, оставив без чувств Витину мать и ничего не понявшего вечно пьяного старшего брата.

Витю похоронили через два дня. На похоронах никого не было. Просто приехал автобус и увёз тело. Его закопали близ городской свалки. Вовчик сказал, что наше кладбище переполнено и нужно осваивать новые территории. Над свалкой кружат и каркают тучи ворон, посылая на землю продукты своей жизнедеятельности. Иногда сюда забредают бездомные собаки. Но в основном они живут в городе. Собаки, в отличие от волков, существа социальные и тянутся к людям.

© Валерий ШЕРБАКОВ, 2025

Мила АНДАНТЕ

ТУЛЬСКИЙ ЗАСЛОН

КАЛИНОВ МОСТ

Как над речкой мост расстилается,
Враг на нас войной собирается,
Свинорылое да лукавое
Чудо-юдище семиглавое.
Вбиты столбики раскаленные,
Сверху маковки золочёные —
Ой, мосток — мосток, да и он не прост,
Через речку лёг сам Калинов Мост.
А река под ним, то Смородина.
Берег правый крут, наша Родина.
Он окаиной по края одет,
Испокон веков там водицы нет.
Лишь малинов жар ходит волнами
И течёт в реке пламень-полымя.
Кто захочет стать злу преполою,
Кто на мост взойдёт обороною?
Добрым воинам — нам не ведом страх,
Мы выросли с тобой на семи ветрах.
Ключевой водой умывались,
Да на бой честной собирались.
Что ж ты, чудище окаянное,
Гостевать пришло, да незваное?
Мы таких гостей всех отвадили,
В огонь-Смородину их спровадили.
Ты беги-спасай тело грузное,
Не топтать тебе землю русскую!
За старушку мать, за родной погост
Встали витязи на Калинов мост.

УСОБИЦА

Птица вольная сокол над полем плывёт,
В диких травах степных пробирается лис.
Начиная, подумай, где будет исход.
Я окликну тебя: обернись! Отзовись...
Мы путями одними ходили с тобой.
Мы не знали, что выпадет —

твердь ли, елань —

Там, где доля манила лилейной рукой,
А недоля тянула кровавую длань.

И рубили засеки, сжигали мосты,
Рать месила ковыль, налетая на рать.
В чистом поле друг другу ломают хребты,
Потому что не в силах друг друга понять.
Солнце чермное к ночи валилось за край,
Ночь слетала и прятала в чёрный рукав
Птичий посвист и лисий отчаянный лай,
И шептание горестно гибнущих трав.
Ты же воздухом вольным со мною дышал,
Мы за чарой сидели с тобой у стола,
Так зачем ты примерил звериный оскал?
Эта скотья личина к тебе приросла!
Ты, как тать, стал гнушаться родным очагом.
Я тебя не могу от беды уберечь.
И каким мне с тобой говорить языком,
Если ты человечью не ведаешь речь?
Вспомни прашуров молвь,

что светла и сладка,

И почувствуй привычный с начала времён
В словах материнского вкус молока
И отцовского молота праведный звон.
Озарится лучами златыми восход,
Встанем рядом, мой брат, и увидим вдали,
Как над вольной равниною птица плывёт,
А внизу серебрятся волной ковыли...

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ¹

В тот год была суровая зима...
Застыл в прожилках льда Вороний камень.
На сотни вёрст — раздроблена, нема -
Лежала Русь, терзаема врагами.

В бараний рог с востока гнул монгол,
Удельных княжеств разжигая распри.
А с запада тевтон по землям шёл,
Славян губил под корень злобный аспид.

¹Битва, произошедшая на льду Чудского озера в субботу 5 апреля 1242 года с участием новгородцев и владимирцев под предводительством князя Александра Невского с одной стороны и войсками Ливонского ордена и Дерптского епископа — с другой.

Но снялся ворон и верша полёт,
Вещал: Услышьте, дети, крик громовый!
То Русь многострадальная зовёт
Сомкнуть щиты у озера Чудского.

Пришли на брань от самых псковских стен
Владимирцы, ижора, новгородцы.
«Довольно, вы топтали наш удел,
Ступайте восвояси, крестоносцы!

Не с вами Бог, Господь оставил вас,
Хоть латы перечёркнуты крестами».
Крестов своих не носят напоказ,
У сердца сохраняют их славяне!

Досель не знали сечи берега,
Отныне ж не отпустится в забвенье,
Как свой удар направив в центр врага,
«Свиньей» ливонцы вгрызлись в ополчение.

Стоять и бить. Стоять и бить! Терпеть!
Варить ливонцев в красной бранной каше,
Чтоб под ногами их разверзлась твердь!
И гнать на лёд лихое племя вражье!

Стояли насмерть смерти вопреки.
И вот, дождавшись княжеского знака,
С боков в «свинью» ударили полки,
Врага сломали ярость и отвага!

А лёд чудской победу довершил,
Бесславных хороня в воде студёной...
И гордо реял, золотом расшит,
Исусов лик на праведных знамёнах.

Святая рать

Довольно, Русь, носила ты оковы,
С востока всякий час ждала беды -
Сошлись полки на поле Куликовом
С туменами мамоевой орды.

Господня лета грозен день сентябрьский:
И брашна не жалели на пиру,
Мешалась молвь славянская с татарской,
Текла руда по травному ковру.

А в Лавре звон протяжный колокольный
В урочный час над маковками плыл.
Там старец Сергей истово поклоны
Бил у икон, молясь, что было сил.

Духовным взором видя сечу битвы,
Он ведал всё в стенах монастыря.
С ним братия стояла на молитве,
Незримый щит для воинов творя.

Плескалось знамя чермно-золотое,
Исуса лик, что вышит был на нём.
На поле брани князь¹ вершил земное,
Как будто раздвигая окоём.

Всё видел Сергей: славу русской стали,
Засадный полк, решающий удар,
И как мечом за Мечу² русы гнали
Разгромленное воинство татар.

Над полем день победный занимался,
Неся по всей земле благую весть.
И свет в глазах подвижника казался
Благословенным отблеском небес.

Белая звезда (февраль 42-го...)

Вчера весь город скрылся
в мгле метельной,

Сегодня тишь и злые холода.
Висит одна над старенькой котельной
В застывшем небе белая звезда.

Как много разных зим она видала,
И, кажется, вот-вот расскажет мне,
О людях твёрже камня и металла
На той, далёкой памятной войне.

О том, как стойко бились наши деды
И шли вперёд, морозам вопреки.
Как шепотом молились на Победу,
Не знавшие молитв политруки.

А стужа бьёт порой верней, чем выстрел.
И холод стал врагу страшней свинца.
И сам февраль, казалось, гнал фашиста
С весёлой злостью справного бойца.

Но до победы так не близко было
Идти вперёд, сражаться, жить и ждать...
Морозной ночью холодно светила
В застывшем небе белая звезда.

Тульский заслон

Война в упор смотрела чёрным дулом,
Зловонным змеем смерть к Москве рвалась,
Но на пути врага заслоном Тула,
Как русский витязь гневно поднялась.

¹ Дмитрий I Иванович (12 октября 1350, Москва — 19 мая 1389), прозванный Донским за победу в Куликовской битве — князь Московский (с 1359) и великий князь Владимирский (с 1363). Причислен к лику святых на Поместном соборе РПЦ в 1988 году.

² Красивая Меча — река в Тульской и Липецкой областях, правый приток Дона.

Её предместья стали рубежами,
От гари лес поник и порыжел.
Дороги оцетинились «ежами»,
Земля покрылась шрамами траншей.

Узнал тевтон народа мощь и силу,
И нрав геройский тульских мастеров.
Здесь каждый дом фашисту стал могилой,
Здесь свято чтится подвиг туляков!

В своём строю особом в День Победы,
Зачислены судьбой в Бессмертный полк,
Плывут по тульским улицам портреты
Ушедших навсегда фронтовиков.

На старых снимках «кубики» в петлицах...
Глаза, в которых свет и тишина...
Вглядишься, потомок юный, в эти лица.
Запомни их простые имена.

Бамада о мальчишке

Безжалостно и дьявольски огромно
Слепое равнодушие тротила...
Затих на долгий миг покой приёмный,
Дыхание у всех перехватило.
Есть вещи пострашнее, чем могила.
О, Господи, за что, уж лучше сразу —
Сжевали чьи-то зубы горечь фразы.
Так много боли яростной, недетской,
Что осознать её не может разум.
Но хочет жить мальчишка из Донецка.

Он плыл в больном тумане белых комнат,
Его врачи кромсали и кроили.
Был мир его разбит, разъят, разомкнут,
Почти в ничто истёрт жестокой силой.
И есть ли тем страданиям мерило?
В мученьях бесконечных перевязок
Сам воздух становился густ и вязок
И болью, как вином пьянил мертвецки,
И тьма из глаз таращилась безглазо.
Но хочет жить мальчишка из Донецка.

Он принял бой — дитя,
чей дух не сломлен.
И Та — во-тьме, бледна и чернокрыла,
Та, что ползла к изножью вероломно,
Сама, вдруг устыдившись, отступила.
Ушла незваной гостьей постылой...
Ещё не знаю я конец рассказа,
Теперь парнишке лучше час от часа:
Он твёрдый, хоть и мал, орешек грецкий.

Пусть время не настало для развязок,
Но хочет жить мальчишка из Донецка.

Держись, народ,
что с Русью кровно связан,
Чья воля крепче стали и алмаза!
Тебя сосед гнобит не по-соседски.
Война терзает жителей Донбасса,
Но хочет жить мальчишка из Донецка!

Милая, я вернусь

Милая, я вернусь...
Там, за далёкой далью,
где и не разглядеть больше любимых лиц,
машет берёза мне ласково и печально,
вижу беззвучный блеск
мирных ещё зарниц...

Милая, не звоню
долгие три недели...
Падает жёлтый лист... Пулей не срезан.
Сам.

Я б на листках писал, вот бы они летели,
словно по волшебству, точно по адресам!

Снова идут дожди.
Осень, ну, что тут скажешь?
Нынче сюжет простой,
мокрой погоды власть.
Милая, подожди, всё,
что сказал, не важно.
Сядем потом с тобой, наговоримся всласть.

Помнишь палатку, бор,
издали густо синий,
спальник и на двоих в небе одну звезду?
Милая, сбереги дочку мою и сына.
Скоро вернусь домой, в школу их отведу.

Где-то в сырых лесах
в землю вгрызалась рота,
кровью своей полив каждую пядь земли.
«Этому повезло.
Братцы, живой, трёхсотый».
— Ты потерпи, братан...
— Дышит?
— Считай, спасли.

Милая, я вернусь...

© Мила АНДАНТЕ, 2025

Старая сказка

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. В АЛЬМАНАХЕ № 2)

Глава 25 «На даче»

Товарищ Хитрицов, едва переступив порог своего роскошного двухэтажного особняка, именуемого в простонародье обкомовской дачей, первым делом подбежал к телефонному аппарату. Дрожащей рукой набрал нужный номер и позвонил Парамону Тарасовичу Рукагрееву. Лучшему и, пожалуй, единственному другу. Он занимал высокий пост в областной администрации, имел большие связи в ЦК.

Так распорядилась судьба, что еще с юных лет шли они плечом к плечу по нелегкой жизненной дороге. Вместе вступали в комсомол, потом в партию. Студентами мечтали о светлом будущем всего народа. О коммунизме. Когда их призвали в ряды Советской армии, попросились на самый тяжелый участок — на границу. Чтобы принять первыми, пусть даже неравный, бой с агрессорами. И, если надо, погибнуть за свою многострадальную Родину как герои, но не сдать врагу. По возвращении в родные пенаты, оба женились. Но и тогда не изменяли идее. Продолжали учиться. Поступили в институт на юридический факультет, окончили с отличием. Много было всего, что нельзя забыть. Северные комсомольские стройки, где сразу же проявили себя как преданные патриоты своей родной коммунистической партии. Всегда брали пример с Павки Корчагина, неоднократно перечитывая книгу «Как закалялась сталь». Сколько было трудностей на пути, чтобы пройти от рядовых чиновников до, казалось бы, не досягаемой, высокой должности секретарей обкома.

И вот, после того как вкратце он объяснил по телефону товарищу Рукагрееву о нехорошей, странной ситуации и услышал в ответ знакомый, чуть хрипловатый баритон: «Боря! Не суетись! Сейчас еду!», молча положил трубку и направился в спальню. Там сменил грязную оборванную одежду хозяина леса, на более привычный спортивный костюм.

Выйдя во двор, дал указание Тимофею надеть рабочую старую робу, что находилась в гараже, и отбыть с Ляксеичем до завтрашнего утра в город, обещая непременно возместить материальный ущерб. А заодно передать рыбу, добытую злодейским путем, его супруге, Варваре Никаноровне. Объяснить ей, что на даче назначена деловая и очень важная встреча.

Когда грузовик отъехал, Борис Степанович взял из холодильника две бутылки коньяка, два бокала и, расстав по карманам закуску: небольшие баночки с икрой и прочими деликатесами, пошел медленным, тяжелым шагом вглубь плодового сада из многолетних яблонь и слив.

Куранты пробили полдень. Сидя в беседке за круглым столом, Хитрицов рассказывал товарищу Рукагрееву обо всем, что с ним произошло этой ночью в лесу. Тот, в свою очередь, внимательно слушал, не перебивая, ведь ради него он примчался по первому сигналу, отложив все дела. Одет был Парамон Тарасович, в голубой спортивный костюм, на широкие сильные плечи наброшена плащ-палатка. Ноги обуты в тяжелых болотных сапогах, а на голове красовалась генеральская фуражка, из под которой выступали густые тяжелые пряди изрядно поседевших волос. Суровое лицо покрыто морщинами. Плотные сжатые губы и нос с небольшой горбинкой подчеркивали полный тревоги и раздумий хищный орлиный взгляд товарища Рукагреева. Его личный шофер, водитель «Волги», пожилой, с широким скуластым лицом и густыми бровями, нехотя прогуливался вдалеке, не желая слушать их разговор, он придерживался старой народной поговорки: «Меньше знаешь — дольше живешь». И как бы ненароком выкатывал ногами из-под кустов опавшие яблоки.

Когда секретарь закончил свою трогательную речь, Парамон Тарасович ловко распечатал одну за другой бутылки и до краев на-

полнил бокалы коньяком. По-дружески подмигнул Хитрицову и осушил свой до дна. Тот последовал его примеру.

— Ну, что ты, Боря?! — усмехнулся Рукагрев, закусывая бутербродом с черной икрой. — Это не КГБ, и даже не Госконтроль и так далее, и тому подобное. По почерку видно, что здесь работали воры или жулики. Но судя по твоему красноречивому описанию, непростые. Начнем с малого: Бес — он же Лютый или Шут — вор-рецидивист. Личность известная. Недавно освобожден. Как видно, взялся за старое. Что же, горбатого только могила исправит. Теперь, Водяной. По всем признакам, похож на одного карманника, он еще на прошлой неделе отбыл срок в не столь отдаленных местах. А вот тот здоровяк, или, как его там называли, Леший, он по моим скромным подсчетам еще лет пять париться должен на лесоповале. Да, кстати, женщина по прозвищу Кикимора — наводчица. В прошлом имела кличку Княгиня. Ох, и вреднющая баба! Ничего святого нет. У ребенка игрушку отберет. Теперь, Яга: мошенница со стажем, каких свет еще не видел. Начинала бурную деятельность, работая в ломбарде, погоняло ее в юности было, скажу — не поверишь, — Снегурочка. Но уже почитай лет пять, как в завязке. Неужели на старости лет за старое взялась? — Растолковывал Парамон Тарасович.

— А вот про Василия что-то не припомню. Тем более со шрамом на щеке. Примета шикарная, но в моей картотеке не значится. Стало быть, залетный, не иначе. Не могу только в толк взять одного... Если даже кто-то каким-то образом бежал, я имею в виду Кикимору и того бугая, то как и где смогли встретиться и создать банду? Друг с другом никаким боком не связаны. Да и стиль преступлений у каждого свой. Но если это так, ежели это мои старые знакомые, тогда можешь не беспокоиться. Скоро найдут и отправят туда, где и должны быть, да еще кое-кому, вдобавок за побег влепят сколько положено, а за новые подвиги — это уже отдельная статья. Мало не покажется. Но это мелочи. Василий, вот кто на сегодняшний день мне интересен. Того гада так просто голыми руками не возьмешь. В нашем городе есть где ему осесть на дно. Знакомых много. Потом ищи ветра в поле. Ну, а старик — не кто иной, как обыкновенный богомолец, не более того, каких, к сожалению,

в нашей стране, еще немало осталось. Ходят, бродят по белому свету, царствие божие проповедуют, то есть, если говорить на нормальном человеческом языке, вешают лапшу на уши чересчур доверчивым да непутевым людям. Деньги у них выклянчивают. Тем и живы. В общем, обыкновенная пропаганда. Жалко только, что нет для них хорошей статьи. А вот каким образом этот старик связан с преступным миром, здесь надо подумать. Ладно, время терпит, и я потерплю. Вернусь с рыбалки, будет чем заняться. Самолично возьмусь за это дело. Но кто же все-таки тот брюнет по кличке Кот? Кто он такой? — Рукагрев тяжело вздохнул и в глубоком раздумье поскреб затылок.

— Парамоша, меня больше всего смутило то, что этот негодяй говорил о законе в недопустимо отвратительной форме. При том призывая всех жить по справедливости, — сказал Хитрицов и на всякий случай боязливо огляделся.

— Боря, о чем ты? Да ты хоть понимаешь, какая будет неразбериха? Полный кошмар. Об этом даже речи идти не может. Вот, к примеру, заранее прошу извинения, что затрону твое больное место, тот случай, когда Никитка и двое его дружков изнасиловали девушку. Самое настоящее преступление, за его надо судить с полной твердостью закона. Надеюсь, никто с этим спорить не будет. Но ведь вместе с ним могла невольно пострадать и твоя репутация. Кто знает, возможно, даже исключили бы из партии, если все это предать огласке. Поверь мне, уж пресса потрудились бы на этот счет. Да и сына жалко, как-никак родная кровь. Наследник. И потому мы с тобой, нашли неплохого адвоката и сумели убедить родителей пострадавшей, не подавать в суд, все решили мирно, не раздували дела, обещая компенсировать материально все злодеяния, сотворенные с их дочерью. Как мне помнится, благодаря твоему усердию они получили трехкомнатную квартиру со всеми удобствами и не где-нибудь, а в центре. Вдобавок ко всему, ты заплатил три тысячи рублей, а это немало, на мебель хватило с лихвой. Да и предки тех отмороzków тоже раскошались, уже точно не помню, по-моему, не меньше чем по полтысячи каждый из них. И вот все довольны и даже, по большому счету, где-то и счастливы. Ну а если жить иначе?! То есть, по справедливости. Тут надо подумать. Начнем с того, что

это была уже не совсем юная девица, у коей юбка выше колен до самой задницы. С пышной грудью нараспашку. Да вдобавок ко всему, с обнаженным пупком и походкой опытной проститутки. Ведь она обольстила и соблазнила молодых парней. Кстати, давно уже не девственница, так как в прошлом разведена. Детей не имеет. Отсюда и все вытекающие последствия. Любой адвокат мог бы с легкостью доказать, что во всем виновата она.

— Парамоша, но ведь этот негодяй призывал, чтобы вообще не было не то что юристов, но даже судей. Все должна, мол, решать потерпевшая сторона. Вот ведь в чем дело. Каков наглец!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Рукагреев. — Тогда значит так: Тебя сняли бы с работы, Никитку и его дружков расстреляли бы. Пострадавшие остались бы жить на том самом месте в двухкомнатной «хрущовке» без денежной компенсации и так далее и тому подобное. Ну и кому, скажи, было бы это выгодно? Правильно, никому! Ну и о чем говорить? Так что, Боря, пока существует закон, неглупым людям жить можно, и неплохо. По закону мы с тобой имеем все, что нам надо, а при справедливости — что будем иметь? Правильно. Фигу с маслом. Так что давай не будем больше затрагивать этот вопрос. Рукагреев разлил остатки начатой бутылки по бокалам и снова, по-дружески подмигнув, предложил выпить. После чего стали закусывать икрой из банок, подцепляя ее черными сухариками, специально привезенными Парамоном Тарасовичем для этого дела.

Хитрицов громко сглотнул и снова обратился к Рукагрееву.

— Слушай, Парамоша, ты говорил, что вроде как они друг с другом не знакомы и прежде никогда не встречались. Я имею в виду тех жуликов. А как же старик-то их знает уже не первый год и по всей видимости, давно с ними дружит? Неувязочка!

Рукагреев перестал жевать и еле слышно пробормотал:

— А ведь, действительно, как же так? Значит, стало быть, это совсем не те, о ком я думаю? Но ты, Боря, положиись во всем на меня. Раз сказал, что разберусь с этим делом, значит все, точка!

— Да разве я что говорю... Страшно мне, Парамоша. Ночами плохо сплю. Кошмарные сны вижу.

— Борис, твоя нерешительность и робость смехотворны. Доверься мне, моей интуиции — и все будет в порядке. Ты ведь в первый раз участвуешь в таком деле. Знаю, нервы сдают. Наберись мужества. Победи страх. Говорю с полной ответственностью, что сработано чисто. Комар носа не подточит. Деньги получили все кто надо, сполна. Бычки пущены на мясо. Так что, успокойся. Не суетись. Кстати, твоя доля тоже в деле. Вспомни, когда служили на Финской границе, что сказал однажды нам с тобой капитан: «Тонет товарищ в болоте или еще где, если нет сил вытащить, так умри вместе с ним, потому что потом жить спокойно не сможешь. Совесть сожрет». Конечно, это было образно сказано, но смысл-то понятен. Вот и говорю, разве я когда-нибудь тебя бросил или предал? И ты не раз выручал меня из беды и, уверен, если что, еще придеешь на помощь, коли потребуется. Вместе и огонь, и воду прошли плечом к плечу. И сейчас, отложив все дела, по первому зову примчался к тебе. Вон, видишь, даже в спешке спортивную кофту наизнанку надел. — Достал из кармана теплых спортивных брюк папиросы, закурил и предложил собеседнику.

Хитрицов с тяжелым вздохом взял одну, основательно размял и закурил.

— И все-таки, Парамоша, на душе моей скверно. Такое ощущение, как будто обобрали свой собственный народ, — с болью произнес Хитрицов. И, крепко затянувшись, бросил окуроч под ноги и со всей силой растер его каблуком.

— Боря, да у нас столько добра каждый день разбазаривается да пропадает, что это, по сравнению с тем, капля в море. И, к большому счастью, есть такие люди даже в Кремле, что прекрасно понимают, дальше так жить нельзя, но сделать пока ничего не могут. — Рукагреев подчеркнул слово «пока».

— Что значит пока? К чему это? — насторожился Борис Степанович. — Помнишь, как когда-то с тобой еще в молодости, вступая в партию, свято клялись служить своему Отечеству и всему трудовому люду, ни за страх, а на совесть, до последней капли крови. Жить и работать по-ленински и вести за собой весь трудовой народ, вперед к коммунизму.

— Хм... — усмехнулся Рукагреев, — скажи честно, сам-то в эти бредни веришь? Ведь, наверняка, такую сказку слышал: «Поди туда —

не знаю куда. Принеси то — не знаю что». Это как раз про нас сказано. То есть, копия того, как мы славно живем и процветаем. Но так дальше существовать невозможно. В трубу вылетим. Идея о каком-то, призрачном счастье, именуемом коммунизм, себя не оправдала. Значит, надо менять строй, и срочно. Да! Не спорю! Много было сделано хорошего, сколько отстроено городов общими усилиями в послевоенные годы, — отрицать не буду. Что есть, то есть. Но пойми, дорогой мой, мы нажили себе столько врагов за время Советской власти, что дальше некуда. Как будто сидим на бочке с порохом, и только зажженную спичку поднеси — вся планета разлетится на кусочки. Потом не соберешь. Нас ненавидит вся Европа. Да что там Европа. Даже наши братские союзные республики считают, что мы захватчики. Вот, например, есть такое народное изречение: «если хочешь заблудиться — езжай в Прибалтику»! А почему? Да потому что ни один литовец или латыш, да, пожалуй и эстонец тоже, ни за что не поможет найти интересующий тебя адрес дома, а то и улицы. Хотя знают наверняка, что и где находится. И будешь блудить, пока случайно не наткнешься на русского, что там с давних пор обосновался и живет. Боря, я тебе говорю это на полном серьезе. Прибалты готовы нас стереть с лица земли. А за что? Сколько им поставляем нашего российского богатства. Газа, нефти и прочего. А сколько вбухиваем денег туда ежегодно, не считая продуктовых деликатесов. А нас ненавидят, ненавидят, ненавидят до визга пороссячьего. Ну и зачем нам, скажи на милость, такие союзники? Другой вопрос, как от них избавиться? Вот что должно в данный момент волновать. Как-то случайно на рыбалке разговорился с одним молодым человеком лет двадцати пяти. Вот послушай, что он мне рассказал: ехал он в поезде Москва—Андижан, в том же купе, находились двое жителей Таджикистана и гражданин из Литвы. В дружеской беседе кто-то завел разговор о собаках. И этот самый литовец привел в пример своего домашнего питомца. Как избалован его пес. Кроме копченой колбасы и то, если только тонко порезанной на мелкие ломтики, ничего есть не будет. Особенно обожает сервелат. И этот паренек, вдруг неожиданно, спросил меня, не знаю ли я, что такое сервела, как он хотя выглядит, из чего

сделан и каков на вкус? Так как там, у своих попутчиков, спросить постеснялся.

— Боря, ты представляешь, наш народ в очередях за ливерной колбасой по часу простаивает, а где-то, не на краю света, а буквально под боком, возле какого-то там Балтийского моря, собак своих деликатесом кормят. И нас же еще захватчиками считают. Ответь, разве это не хамство? Не наглость? Я понимаю твою озабоченность, но должен тебе сказать: когда Россия отделится от всех ненужных ей республик и станет независимым государством — вздохнем свободно, полной грудью. Тогда все граждане нашей многострадальной Родины станут жить в достатке и довольстве. Международная обстановка сразу же поменяется в лучшую сторону. Не будем столько триллионов тратить на вооружение, большая часть денег пойдет на социальные нужды. На медицину, на науку. Наконец-то повысятся пенсии и так далее, и тому подобное. А сколько можно будет построить домов, чтобы молодые семьи получили квартиры. Ты объездил весь Советский Союз, но преимущественно в качестве отдыхающего. И потому, не видел всего, на что довелось насмотреться мне. До самой смерти не хватит сил забыть. Особенно на Западной Украине, где не только ненавидят русских, но и боготворят Бандеру, считают его национальным героем. Убийца, головорез... А у них в большом почете. Вот ведь в чем дело. И мечтают уже с самого раннего возраста о той свободе, что он когда-то предоставил их дедам. Безнаказанно убивать, грабить, насиловать и прочее. И самое главное, этим дебилам тупорылым невозможно объяснить, что все нынешние блага они получили благодаря партизанскому движению и доблестной Красной Армии, которая несмотря ни на что вела ожесточенные бои за наше единое Отечество.

— Парамоша, ты ли мне это говоришь? — дрожащим голосом промолвил Хитрицов, и капельки холодного пота выступили на его пухлом лице. — Да, знаю, что некоторым братским республикам, где процветает национализм и с коммунистической идеей не все благополучно, отдаем самое лучшее. Иначе нельзя. Такая на сегодня политика. Надо крепить дружбу народов. Потому приходится жертвовать многим. А потом, это все-таки наши границы. Мне не хотелось бы,

чтобы там стояли ракеты, нацеленные на нас, и располагались аэродромы НАТО.

— Боря, поверь, никаких ракет не будет, — еле сдерживая себя, чтобы не повысить голос, прохрипел Рукагреев. — Скажу больше: и Америка, и Европа наравне с нами начнут гонку ра-зо-ру-же-ния. Так как не станет врагов. На одной земле живем. Зачем же друг на друга смотреть волками. Это тебе любой ребенок скажет.

Борис Степанович снял с головы панаму и, утирая пот с облысевшей головы, еле слышно пробубнил себе под нос: — Значит, будем искать друга во враге своем. Да, старик, ты, наверное, как в воду глядел.

Но Парамон Тарасович, не слыша этих слов, продолжал разворачивать свою мысль дальше.

— Это нам мозги втирают те, кто сегодня стоит у власти и не хотят расставаться со своими креслами. Вот и кричат во все микрофоны, что Соединенные Штаты спят и видят, как бы нас побыстрее уничтожить, да наше богатство к рукам прибрать. А на самом же деле, за рубежом бояться до смерти, чтобы мы ненароком, не обрушили на них ядерные бомбы и прочее. И, чтобы были уверить их в наших добрых намерениях, надо пойти на кое-какие уступки.

— На какие именно? — испуганно глядя в глаза Рукагрееву, прохрипел Хитрицов.

Парамон Тарасович отбросил потухший окурок и понизил голос до шепота: — Надо ввести многопартийную систему, — и на всякий случай осторожно огляделся. Но кроме личного шофера, что бродил вдалеке под яблонями и с большим аппетитом вкушал опавшие плоды, никого не было, и потому так же спокойно, продолжил дальше: — Так надо, Боря, понимаешь, надо!

— Да ты что, Парамоша? В своем ли уме? — сквозь зубы, процедил Хитрицов, еле сдерживая гнев и ярость. — Да это же конец Советской власти и всему тому, что с таким трудом строили.

— Тише, Боря, тише прошу тебя, — все так же настороженно оглядываясь, пытался успокоить своего собеседника Рукагреев. — Благодаря тому, о чем ты говоришь, еще долго будем лаптем щи хлебать. Ведь только в науке отстаем от Европы лет на сто. Ни одной, приличной бытовой техники у нас до сих пор нет и еще долго не будет. Хотя людей с ученой степенью предостаточно, они не покладая рук

с большим усердием трудятся и на рабочих местах в своих скромных кабинетах, и дома. Кроме того, имеется много юных дарований из народа, они тоже изобретают такое, что просто диву даешься. Но, как ни странно, на их конструктивные мысли, благодаря полусонным, ожиревшим, от тоски и безделья, чинушам, что наглухо засели в своих дохлых департаментах, по какой-нибудь нелепой причине, наложено вето. И что же остается делать нашим молодым талантам? Правильно! Чтобы обратили хоть какое-нибудь внимание на их проблемы, посылают, свои гениальные идеи в журнал «Наука и техника», а его читает весь мир, и все самое лучшее, беспардонно, присваивает себе, а потом, в качестве готовой продукции, продает нам за валюту. Мы на этом поприще теряем около миллиарда долларов ежегодно.

— Зато наше оружие не имеет аналогов ни в одной стране мира, — гордо произнес Борис Степанович, до половины наполняя бокалы коньяком из второй бутылки.

— Вот потому-то нас и не любят, — твердо кивнул Рукагреев, — и если международное положение в ближайшее время не изменится в лучшую сторону, страшно даже подумать, что может произойти. Вероятность третьей мировой войны с каждым годом возрастает. А там победителей, как сам понимаешь, не будет. И кто по кому первым пальнет, предугадать, чрезвычайно сложно. Однако хотим мы того или нет, такие ракеты есть, и не в малом количестве. Рано или поздно, но их приведут в действие. И от этого никуда не денешься. Живем, как на вулкане, и ждем, когда вся наша планета взлетит на воздух! По кусочкам! Помнишь, как когда-то в юности увлекались Чеховым? Насколько он точно сказал: «Если на стене висит ружье, то оно непременно выстрелит».

— А мне больше по душе слова Курчатова, — сказал Хитрицов и сделал несколько небольших глотков из своего бокала. — Когда его спросил какой-то ребенок о Царь-Пушке: «Дядя, а как ты думаешь, сильный ли будет взрыв от ее ядер»? тот ответил, гениальными, на мой взгляд, словами: «Возможно. Но видишь, ли сынок, дело в том, что она так ни разу и не выстрелила». Вероятно, и ядерные бомбы нигде и никогда не взорвутся.

— Безусловно, мне твой оптимизм нравится. И все-таки, Боря, ты должен понять, что

дальше так жить нельзя. И помни о том, что я душу свою открыл тебе. Надеюсь, наш разговор останется между нами, иначе мне конец. И нашей дружбе тоже.

— Это верно, — согласился Хитрицов. — И потому, будь спокоен, не донесу. Знаешь ведь, как и чем мы обязаны друг другу. Не один пуд соли съели вместе. И все-таки, раз коснулись этой темы, хотелось бы знать, как все произойдет и, как можно этому воспрепятствовать.

— Что? Ты хочешь нам помешать? — удивленно усмехнулся Парамон Тарасович.

— Нет! И, представь себе, не буду! Но чтобы сделать правительственный переворот, надо предвидеть все до мелочей.

— А никакого переворота не будет. Все произойдет само собой, — залпом осушив свой бокал, произнес Рукагреев. — Только надо найти такого человека, желательно, не из нашего круга. С длинным языком и с весьма ограниченными организаторскими способностями. Другими словами говоря, остолопа. Чтобы уметь вешать лапшу на уши, и народ поверил бы ему, и пошел за ним. И как только этот олух, провозгласит демократию и гласность, можно будет смело сказать, что революция свершилась. И малой кровью.

— Так что? Кровь все-таки будет? — взволнованно перебил Хитрицов.

— Да, как тебе сказать, — тяжело вздохнул Рукагреев. — Может быть! Ведь за годы Советской власти много чего было напутано и переделано границ. Крым отошел к Украине, никого не спросив. А там наши соотечественники, русский народ. Как он отнесется к тому, чтобы его отделили на вечные веки от Матушки-России? Трудно предположить. И на Карабахе будут проблемы. Захотят ли армяне стать азербайджанцами? Или наоборот. Тоже вопрос. Да и с Грузией не все благополучно, и так далее, и тому подобное. Столько неразберихи, что даже голова кругом идет, когда подумаю об этом. А расхлебывать придется нам. Вольно или невольно, а придется вмешаться и навести порядок, а потом все само собой уладится.

— Парамоша, ты так говоришь, как будто со мной в шахматы играешь. А ведь, это люди! — попытался возразить Хитрицов. — И не думаю, что будет так, как задумано вами. К сожалению, не знаю, какую партию и власть

ты представляешь сегодня, рассказывая о каком-то золотом завтра.

— Со временем узнаешь все, — постукивая зажигалкой о стол пробубнил Парамон Тарасович, — машина пущена, и ничего уже с этим не поделаешь.

— Сказано много, но мне не все понятно. О какой демократии идет речь? — горько покачал головой Борис Степанович. — Ее даже при первобытно общинном строе не было и быть не могло. Люди это наверняка хорошо знают.

— Да, не спорю. Они знают, но народ, а его большинство, даже и не догадывается о том. Да и зачем ему все такое и прочее?! — Рукагреев многозначительно посмотрел на Бориса Степановича.

Тот от неожиданности даже привстал, но внезапно опомнился и, вернулся на свое место.

— Во-от, да-же, ка-ак?! Не ожи-дал.

— Боря, не сердись, лучше выслушай. Человеческому рознь. И не надо хмурить брови. Да, есть такие, что любят думать, не отрицаю, но людей с низким интеллектом все равно большинство, и никуда от этого не денешься. Подумай сам! Разве мало у нас преступников, что сидят в тюрьмах? Это кто, по-твоему? Как их можно назвать? Кто тебя нагло ограбил? Молчишь? То-то. Самые обыкновенные отбросы общества. Я ими, кстати, как только вернусь с рыбалки, займусь обязательно. Для меня это дело чести. И все украденное ими верну непременно. Боря, ты мне веришь? — и не дожидаясь ответа продолжал: — А потом, какая разница! В Европе, да и в Соединенных Штатах живут с этим. И живут, скажу, неплохо. Таких проблем с продовольствием, как у нас у них нет. Выносят на экспорт продукцию, а мы сырье. Менять надо строй, менять однозначно. А главное, всю систему! Если зарубежные заводы сравнить с нашими... — За голову схватишься. Такого бардака не найдешь нигде. Когда достигнем своей цели и все более менее уляжется, постепенно перейдем ко второму этапу.

— Что? Еще будет продолжение? — чуть не вскрикнул Хитрицов.

— А как же, дорогой мой. Ради того и будет разыгран весь этот спектакль.

— Парамоша, ты начинаешь меня пугать. Неужели пойдете туда, откуда пришли? К капитализму!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Парамон Тарасович. — Да, Борис, от тебя трудно что-то скрыть. Однако раз все понял, буду с тобой откровенен. Скажи, чего мы достигли за время советской власти? Конечно, кроме бюрократии, что во всех развитых странах, давным-давно считается недостатком, а у нас достоянием.

— Парамоша, как можно так говорить? Да если не власть Советов, разве мы с тобою сейчас сидели бы в этой беседке? Пили бы коньяк, закусывая икрой и крабами? В лучшем случае, работали бурлаками и тянули бы баржу с углем где-нибудь на Волге. А то и вовсе в печах у Гитлера сгорели бы дотла.

— Да! Но в данный момент не об этом идет речь. Однако согласен. Кого-то она возвысила, а кто-то и унижен был.

— То есть как?

— А вот так! — усмехнулся Рукагреев. — Я знаю одного банщика, у него дед был потомственным дворянином, а внук кому не попадая ноги моет да спины трет. А твой дед, насколько я знаю, работал молотобойцем и пахал на хозяина по двенадцать часов в сутки. А ты дошел до обкома, разве это не так?

— Мне мой чин достался по праву. Я никого не подсиживал и к власти по трупам не шел. Так что, на этот счет, совесть моя чиста, — пробормотал Борис Степанович.

— Извини, Боря, я не хотел тебя обидеть, — попытался оправдаться перед закадычным другом Парамон Тарасович.

Но Хитрицов продолжал: — Благодаря всему советскому народу такую войну выиграли, столькими жизнями заплатили за победу! Ведь, как сам знаешь, воевали не только с фашистской Германией, а со всей Европой, кроме вооружения, она поставляла целые дивизии живой силы, нашим врагам. Несмотря на это, мы не просто выстояли, но и разгромили супостата впух и прах. Плечом к плечу стояли на смерть и русские, и украинцы, и латыши, и армяне, и белорусы, и чеченцы, и многие другие народности. А теперь предлагаешь от них, каким-то образом отделаться! За что? Разве это справедливо? Еще хочу сказать дальше: Ответь, в какой капиталистической стране есть бесплатная медицина? А школы? А институты? Это что? По-твоему, пустяк? Абсолютно каждый человек, вступив в партию, может продвигнуться вплоть до Ц К.

— Вот именно, Боря, как ты сейчас хорошо сказал, пока он не вступит в ряды коммунистической партии, карьеры себе не сделает, и точка. И насчет того, как мы славнo воевали тоже спорить не буду. Но сколько с тех пор воды утекло?! За это время люди другими стали. Да и много чего изменилось, но об этом потом. Давай-ка лучше поговорим о том, как много бездарностей рвутся по партийной линии к власти, из-за чего наше производство на ладан дышит. Ни ума, ни сердца. Я уж не говорю о дисциплине. В то время как за рубежом заводы процветают и двигают цивилизацию на много лет вперед, нам за ними такими темпами не угнаться. На одном рабочем энтузиазме далеко не уедешь. Нужна инженерная мысль. Отделы работают процентов на тридцать, а то и того меньше. Одним словом, полнейший беспорядок. Ну и кто заставит наших чинуш пахать на благо Родины? Правильно, никто! Так как ни один современный начальник не знает, что с какого отдела спросить. Потому что не в курсе их дел. Все пущено на самотек. Вот пример: какие функции должны выполнять, скажем, технологи, которые сидят в своих кабинетах и от тоски и безделья с ума сходят да расценки снижают. Тем самым, между прочим, раздражают трудовые массы. Или же возьматься в каких-то чертежах, создавая видимость, что трудятся. Послушай интересную историю, ее мне рассказал, извини, имя этого человека пока раскрыть не могу.

«Двое наших соотечественников решили эмигрировать в поисках лучшей жизни. То ли в Англию, то ли еще куда.хлопот было много. Сам знаешь, как тяжела бумажная волокита, от наших бюрократов так просто не отделаешься, да не только от них. Наконец добились своего и устроились там на какое-то предприятие инженерами. Один весь месяц просидел в своем кабинете, ничего не предпринимая, ждал когда кто-то к нему придет и скажет, что надо делать, чем заняться. Привык в Советском Союзе жить на дармовщинку. Но никто к нему не заглядывал и работы никакой не предлагал. Так прошел месяц. И вот получил конверт, в нем лежали деньги и маленькая записочка, содержание последней было примерно таким: «Фирма в ваших услугах больше не нуждается» и точка. То есть, говоря нормальным языком, просто был уволен. А тот, другой, его соотечественник, нашел в себе

силы предстать перед очами своего хозяина и задать вопрос: «Что мне делать»? «А вы кто такой»? — Поинтересовался бос. И услышал в ответ: «Я устроился к вам экономистом». «Ну что же, очень хорошо! Да поможет вам Бог! Работайте!» — торжественно произнес он и больше ни единого слова. Тогда этот молодой человек спустился в цех и стал самостоятельно искать себе работу. Долго бродил по участкам, высматривая хоть что-то, что могло заинтересовать его. И вдруг увидел, как какой-то токарь бежит чуть ли не в конец коридора за кругляками, там их грузит на тележку и привозит к своему станку. Прикинул, сколько уходит времени на ходьбу туда и обратно и посоветовал мастеру поставить детали к станку поближе. Мастер поблагодарил молодого специалиста за совет, и работа закипела полным ходом, на новый лад, с большим энтузиазмом. А наш герой пошел дальше воплощать новые идеи в жизнь. Прошло время, и он тоже получил точно такой же конверт с деньгами и запиской: «Фирма благодарит вас за услуги, желаем удачи в ваших начинаниях». Кто знает, может быть тот, наш соотечественник, и по сей день, там живет и трудится на том же месте, на благо чужой, страны. Кстати, наверняка, имеет много всего такого, о чем здесь, на своей Родине, то есть в социалистическом государстве, мечтать не смел, а не то чтоб заикнуться. Это, Боря, никакая ни выдумка, а чистая правда. Факт! А наших остолопов никакая сила не заставит работать в полную мощь, во славу своего Отечества.

— Хм... — усмехнулся Хитрицов, — по-моему, это наивная байка! Не верю я в такую благодать, анекдоты травишь!

— Анекдоты? — Ну сам подумай, во-первых, хозяин вернет все права механику, и тот ревностно станет следить за своим оборудованием. Нет, я не оговорился. Это, будут, как бы его личные станки, он, якобы, их сдает в аренду начальнику цеха, и у него не находится в подчинении, а несет ответственность исключительно только перед директором и главным механиком завода и больше ни перед кем. Также запросто может дать энергетiku указание отключить любой агрегат по первому требованию, если тот неправильно эксплуатируется, то есть, нарушается технологический процесс или того хуже, рабочий находится в нетрезвом состоянии. Сразу все

отделы сбегутся для разрешения любого вопроса, и экономисты в первую очередь. Кто-то должен считать да подсчитывать, сколько времени пустует рабочее место и вовремя доложить об этом непосредственному руководству. Поверь мне на слово, некогда будет лодырям сидеть в своих глухих кабинетах. Все до единого разойдутся по участкам следить за каждой станочной единицей, разве только за исключением редких случаев, когда действительно надо будет воплотить какие-то ценные мысли или идеи на бумаге.

— И снова не верю! Частный хозяин никому ничего не отдаст. Его дело — извлекать прибыль и эксплуатации станков и рабочих. А если выгоднее покажется продать станки на металлолом, а помещения сдать в аренду — он так и сделает, а рабочих своих да и служащих выбросит на улицу... — Хитрицов глубоко вздохнул и печальным взглядом посмотрел на Рукагреева. — А как же Ленин? Парамоша, неужели забыл, что писали об этом Владимир Ильич, Карл Маркс, Энгельс...

— О-о-о, милый мой! Когда это было?! Забудь навсегда...

— Парамоша, как можно спокойно говорить об этом? У меня просто нет слов! По спине мурашки бегают. Надо же что-то делать! Принимать меры!

— Боря, зачем? Пускай народ возмущается, выплескивает наружу недовольство и негодование. Это нам только на руку. Легче будет в будущем, тому, кто встанет у власти, провозгласить свободу слова, и демократию. А потом... Ты к несчастью, так увлекся своим делом, что многое забыл. А между прочим, помнишь, как народ говорит: «собака лает, а ветер носит». Или «Брехучий пес, — не укусит, а вот тот, что молчит — и загрызть может». Так что, пусть говорят... Надо будет организовать такую передачу на телевидении! «Пусть говорят!» Да и хрен с ними! Однако что-то я увлекся и отошел от главного. Короче, этот новоявленный правитель непременно станет ругать нас. Называть удельными князьями и прочее... И пусть, и карты ему в руки. Потому что так надо! А уж когда распадется Советский Союз, наш ставленник постепенно отойдет от всех дел, и на его место придет другой, его-то мы и готовим для такого дела, из нашего круга. И, засучив рукава, будем строить новую Россию, на все времена!

— А ежели не получится? Сам подумай, кто же захочет добровольно оставить такой высокий пост? Тогда как? — дрожащим голосом пробормотал Хитрицов, вытирая со лба и щек холодные капли пота.

— Боря, не паникуй! Захочет — или нет, кто его спросит-то? Он кем будет? Генеральным секретарем ЦК КПСС. Или, проще сказать, правителем Советского Союза. В то время как наш человек займет место президента России. Это же понимать надо! И едва все распадется и рухнет, Генсек останется не у дел. Легко и просто, а, в общем, гениально. Но есть одна небольшая проблема. Как воспримет перестройку молодежь? Не было бы такого недовольства, как в семнадцатом году. Надо будет чем-то ее отвлечь от всего, что будет происходить, на всякий случай.

— Что? Неужели наркотики? — чуть не вскрикнул Хитрицов.

— Ну что ты, Борис, успокойся! Думаю, до этого не дойдет. Но над деталями придется еще поработать. Самое главное, Россия освободится от ига, наконец-то станет свободной, самостоятельной и начнет возрождаться в величайшую страну в мире.

— Парамоша, и все-таки, меня угнетает, что бросим на произвол судьбы братские республики. Ведь с ними плечом к плечу наши отцы и деды выиграли такую войну! Пропадут без нашей поддержки. Пропадут. Или страны НАТО их завоюют.

— Ха-ха-ха! — разразился громким смехом Парамон Тарасович. — На этот счет будь абсолютно спокоен, так как не мы от них, а они от нас отсоединяться начнут. Сколько можно говорить об этом? Если наши братья в кавычках считают русский народ своими захватчиками, то о чем можно вести какой-нибудь диалог с ними? Кстати, агрессорами и прочими нехорошими людьми, для этих хамов мы останемся на долгие годы, а то и на века. И все свои будущие, неудачи они будут продолжать списывать на наш счет. А что, между прочим, очень удобно. И потому абсолютно во всех грехах останемся виноватыми только мы и никто больше. А что хуже россиян во всем Советском Союзе никто не жил и до сель не живет, дармоедам до лампочки, ты никогда не объяснишь, к примеру, прибалтам, которые вчерашними сосисками брезгуют. Покупают исключительно свежие, да еще наглым обра-

зом рассматривают, морщатся, морды воротят. В то время как наши соотечественники любой колбасе и трехдневной давности рады. А вот в западном Казахстан, вряд ли найдешь семью, где не было бы осетрины или даже черной икры. А здесь, в центре России, дети просто не знают о ее существовании.

— Парамоша, как же это может быть такое? Откуда у казахов эдакие харчи?

— Откуда, откуда! — Пробурчал Рукагрев. — Да все оттуда же! Из нашего Урала.

— Так что? Неужели там все поголовно браконьеры? Надо же с этим как-то бороться! Самых злостных нарушителей арестовывать! Судить!

— Боря, не будь наивным. Все меры принимаются в полном объеме. Работает и рыбнадзор, и милиция. На каждой дороге стоит надежный патруль.

— Но значит этого не достаточно.

— Ну да, конечно, надо туда еще подтянуть войска, — усмехнулся Парамон Тарасович. — Эх, Борис, Борис, не о том я речь веду. Ты когда-нибудь там был? Конечно же, скажешь, отдыхал. А я работал. Ну и естественно, между делом и рыбалкой занимался. Ох, сколько же там рыбы... Сомов, лещей, язей, жерехов. Не говоря об осетровых. А почему? Видел, какая в той реке вода? Только ее и пьют. Ведь ни родников, ни колодцев нет. И ежели, не дай Бог, в нее какая-нибудь отравка попадет, все деревни в округе вымрут. Потому-то туда канализацию не сливают даже через очистные. Выброс идет строго по трубам в степь. А там уж все перегнивает, и шито, крыто. Зато у нас в какой водоем ни глянь, не то что верхоплавка, даже и ерш керосином пахнет.

— Парамоша, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Боря, как же так? Ведь мы с тобой интеллигентные, умные люди. Битый час растолковываю, что когда даже у самой незначительной речушки, ручейка, поля, луга, леса, одним словом, у каждого клочка земли, будет стоять хозяин, он не позволит ни под каким предлогом тому или иному заводу или фабрике, делать выбросы и тем самым наносить вред своим угодьям, и тогда мы не только себя, но и весь мир накормим досыта. Завалим экологически чистой продукцией весь шар земной. Одни носы наружу торчать будут. Не станем больше продавать за рубеж сырые. Сами нач-

нем изготавливать и мебель, и автомобили и прочее. Какие в будущем перспективы ждут нас! От одной такой мысли голова начинает болеть. Такие времена настанут. Политиков к власти и на пушечный выстрел не допустим. Нашему примеру последуют и другие развитые страны. Войны прекратятся. Править государством придут хозяйственники, и вместо ядерных ракет, бомб, снарядов, начнем строить космические корабли. И наконец-то полетим к звездам, открывать иные миры, обитаемые и не заселенные пока еще ни кем планеты, как когда-то мореходы плыли к островам, а то и к целым континентам. Но для такого будущего нам надо сейчас отсюда угоднo выискивать деньги. Вот потому-то и пригодились бычки, царство им небесное. Но этого, конечно же, ничтожно мало. Ничего, ничего еще что-нибудь придумаем. А то как бы нас не опередили никчемные бездары. Ведь все в будущем, чтобы приобрести собственность, денег стоит.

— Парамоша, несмотря на то, что люблю тебя как брата, прошу, откажитесь от этой затеи. Твой собственник землю продаст под какие угодно нужды, хоть под ядерную свалку, если ему хорошо заплатят. То же и с очистными сооружениями! На хрена они ему? На его век хватит, а там, хоть трава не расти. Заработает на продаже той же земли и уедет куда-нибудь в Англию, и плевать ему на Россию. И на весь русский народ. Подзабыл ты политэкономию. Да и международные отношения надо учитывать.

— Боря, успокойся! И послы, и консулы останутся, и все прочие. Только несколько другие люди займут их места. С иным понятием об истинной дружбе народов. Миллионы людей могут легко поладить друг с другом и жить в полном согласии. Тогда как два политика не договорятся между собой никогда. Потому что это их непосредственная работа, им за это деньги платят и немалые. Представь себе, если нет ни войн, ни террора и прочих конфликтов, то зачем нужны они? Это прекрасно понятно всем. И чтобы остаться в своих креслах, под вымышленный ими лозунг, «Вы без нас не обойдетесь», продолжают подливать масло в огонь.

— Мда-а-а, — протянул Хитрицов. — Стало быть, все это задумано, лишь для того, чтобы запустить звездолеты? А не для того, чтобы

карманы набить, а народ в нищете оставить? Неужели, ты и вправду, веришь, что где-то там на краю Вселенной, существует такая же жизнь, как и у нас?

— Нет, Борис! Не думаю, а знаю! Но об этом мы с тобой поговорим как-нибудь в другой раз, когда вернусь с Волги. Да, кстати, твоя дочь в следующую субботу замуж выходит? Стало быть, вернусь в пятницу... И не с пустыми руками! И еще вопрос: где решил свадьбу сыграть?

— Как это где? Я разве не говорил? В ресторане «Дружба»!

— А-а-а, понятно. Буду обязательно. Как раз свежего балычка привезу и икорки. Жди! Жаль, конечно, что со мной не едешь. Вдвоем интересней было бы. Хотя, понимаю, дел у тебя будет невпроворот, — сказал Рукагреев. Неожиданно он полез в карман плаща и с облегченным вздохом достал кожаное портмоне. — Фу, думал, в спешке забыл. Да, еще хотел спросить вот о чем... Ты что-то там говорил о каком-то Домовом, что, якобы, подлец, делает поддельные документы жуликам и прочей шушере. А поточнее не мог бы описать черты лица, рост, привычки и так далее?

— А как? Его же среди них не было.

— Ах, да, да, да, — ладно, вернусь, разберемся. Всех возьмем. Некуда им деться. — Парамон Тарасович дружески подмигнул Хитрицову.

Тот посмотрел на своего закадычного друга печальным взглядом и дрожащим голосом чуть слышно прошептал: — Парамоша, умоляю тебя. Заклинаю, всем дорогим, что у нас осталось, нашим товариществом. Отступись. Отрекись пока не поздно. Уходи оттуда, под любым предлогом. Погубишь себя. Разоблачат ваше тайное общество. Всех арестуют, да и меня, за пособничество. За правительственный переворот высшая мера. И не поглядят, на наши прошлые заслуги перед Отечеством.

— Ну, Борис, до сегодняшнего дня, не знал, что ты такой паникер. Сколько можно твердить одно и то же... Никаких баррикад не будет. Восстания тоже. Могу поклясться, чем угодно. Все произойдет постепенно, само собой. Никто ничего не заподозрит. Он спокойно взойдет на трибуну, тот, кого выдвинем на эту роль. И просто, чисто по-человечески скажет: «Товарищи, так дальше жить нельзя». И прочее, и тому подобное. Голову на отсечение даю, последуют бурные аплодисменты. На-

род устал от громких лозунгов «Вперед к коммунизму» и всякого такого, в этом роде, доведен до отчаянья, пойдет за кем угодно, только бы побыстрее избавиться от нас, кровососов, да переломать нам, окаянным, хребты. И не надо смотреть на меня так, словно я плюнул в твою историческую личность. Весь рабочий люд нас ненавидит. Это, Боря, правда и никуда от нее не денешься. Ты с нами или нет?

— Подожди, — еле сдерживая себя, чтобы не вскрикнуть, прохрипел Хитрицов, нервозно потирая лоб, — дай подумать.

— А я не тороплю! До следующей пятницы времени предостаточно. — Рукагреев неотступно продолжал следить своим орлиным взглядом за шофером, который не слышал их чрезвычайно секретный разговор и все так же прогуливался по саду, вдали от беседки и ел опавшие яблоки, предварительно обтирая каждый плод то о коричневый рукав, поношенной кожаной куртки, то о брюки, заправленные в голенища сапог.

После недолгой паузы Парамон Тарасович резко встал и обменявшись крепким мужским рукопожатием со своим закадычным другом, добавил: — Помни, Борис, в какую тайну тебя посвятил! Она многого стоит! За ней будущее России. И, бодро подмигнув, неторопливо пошел по дорожке к черной «Волге», что стояла напротив железных ворот. Водитель последовал за ним, по пути, набивая карманы брюк румяными плодами штрифеля и мельбы.

— Не провожай меня, не надо! — не оглядываясь, сказал Рукагреев и скрылся среди размашистых ветвей многолетних плодовых деревьев. Через несколько минут послышался скрежет металлических ворот и гул мотора. И снова наступила тишина.

— Уехал! — подумал Борис Степанович.

Он даже представить себе не мог, что однажды доживет до такого дня, когда придется выбирать между солнечной мечтой о коммунизме и единственным другом. И тут, неожиданно, как из тумана, всплыло далекое, беззаботное детство и он отчетливо увидел многолюдный барак, где однажды родился. Соседей, суетливо проходивших мимо. Маму в стареньком ватнике с русой косой, обмотанной вокруг головы, защемленной в нескольких местах заколками... Она пекла на старом закопченном примусе блины на масленицу. Он вспомнил ее серые глаза и тот момент, когда она ему улыб-

нулась и показались ямочки на щеках. Бабушку, что сидела на деревянном табурете возле него в длинном сиреновом сарафане и вязала ему носки, постукивая спицами, между делом поправляя платок на изрядно поседевшей голове. Укутанная в черную шаль, из-под очков наблюдала, как он сидел за небольшим кухонным столом и делал уроки. Это она учила его, что надо быть всегда правдивым и честным, и что-то еще, о чем надо было помнить всегда, а он забыл. И только сейчас перед ним предстала картина прошлого. Вспомнил секретарь, как шел на демонстрацию, вспомнил твердый полный отваги и мужества голос отца. Карие глаза. Суховатое обветренное лицо. На впалых щетинистых щеках слезы радости.

«Смотри, Боря!» — говорил он, одетый в гимнастерку, поправляя буденовку на голове, и указывал на нескончаемые шеренги людей, шедшие со знаменами, транспарантами и агитационными плакатами, призывавшими продолжить дело Ленина.

«Как все счастливы! В какой другой стране встретишь столько теплых, радостных лиц? Ради всего этого, что видишь вокруг, миллионы людей отдали свои жизни. Дед твой и двое моих братьев погибли в гражданскую войну за благополучие всего трудового народа, чтобы ты и тебе подобные могли свободно дышать. Учиться, работать на благо своего Отечества. И все благодаря советской власти. Нет ничего прекрасней социализма. Помни об этом, Борис! Гордись, что живешь не в Америке, не в Англии, где из года в год процветает капитализм на костях трудового народа, по улицам бродят толпы безработных, а в советском союзе, где все равны. Слава труженикам сел и деревень, заводов и фабрик. Мы все, полноправные хозяева, своего огромного многонационального государства. И никакие враги нам не страшны. Здесь нет больше рабства. Ура! Ура! Ура!»

Как же он мог такое запомнить? Вспомнил, как отец уходил на фронт. И сидя за столом рядом с ним, говорил:

«Боря, я ухожу на войну! Когда вернусь, — не знаю. Береги мать и себя. Учись, сынок! Будь сильным! На свете много умных людей, а мудрых единицы. И потому стань мудрым! Педагоги ставят тебя в пример другим, но ты, гляди, не вознось высоко, оттуда больней падать. Возможно, в скором будущем,

окончив школу, поступишь в институт, затем придет время — и встанешь в ряды нашей коммунистической партии, и, может быть, впоследствии займешь руководящую должность. Потому, говорю, не забывай о людях. Живи и работай так, чтобы в первую очередь было им хорошо. И помни одну простую истину: они такие же, как и ты, им тоже бывает больно, как и тебе. Иди всегда вперед. В общем, трудись так, чтобы не попасть под народный гнев и проклятия. А мне, я считаю, выпала великая честь сражаться за счастье всего человечества и, если надо, то и погибнуть за Родину, за партию, за дело Ильича. Ежели не вернусь, продолжи мой незаконченный путь в строительстве коммунизма. Это единственная просьба, ты обязан ее выполнить. Не профукай то, что нам с таким трудом досталось».

Это были последние слова отца. Секретарь вспомнил все, его широкие сильные плечи и то, как поправляя за плечом котомку, отец оглянулся и, мягко улыбаясь, в последний раз нежно посмотрел на него. Пригладив темные волосы, надел офицерскую фуражку и осторожно вышел, тихонько прикрыв за собой дверь. Машина ждала его во дворе. С матерью и бабушкой он прощался на улице. Был слышен женский плач и рев отъезжающего грузовика. И снова тишина.

Через несколько месяцев почтальон принес похоронку. Помнит, как мама взяла небольшой конверт и распечатала его. Со слезами на глазах стала читать: «Ваш муж гвардии капитан Хитрицов Степан Иванович пал смертью храбрых в бою за город Смоленск». И вдруг опять всплыли короткие мгновения из прошлого, когда отец смотрел ему в глаза суровым, каким-то неласковым взглядом, под последние негромкие слова: «Боря, не запятнай нашей фамилии. Крови, пролитой твоим дедом, что так мечтал о внуке и не дожил до этого светлого дня».

Как же он посмел забыть?

— Да, — охрипшим голосом произнес Борис Степанович, — такое могло случиться только от чрезмерной сытости да благополучия. Зачем, зачем согласился провернуть эту аферу с бычками?

И снова погрузился в раздумье.

Ах, да, Парамоша! Если бы не он... Да никакая на свете сила не сумела бы соблазнить и толкнуть его на это страшное преступление.

И тут, неожиданно ему в голову, пришла другая мысль: «А вдруг разоблачат их тайное общество. Тогда на скамью подсудимых, сядет и его толстый зад, а люди будут показывать пальцем в его сторону. Негодяй! Расхититель государственного имущества. Тогда не избежать проклятия народа, о чем предупреждал отец, уходя на фронт. А если не разоблачат? Если им удастся осуществить задуманное — какие несчастья обрушатся на страну! Ведь ради наживы новые хозяева будут разорять заводы и фабрики, выбросят на улицу миллионы рабочих, шахтеров, инженеров... А что будет с землей, с колхозниками? Как же быть? Пойти самому в беспощадно карающие органы и во всем признаться? Да ведь эти органы, их руководство там, на самом верху, все это и задумало! Нет! И еще раз, нет! Это, выше всяческих сил, заложить голову товарища взамен на свою. Неужели безвыходное положение?

И вдруг он вспомнил, как обещал Парамону унести эту страшную тайну в могилу, но друга не выдать.

— Да, чему быть, того не миновать.

Борис Степанович встал и, чуть покачиваясь, направился к даче. Через несколько минут вышел, держа блокнот, авторучку, два конверта и целую упаковку снотворных пилюль. Войдя в беседку, сел на прежнее место. Без малейшего колебания высыпал таблетки в стакан и наполнил его до краев коньяком из второй, не допитой, бутылки. Затем вырвал из блокнота два чистых листа и начал писать:

«Здравствуй, моя дорогая и единственно-неповторимая Варенька! Я ухожу из этой жизни по собственной воле, прошу никого не винить в моей смерти. Когда выйдет из больницы Никита, передай ему последнюю мою просьбу, чтобы больше никогда не употреблял наркотики, а нашел бы поскорее подругу жизни и женился. Может быть, внуки будут мудрее нас. Наверное, я был плохим отцом и мужем, раз так все нехорошо сложилось. Слишком мало уделял вам внимания. Все старался всеми правдами и неправдами сохранить этот строй, прокладывая путь к коммунизму. Ведь страшно подумать, как мы неправильно жили. Вспомни, когда в последний раз с тобой ходили в кино или в театр? В теплой семейной обстановке пили из блюдца чай с клубничным вареньем? Очень не хотелось бы своей гибелью омрачать свадьбу Зоеньке. Но ничего

не поделаешь. Так надо. Все зашло слишком далеко. Пусть распишутся молодые, как задумано ими, и пируют, чтобы горе сменилось радостью. Такова моя последняя воля. Пусть будут счастливы и за себя, и за нас с тобою. Не повторяют моих ошибок. Варенька! Голубка моя! Если можешь, прости, что делаю тебе больно! Но всего рассказать не могу, да и не имею права. Если какие трудности образуются на твоём жизненном пути, обращайся к Парамоше к моему лучшему и, пожалуй, единственному другу запросто, без всяких церемоний, он поможет. Письмо никому не показывай, чтобы не вызвать не хорошее подозрение со стороны.

Твой любящий муж Борис.»

Закончив письмо, аккуратно вложил его в конверт и стал медленно выводить строгими печатными буквами:

«Варварушке Никоноровне Хитрицовой».

После недолгих раздумий на другом листке написал:

«Дорогой друг Парамоша! Здравствуй и прощай!

Когда будешь читать это послание, меня уже не будет в живых. Я уйду из нашего мира также тихо, как и вошел в него. Все, ради чего жил и работал, по твоим соображениям, оказалось химерой. Может быть, ты и прав! Будущее покажет. Но меня терзает совесть, что не смог продолжить дело отца и подобных ему. Не сдержал клятву, несмотря ни на какие трудности и преграды, продолжать задуманное нашим вождём Владимиром Ильичом Лениным до победного конца, не жалея ни сил, ни здоровья. Но и твою мечту и идею о новой России не приемлю ни разумом, ни сердцем. В эти последние роковые минуты жизни, прошу только об одном, не оставь семью. Кроме тебя, мне обратиться больше не к кому. Знакомых много, но вряд ли кому в голову придет мысль позаботиться о моих близких. И все-таки, Парамоша, перед тобой сдержал слово, уношу ту страшную тайну с собой в могилу.

Твой преданный друг... Борис Хитрицов»

И так же вложив послание в другой конверт, чуть дрожащей рукой вывел на нем:

«Парамону Тарасовичу Рукагрееву».

Затем, взял бокал с коньяком, там уже растворялось снотворное. Секретарь в последний

раз посмотрел на выпуклые белые облака, что как будто на миг остановились над ним, не понимая, о чем его печаль, ведь жизнь так прекрасна.

«Батя прости!» — вскрикнул Хитрицов.

И опять перед ним ясно всплыло прошлое. Когда окончил институт, женился, через несколько дней был призван в ряды Советской армии вместе с закадычным другом Парамоном. Хотя без особых хлопот мог бы получить бронь, что обещал ему предоставить дядя, родной брат матери, он работал в обкоме, но по просьбе товарища, Рукагреева, да и по велению своего сердца отказался. Так же вспомнил и письмо Варвары, его молодой супруги, где она объявила ему, что он стал отцом. Родилась дочь Зоя. И многое, многое другое предстало перед ним. Произнес последние слова: «Батя, прости», — заснул крепким, беспробудным сном.

Его труп обнаружат только под утро, когда приедут Тимофей с Ляксеичем.

Но об этом происшествии не будет знать ни Игнатий, что уже отстоял службу, вышел из церкви и продолжал свой путь к автобусной остановке с твердым намерением, посетить Лыковых, так как дал честное слово быть у них не позднее восемнадцати часов. Ни Леший, ни Баба-Яга, ни Водяной, ни бес, ни Кикимора, что сидели за круглым столом у Домового и внимательно слушали его наставления, как надо вести себя среди людей, чтобы не быть белыми воронами, и пили из блюдец чай с вишневым варением. Ни Кот Василий. Он, как и прежде, величаво, уходил по своим неотложным делам, но твердо обещал однажды вернуться. Может быть, кажется, наверное, когда-нибудь.

Конец

© Петр АСЦЕСЕРОВ, 2025

В. А. БОГОМОЛОВ

На переломе двух веков

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ПОЗВАЛ ВНОВЬ. ГЛАВА ИЗ КНИГИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ПОЗВАЛ ВНОВЬ

Сразу же после свадьбы я пошел в военкомат и, сказав, что женился, попросил их выдать на Татьяну проездные документы до Хабаровска, как жене офицера. Сотрудники военкомата сказали, что у них по этому поводу нет никаких инструкций и порекомендовали обратиться с данной просьбой в штаб Дальневосточного военного округа, и, если оттуда придет положительное заключение, то они оформят проездные документы жене. Я так и сделал, написал письмо в Хабаровск, обосновав свою просьбу тем, что мы только что поженились, что супруга имеет среднее медицинское образование и готова работать медсестрой в одной из войсковых частей гарнизона. Буквально через неделю меня пригласили в военкомат и, сказав, что из штаба округа пришел положительный ответ, выписали на Татьяну соответствующие проездные документы. Это было существенное подспорье к нашему скромному бюджету.

Нужно сказать, что о призыве в армию было объявлено порядка десяти студентам нашего курса. Но когда дело дошло до конкретной отправки в войска, то осталось только двое: я и мой товарищ по учебной группе Анатолий Рыбкин. Остальные ребята сразу же стали больными, немощными и, каким-то образом, избежали призыва. А. Рыбкин тоже был женат, и я рассказал ему о ситуации с проездными документами для супруги. Но он сказал, что никуда обращаться не будет и возьмет билет жене на свои деньги. Через несколько дней мы приобрели билеты на один поезд в одно купе, чтобы вместе ехать до Хабаровска. По совету родителей мы решили часть вещей отправить багажом. Сколотили ящик, упа-

ковали туда постельные принадлежности, тазик, чайник, утюг и т. д. Поскольку точного адреса мы не знали, то адресовали багаж в город Хабаровск до востребования, в надежде на то, что потом этот багаж как-нибудь разыщем. Все было готово к отъезду и 29 сентября 1968 года, попрощавшись с родителями и близкими, смахнув слезы с глаз женщин, мы покинули Новомосковск с надеждой на удачу и благополучие на новом этапе жизни.

Следует отметить, что обстановка на Дальнем Востоке в этот период была крайне напряженная. По ряду причин Советско-Китайский альянс, начавшийся с подписания 14 февраля 1950 года нового советско-китайского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, в конце 1950-х годов начал ослабевать. По сути, обострение отношений началось в 1957 году, когда Мао Цзэдун не согласился с развенчанием в Советском Союзе «культ личности». Это резко изменило ситуацию на границах Приморья и Приамурья. В августе 1960 года Советский Союз прекратил оказывать экономическую помощь Китаю. Еще в 1962 году начались и с каждым годом учащались пограничные конфликты, маоистский Китай пытался в одностороннем порядке исправить Дальневосточную границу в свою пользу. С усилением раскола обе стороны направили свои войска к общей границе. С 1964 по 1968 годы на границе произошло около четырех тысяч инцидентов. В марте 1966 года разрыв некогда союзных отношений оформился окончательно и открыто. Коммунистическая партия Китая официально отказалась от приглашения в Москву на очередной съезд КПСС. Фактически, СССР оказался в состоянии «холодной войны» не только с США и НАТО, но и с социалистическим Китаем. Наша страна создавала на

Дальнем Востоке очень мощную военную группировку. Целые соединения и отдельные части перебрасывались с центральных районов страны на Дальний Восток. Зачастую они размещались в неподготовленных местах в чистом поле в палаточных городках. Практически в каждом населенном пункте стояли войсковые части.

И вот я уже в четвертый раз в жизни пересекаю всю страну с запада на восток на поезде сообщением Москва-Владивосток на встречу новым испытаниям. Мы были молоды, полны сил и энергии, поэтому никакого неудобства или тревоги от путешествия не испытывали. В поездках на поездах очень люблю смотреть в окно на мелькающие станции, поля, леса и перелески, особенно когда поезд проезжает крупные города. Если это происходит в ночное время, то обязательно просыпаюсь и всматриваюсь в ночные улицы и освещенные вокзалы. На остановках мы закупали у женщин вареную картошку и другие продукты. В ходе поездки Анатолий Рыбкин частенько ссорился со своей супругой, которая пару раз грозилась сойти с поезда и вернуться назад. Но мы с Татьяной, как могли, гасили эти раздоры, и через неделю благополучно в полном составе доехали до Хабаровска.

Сойдя с поезда, мы первым делом отправились в городскую баню. Смыв дорожную пыль, перекусили в какой-то пельменной и отправились в штаб округа. Оставив жен в приемной, где выписывали пропуска, мы с Анатолием направились в отдел кадров. К нашему удивлению, нас там совсем не ждали. Беседовавший с нами офицер заявил, что мы приехали слишком поздно, и все вакантные должности, включая Камчатку, Сахалин и Курильские острова, уже давно укомплектованы. В ответ мы попросили офицера отправить нас назад в распоряжение Московского военного округа. Тот категорично замахал руками. Тут мы заявили, что приехали с женами, и это окончательно лишило его дара речи. Он стал нам выговаривать, зачем мы это сделали, ведь нас могут отправить на длительные сборы с проживанием в палатках в полевом лагере, и что мы в этой ситуации будем делать с женами. Я опять его озадачил, сказав, что

у меня есть разрешение штаба округа на приезд к месту службы с супругой. В конце концов было принято решение направить нас в Уссурийск в штаб 5-й общевойсковой армии в надежде, что там нам предложат соответствующие должности в конкретных войсковых частях, в которых нас поставят на довольствие, выплатят денежное содержание и командируют опять в Хабаровск для прохождения месячных сборов в батальоне химической защиты.

Одновременно, нам посоветовали перед отъездом в Уссурийск снять временное жилье в районе дислокации батальона, оставив там жен, а затем, вернувшись через два-три дня, проживать там до окончания сборов. Мы так и сделали, поехали в расположение батальона и сняли в частном секторе жилье. Вечером этого же дня мы с Анатолием выехали в Уссурийск. Перед отъездом я решил познакомить Татьяну с моим другом Валерием Борисенко, который два года назад закончил Тульский политехнический институт и по распределению работал вместе с женой преподавателями в Хабаровском политехническом институте. Проживали они в семейном общежитии института. Я очень переживал, что Татьяна на несколько дней останется одна в незнакомом городе практически без денег, так как у нас их осталось буквально на два-три дня, а знакомство с семьей Борисенко позволит ей чувствовать себя не одинокой и более уверенной. Ситуация усугублялась еще и тем, что никакой связи в то время не было. Мы поехали в институт, встретились там с Валерием и его женой, попили чайку, и ребята пообещали присмотреть за Татьяной и в случае чего, оказать поддержку. Я несколько успокоился, проводил Татьяну до места проживания, оставил ей на всякий случай координаты штаба армии и отправился на вокзал.

На другой день мы с Анатолием прибыли в Уссурийск и поспешили в штаб 5-й армии. В отделе кадров нам вновь не обрадовались. Офицеры отдела долго звонили по разным адресам и, судя по их реакции, все безрезультатно. Наконец, они махнули рукой и сказали, что один из нас поедет в поселок Смоляниново Шкотовского рай-

она в 40-ю мотострелковую дивизию, а другой — в поселок Пограничный в танковую дивизию. Тут у меня екнуло сердце — ведь в 40-й дивизии служил мой отец, там я пошел в школу, вступил в пионеры и в 1954 году оттуда уехал в Подмосковье. Подняв руку, попросил направить меня в 40-ю мотострелковую дивизию. Возражений ни у кого не было, и я поехал в Смоляниново. Мы попрощались с Анатолием Рыбкиным и встретились вновь только через два года в Новомосковске.

На электричке доехал до Владивостока, там пересел на другую, идущую до Находки и через полтора часа сошел на станции Смоляниново. Это было невероятно, чтобы через много лет проехать восемь тысяч километров и вновь оказаться в местах своего детства, в гарнизоне, в котором служил отец. Такое бывает только во сне. Когда написал письмо родителям, то отец долго не мог поверить, что я вновь в Смоляниново. Военный городок размещался на некотором удалении от станции. Гарнизон был довольно крупный, в нем размещались штаб дивизии, мотострелковый, танковый и артиллерийский полки, ракетный, реактивный и противотанковый дивизионы, саперный батальон, батальон связи, ремонтно-восстановительный, автомобильный и медико-санитарный батальоны, рота химической защиты и другие мелкие подразделения. Остальные части дивизии дислоцировались в поселке Шкотово и в городе Уссурийске.

Первым делом пришел в штаб дивизии, в отделе кадров доложил о своем прибытии, где, как и в других штабах, взялись за голову. После долгих раздумий, куда же меня определить, одного из офицеров осенило. Он воскликнул: «Есть свободная должность на дивизионном артиллерийском складе, там как раз нужно разворачивать пункт по разборке и проверке артиллерийских выстрелов и ручных гранат». Подумал, что только этого мне и не хватало, ведь в артиллерийских боеприпасах я ничего не смыслил. В это время я заметил, что сидевшая в углу кабинета за пишущей машинкой женщина, кивает мне головой, мол, соглашайся. Я подумал, что женщина не будет советовать плохого и согласился на

сделанное мне предложение. Дивизионный артиллерийский склад входил в структуру службы ракетно-артиллерийского вооружения соединения, туда меня и направили. Зайдя в кабинет начальника службы подполковника Калмыкова, доложил о своем прибытии. Он стал расспрашивать меня откуда я прибыл, какое училище закончил. Узнав, что я окончил военную кафедру при гражданском институте по специальности командир взвода химических войск, он покачал головой и задал очередной вопрос о том, какие виды боеприпасов я знаю. Я ответил, что они бывают фугасные, осколочные, кумулятивные, подкалиберные и т. д. Он остановил меня и в шутилой форме сказал, что с такими знаниями я, безусловно, справлюсь с работой и отдал распоряжение об оформлении меня на должность начальника артиллерийского склада имущества «НЗ». Я сказал ему, что мне нужно срочно вернуться в Хабаровск в батальон химической защиты для прохождения сборов, и там меня ждет жена. В ответ он сказал, чтобы я забыл про химические войска, отныне я артиллерист-пиротехник и поеду на сборы артиллеристов в город Уссурийск, которые, правда, уже идут в полном разгаре, но пару недель я застану. Что касается жены, то он распорядился оформить мне отпуск на пару дней, чтобы я смог съездить в Хабаровск и забрать ее оттуда. Тут же решился и вопрос с жильем. Мне было предложено занять одну комнату в двухкомнатной квартире в двухэтажном доме. Другую комнату занимал капитан из этой же службы, который в данный момент находился в госпитале и готовился к увольнению в запас в ближайшее время. Вскоре капитан уехал, и нам с Татьяной выделили всю квартиру. Это было хорошим решением вопроса, хотя квартира была без удобств. На кухне и в большой комнате были печки, туалет на улице, вода в колонке тоже на улице. Впереди нас ожидало занятие офицерским пятиборьем: вода, помой, дрова, уголь, зола. Дальнейшее вступление в должность пошло не по плану. На вещевом складе не оказалось некоторых комплектов формы нужного размера, пришлось ждать несколько дней. Но это было полбеды: главное,

что в финансовой части не было денег, и я не мог выехать в Хабаровск. Я весь был на нервах, представляя, каково там Татьяна. И только через неделю, получив деньги, отбыл в Хабаровск.

Приехав на место проживания Татьяны, я ее там не застал. Хозяйка сказала, что на второй день приехал какой-то парень на такси, и Татьяна уехала с ним, расплатившись за одни сутки проживания. Я догадался, что это был Валерий Борисенко. Поехал к ним в институт, но на месте никого не было. Отправился на трамвайную остановку, в это время подошел трамвай, из которого вышла Татьяна. Увидев меня, она со слезами бросилась ко мне. Радость встречи перемешивалась с чувством вины и стыда за то, что не смог приехать раньше. Татьяна рассказала, что хозяйка дома оказалась любительницей выпить, и к ней постоянно навевывались собутельники. Она справедливо посчитала, что проживание там не приемлемо, и на второй день поехала к Валерию с просьбой помочь ей найти другое жилье. У ребят в общежитии оказалась свободной одна комната, жители которой уехали в Ленинград в аспирантуру, и они договорились поселить туда на несколько дней Татьяну. Вечером мы поблагодарили Валерия с супругой за поддержку, которую они оказали Татьяне, и тепло с ними попрощались. Следующая встреча с ребятами состоялась через несколько лет в Новомосковске, куда они вернулись из Хабаровска и работали преподавателями в филиале МХТИ. Мы поддерживали с ними дружеские отношения, пока они не уехали на постоянное место жительства в Ленинград.

На следующий день мы выехали к моему месту службы. На вокзале Хабаровска зашли в багажное отделение и выяснили, что наш багаж пришел. Мы были рады этому обстоятельству и тут же переадресовали его на новый адрес в поселок Смоляниново. На место прибыли под проливным дождем. Татьяна вышла из вагона электрички в туфельках на высоком каблуке с модной прической, а кругом были лужи и непролазная грязь. Она растеряно стояла на перроне с одной мыслью, куда же я, мол, попала. На площадке возле вокзальчика стояла грузовая

машина военного патруля, и ребята любезно согласились подбросить нас до дома. По гарнизону тут же разнеслась весть, что приехала новая «чувиха».

На следующий день, не откладывая в долгий ящик, пошли в расположенный недалеко от дома медсанбат устраивать Татьяну на работу. Командир батальона подполковник м/с Хацкилевич с большим удовольствием принял ее на работу вольнонаемной служащей в приемно-сортировочный взвод на должность медицинской сестры. Так началась моя служба и Татьянана работа на Дальневосточных рубежах нашей Родины. Вскоре Татьяну опять пришлось оставить одну, так как мне нужно было срочно выезжать в Уссурийск на артиллерийские сборы. Но теперь ситуация была гораздо проще, ведь помимо наличия жилья, работы и, наконец, денег, она всегда могла положиться на поддержку сослуживцев и соседей, с которыми уже успела познакомиться. Перед отъездом я заготовил ей дрова и уголь, научил, как топить печь, набирать воду в колонке и с более легким сердцем отправился на учебу. В Уссурийске пробыл две недели, половина программы сборов уже была пройдена, так что мне пришлось наверстывать упущенное и изучать новый, совершенно незнакомый мне ранее материал. Тем не менее я успешно сдал итоговый экзамен и вернулся домой.

Обустроились мы с Татьяной по-спартански. Из двух комнат квартиры решили использовать одну меньшую по площади и примыкающую к кухне, и отапливаемую от кухонной печи. Большая комната отапливалась от своей печи, поэтому мы решили ее не использовать, чтобы не топить две печи. Из мебели было самое необходимое: кровать, стол, стулья. Роль гардероба, как и в детские годы, выполнял отгороженный тканевыми занавесками угол комнаты. Вскоре прибыл наш багаж. Позднее купили холодильник, магнитофон, так что все, что нужно для счастливой семейной жизни у нас было. В доме жили очень доброжелательные офицерские семьи. Особенно мы сдружились с соседями через стенку — семьей Орловых. Глава семьи, Сергей, капитан, служил в оперативном отделе штаба

дивизии. Его супруга, Галина, очень энергичная, деловая женщина, работала машинисткой в штабе. Сынишка, Сергей, был еще в дошкольном возрасте. Они приехали в Смоляниново года на два раньше нас из Германии. Мебель, посуду и домашнюю утварь они привезли оттуда, поэтому у них в квартире было красиво и уютно. Все праздничные мероприятия отмечали у них. Мы любили ходить к ним в гости, где чувствовали уют домашнего очага.

Дивизионный артиллерийский склад находился в двух километрах от гарнизона между сопками. К нему вела отсыпанная щебнем дорога. Территория склада, на которой размещалось несколько складских помещений, была огорожена колючей проволокой и круглосуточно охранялось военными, заступающими по графику в караул. Перед входными воротами стояло караульное помещение, в котором солдаты могли отдохнуть в перерыве между сменами. На складе постоянно кипела работа, практически ежедневно происходила выдача или приемка артиллерийских боеприпасов, ручных гранат, патронов, стрелкового оружия различных видов.

В первые дни пребывания в гарнизоне мне было интересно осмотреть те места, в которых я бывал в детстве. И если в самом военном городке мало что изменилось, то в жилой зоне произошли значительные перемены. Не стало дома, в котором мы жили, лес, в котором в детстве играли в войну и, казавшийся, в то время большим, стал маленьким, крутая горка, с которой мы скатывались на санках, куда-то исчезла. Снесли школу, в которой я учился, деревянный небольшой клуб. Стадион, на котором выступал хор имени Александра, перенесли на другое место. Появилось несколько пятиэтажных и двухэтажных жилых домов. В стадии строительства находился прекрасный Дом офицеров. А пока его роль выполняли три одноэтажных удлиненных строения, соединенные между собой в виде буквы «П». В нем были актовый и спортивный залы, регулярно демонстрировались кинофильмы. После нашего отъезда из Смоляниново дивизия вскоре стала кадровой с ограниченным числом военнос-

лужащих, но затем, в середине шестидесятых годов, ее вновь развернули до полного штата. В силу большой сменяемости кадров, только немногие офицеры помнили моего отца. С ним служил в саперном батальоне нынешний начальник инженерной службы дивизии. Помнили его и некоторые сверхсрочники, которые постоянно проживали в Смоляниново.

Мне выдали пистолет Макарова, который хранился в оружейной комнате штаба дивизии, но в наряды долгое время не направляли. Дежурными по штабу назначались старшие офицеры, я выпадал из этой обоймы. Но, наконец, нашли применение и мне — стали периодически направлять дежурным по гарнизону «тридцатка». Этот, сравнительно небольшой военный городок, располагался у подножия одной из сопек в километрах двух от основного гарнизона. Там дислоцировались автомобильный и ремонтно-восстановительный батальоны, рота химической защиты и некоторые другие небольшие подразделения. При заступлении в суточный наряд дежурным по гарнизону я вешал на портупею кобуру, а сам пистолет не брал. Гораздо актуальнее было положить в кобуру туристический набор со складывающимися ложкой и вилок, потому что при снятии пробы и приеме пищи в столовой всегда были проблемы с ложками, их катастрофически не хватало. Многие солдаты из-за этого стали носить свои ложки в голенище сапог. Но последующие события, о которых расскажу несколько позже, заставили в корне отказаться от этой практики и использовать кобуру по назначению.

Жизнь шла своим чередом, работы было много, а свободного времени очень мало. Читать удавалось только газеты, журналы и специальную литературу, и это при том, что телевизора не было. По воскресеньям иногда ходили в кино, изредка удавалось съездить во Владивосток. С продуктами было скудно. Однажды задумали отправить домой посылку с морепродуктами. Поехали во Владивосток, где в фирменном магазине «Океан» простояли в очереди полдня, чтобы купить несколько консервных банок горбуши и крабов, икры за весь период службы мы не видели.

Иногда имели место и курьезные случаи. У командира дивизии помимо военного ГАЗ-69 была для выездов и служебная «Волга». Завидев машину, все военнотружашие обязаны отдать честь едущему в ней командиру. Но на этой «Волге» очень часто разъезжал, сидя на переднем сиденье, его ординарец — старшина азербайджанец. В едущей машине трудно различить сидящего в ней человека, поэтому офицеры, в том числе полковники и подполковники, зачастую, отдавали честь этому старшине, а потом долго плевались. Однажды мы с Сергеем Орловым шли из дома в штаб, и нас стала обгонять командирская «Волга». Чтобы потом не плевать от досады, мы не стали козырять проходящей мимо машине. Проехав метров десять вперед, «Волга» остановилась, из нее вышел командир дивизии. Подозвав нас, он потребовал объяснение за допущенное нарушение Устава. Мы извинились и сказали, что не заметили идущую сзади машину. Заставив нас повернуться кругом, он ткнул пальцем в наши заросшие загривки и приказал срочно постричься и через полчаса доложить ему об исполнении. Мы завернули в ближайшую казарму, дневальный быстро разыскал нам солдата «парикмахера», который мгновенно подстриг нас под «полубокс». Через пятнадцать минут мы уже докладывали командиру дивизии об исполнении приказа. Он посмотрел на наши прически, посмеялся и отправил нас восвояси.

Однажды на склад заявился один из заместителей начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения в звании майора. Походив по помещениям, осмотрев штабеля с боеприпасами и оружием, он, проверив наличие пломб на ящиках, спросил: «А как у вас хранится спирт?». Я ответил, что он в двух опечатанных канистрах, которые находятся в специальном сейфе под замком и печатью. Майор попросил принести одну из канистр для осмотра. Увидев ее, он задал риторический вопрос: «А не проверить ли нам качество спирта?». Я сказал, что канистра опечатана, и чтобы ее вскрыть, надо составить акт. Он достал из кармана лезвие от станка для бритья и, ловким движением руки срезал печать, совершенно ее не по-

вредив. Налив два стакана, предложил мне тоже выпить. Я совершенно не был готов к такому повороту и пытался отказаться. Но упорствовать перед старшим по званию офицером, да еще и начальником было не прилично, да и показаться слабаком тоже не хотелось. Пришлось выпить, закусив диким луком, другой закуски не было. Он запечатал канистру таким же ловким движением, и мы отправились домой. Идя со службы, я частенько заходил за Татьяной, и мы вместе шли домой. На этот раз тоже решил за ней зайти. Пока шел, изрядно опьянел. У нас обычно снега было мало, но в этот раз накануне выпал приличный снег и ветер не успел его разметать по буеракам. Перед зданием медсанбата было небольшое поле, и я шел по нему, преодолевая сугробы, иногда припадая на колени. В это время ожидавшая меня Татьяна рассказывала своему коллеге по работе, какой я хороший муж — не пью, не курю. Коллега случайно взглянул в окно и, увидев меня, говорит: «А вот и твой трезвенник спотыкается в сугробах». Вот так я сильно опозорился и подвел Татьяну. Этот случай был исключением из правил. Я очень серьезно относился к службе и не допускал каких-либо вольностей. Никогда не рассматривал службу, как явление временное и поэтому не требующее напряжения сил. Наоборот, всегда и везде все делал с максимальным старанием и ответственностью. В конце года меня избрали членом бюро комсомольской организации части.

Новый 1969 год мы отмечали в Доме офицеров. В начале зашли к Орловым — проводили старый год и всей компанией отправились в наш очаг культуры. В Доме офицеров проводились все дивизионные мероприятия, в том числе и новогодние праздники. В актовом зале кресла сдвигались к стенам и накрывались столы. Спортивный зал превращался в танцевальный, куда попадали, пройдя через сцену. Начался вечер с поздравления командира дивизии с Новым годом и исполнения всеми офицерами во главе с командиром патристической песни. Встречали Новый год как одна дружная семья. Весь вечер сновали через сцену из одного зала в другой, чтобы

выпить, а потом потанцевать. Настоящим шлягером в тот новогодний праздник была песня «Опять от меня сбежала последняя электричка». Ушел в прошлое 1968 год, который был для меня очень ярким, насыщенным интересными и важными событиями. Это преддипломная практика в Сумгаите, защита диплома, военные сборы в Прикарпатье на фоне событий в Чехословакии, женитьба, призыв в армию и, наконец, приезд на Дальний Восток в места своего детства. Тем временем напряженность на границе не ослабевала и, хотя внешне это вроде бы и не проявлялось в повседневной жизни, но тем не менее во всем ощущалась атмосфера тревожности. Очень часто объявлялись тревоги, дивизионное стрельбище никогда не пустовало. Днем и ночью велись стрельбы из стрелкового оружия, зенитных установок и ручных гранатометов. В воинских частях возимый запас боеприпасов был постоянно загружен на автомобили, и мы следили за его состоянием и периодически обновляли. К марту 1969 года конфронтация в отношениях между СССР и Китаем достигла критического уровня, и обе стороны оказались в шаге от полномасштабных военных действий. Накануне, в конце февраля, дивизия была поднята по тревоге и выдвинулась на полигоны для проведения учений. В течение двух суток весь поселок был заполнен шумом двигателей танков, бронетранспортеров и другой военной техники, двигающейся на железнодорожную станцию для погрузки на платформы. Я оставался на своем рабочем месте в готовности в любой момент осуществлять отгрузку боеприпасов в заданные районы. Татьяна, получив ватник, стеганные ватные брюки, шапку ушанку вместе с медсанбатом убыла в район учений. Потом она долго с гордостью вспоминала, как в течение нескольких дней мужественно переносила тяготы полевой жизни на морозе в палатке, едва обогреваемой печкой буржуйкой.

По плану округа на дивизионные тактические учения вышли из мест постоянной дислокации и многие другие соединения, временно оставив свои участки прикрытия государственной границы. В отдельных случаях к этим учениям была привлечена зна-

чительная часть офицеров-пограничников для отработки взаимодействия на случай отражения возможных нарушений границы. На пограничных заставах оставалось всего по одному офицеру. Этим воспользовались китайские провокаторы, совершив 2 и 15 марта 1969 года вооруженное нападение на советских пограничников в районе острова Даманский на реке Уссури. В соответствии с общепринятой практикой границы на реках проводятся по главному фарватеру. Однако, пользуясь слабостью Китая, царское правительство России в 1860 году на основании Пекинского трактата сумело провести границу на реке Уссури по урезу воды вдоль китайского берега. Таким образом вся река и находившиеся на ней острова стали российскими. Многие годы такое положение дел устраивало оба государства. Никто не мешал китайцам ловить рыбу в реке, пасти скот и косить траву на острове. Всеми природными богатствами этих мест в равной степени пользовались и русские, и китайцы. В 1919 году на Парижской мирной конференции была выработана норма, согласно которой граница государств, если она пролегает по реке, должна проходить не по одному из берегов, а по фарватеру. Однако были сделаны оговорки: граница по одному из берегов допускалась, если так сложилось исторически. Кроме того, закон, как известно, обратной силы не имеет. Исходя из этого СССР справедливо продолжал считать острова на реке Уссури своими, и никаких споров относительно этого участка границы у соседей не возникало. И лишь в конце пятидесятых годов, когда между руководством СССР и Китая возникли разногласия, обстановка на границе стала обостряться. Китайская сторона начала выдвигать территориальные претензии к нашей стране. Советское руководство с пониманием относилось к желанию китайцев провести новую границу по рекам Уссури и Амуру, и даже готово было передать КНР ряд земель. Однако, ухудшение отношений между двумя странами не только не позволило этого сделать, но привело к открытому вооруженному противостоянию.

Остров Даманский в конце 60-х годов относился территориально к Пожарскому

району Приморского края. Находился с Китайской стороны от главного русла реки Уссури. Удаление острова от советского берега было около 500 метров, а от китайского берега порядка 300 метров. Его размеры составляли 1500—1800 метров в длину и 600—700 метров в ширину (площадь около 0,74 квадратных километров). В период паводков остров полностью скрывался под водой и никакой хозяйственной или военно-стратегической ценности не представлял. Событиям 2 и 15 марта 1969 года на острове Даманский предшествовали многочисленные провокации китайцев по самовольному захвату советских островов на реке Уссури. Число таких провокаций в 1960 году было 100, в 1962 году — более 500 и с каждым годом их количество увеличивалось. Затем стали совершаться нападения хунвейбинов на пограничные наряды. Во всех этих случаях пограничники всегда выдворяли провокаторов с советской территории без применения оружия.

В ночь с 1 на 2 марта 1969 года около трехсот китайских вооруженных военнослужащих переправились на Даманский и, замаскировавшись, залегли на более высоком западном берегу острова. Для их поддержки на китайском берегу были оборудованы позиции безоткатных орудий, минометов и крупнокалиберных пулеметов. Здесь же в резерве находилось до трехсот человек пехоты. Выдвижение китайцев на свои позиции было хорошо организовано и прошло абсолютно скрытно. Около девяти часов утра по острову прошел пограничный наряд, но вторгшихся китайцев он не обнаружил. Примерно в 10 часов 40 минут на заставу Нижне-Михайловка, находившуюся в 12 километрах южнее острова, поступил доклад от поста наблюдения, что с китайской стороны в направлении Даманского движется группа вооруженных людей численностью до 30 человек. Начальник заставы старший лейтенант И. Стрельников поднял своих подчиненных «в ружье» и позвонил оперативному дежурному пограничного отряда. Пограничники погрузились в три машины ГАЗ-69 (8 человек), БТР-60 ПБ (13 человек) и ГАЗ-63 (12 человек). Прибыв на место, пограничники

двинулись в направлении китайцев двумя группами: первую вел по льду начальник заставы, вторая группа под командованием сержанта В. Рабовича шла параллельным курсом непосредственно по острову. Третья группа, которой командовал старший сержант Ю. Бабанский, двигаясь на автомобиле ГАЗ-63, отстала и прибыла на место на 15 минут позже. Приблизившись к китайцам, И. Стрельников выразил протест по поводу нарушения границы и потребовал от них покинуть территорию СССР. В ответ первая шеренга китайцев расступилась, а вторая внезапно открыла автоматный огонь по группе И. Стрельникова. Не успев даже вскинуть автоматы, вся группа пограничников и сам начальник заставы сразу же погибли. Засада, всю ночь просидевшая на острове, также открыла огонь по группе В. Рабовича. Те приняли бой и отстреливались до последнего патрона. Когда нападавшие достигли позиций группы В. Рабовича, то добились раненных советских пограничников выстрелами в упор и холодным оружием.

Именно в этот момент подоспела третья группа пограничников под командованием Ю. Бабанского. Заняв позицию, пограничники встретили наступающих китайцев огнем из автоматов. Бой был неравный, в группе росло число погибших и раненых, быстро кончались боеприпасы. К счастью, в это время подошли пограничники с соседней заставы Кулебякины Сопки, находившейся в 18 километрах севернее Даманского во главе с начальником заставы старшим лейтенантом В. Бубениным. Получив утром 2 марта сообщение по телефону о завязавшемся бое на острове, В. Бубенин посадил в БТР около двадцати пограничников и поспешил на выручку соседям. Около 11 часов 30 минут БТР достиг Даманского. Пограничники высадились из машины и сразу же вступили в бой, столкнувшись с большой группой китайцев. В ходе боя старший лейтенант В. Бубенин был ранен и контужен, но продолжал управление боем. Оставив на месте нескольких бойцов во главе с младшим сержантом В. Каныгиным, он с четырьмя пограничниками сели в БТР и двинулись вокруг острова, заходя в тыл

китайцам. В. Бубенин сам встал к крупнокалиберному пулемету. Огнем с китайского берега бронетранспортер был поврежден. Начальник заставы получил новое ранение и контузию. Пересев в БТР И. Стрельникова, старший лейтенант повел машину непосредственно по острову вдоль китайской засады, и огнем из пулемета уничтожил не менее роты военнослужащих НОАК. Кульминация боя наступила в тот момент, когда В. Бубенин уничтожил командный пункт китайцев. После этого нарушители границы стали покидать свои позиции, унося с собой убитых и раненых.

Ближе к 12,00 недалеко от острова приземлился вертолет с командованием Иманского (Дальнереченского) пограничного отряда во главе с его начальником полковником Д. В. Леоновым. Вместе с ним прилетел и начальник политотдела подполковник А. Д. Константинов, который организовал поиск раненых и погибших на Даманском. Несколько позже к месту событий прибыло подкрепление с соседних застав. Так закончился первый бой на Даманском. Этот бой 2 марта 1969 года не имел аналогов в мировой истории, даже во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. В этом бою на каждого советского пограничника приходилось по полтора-два десятка солдат и офицеров регулярной китайской армии, которые к тому же поддерживались огнем артиллерии и минометов. По каждому защитнику российского рубежа бил примерно один оружейный ствол. Китайцы до сих пор не рассекретили цифры своих потерь 2 марта 1969 года, которые выглядят просто убийственными на фоне урона советских «зеленых фуражек»-31 человек. Может показаться невероятным, явно преувеличенным, но факты таковы, что после завершения боя только на острове собрали и передали потом китайской стороне 248 трупов солдат и офицеров народно-освободительной армии Китая. С учетом того, что десятки убитых китайцы успели оттащить на свою территорию и что большое количество огневых точек были подавлены на китайском берегу реки Уссури. Общие потери нападавших могли вполне составлять 350—400 человек.

После этого боевого столкновения на границе части нашей дивизии были немедленно возвращены с учений в места постоянной дислокации и приведены в полную боевую готовность. Расстояние от поселка Смоляниново до острова Даманский составляло около 400 километров. По Дальневосточным меркам это ничтожно мало, можно было сказать, что трагические события происходили прямо на пороге нашего дома.

После первого столкновения на острове Даманском 2 марта по приказу Председателя КГБ пограничные заставы Иманского (Дальнереченского) погранотряда были усилены личным составом и техникой. Отряду выделялось звено вертолетов МИ-4 и маневренные группы двух соседних погранотрядов на 13 БТРах. На остров постоянно выходили усиленные наряды численностью не менее десяти человек с достаточным количеством боеприпасов. Саперы проводили минирование острова на случай атаки китайской пехоты. В тылу, на расстоянии нескольких километров от Даманского, была развернута 135-я мотострелковая дивизия 45-го армейского корпуса 15-й общевойсковой армии Краснознаменного Дальневосточного военного округа — пехота, танки, артиллерия, реактивные установки залпового огня БМ-21 «ГРАД». Данная дивизия дислоцировалась ближе всех от зоны боевого столкновения. 199-й Верхне-Удинский мотострелковый полк этой дивизии принял непосредственное участие в дальнейших событиях. Когда на границе грянул бой, подразделения 135-й мотострелковой дивизии находились на учениях в районе населенного пункта Шмаковка. Командир дивизии генерал-майор В. Носов получил боевую задачу — немедленно развернуть части соединения в обратном направлении и к исходу 2 марта прибыть в свои места постоянной дислокации и привести их в полную боевую готовность. В то же время командир 135-й мотострелковой дивизии поставил боевую задачу командиру 199-го Верхне-Удинского мотострелкового полка полковнику Крупенникову и другим боевым формированиям дивизии совершить марш и сосредоточиться на боевых позициях в районе острова Даманский, органи-

зовать взаимодействие с пограничниками и быть готовыми к отражению повторной провокации с сопредельной стороны.

Китайцы тоже накапливали силы для очередного наступления. Группировка китайских войск была увеличена до пехотной дивизии со средствами усиления. В 10—15 километрах от границы разворачивалось до 10 батарей дальнобойной артиллерии крупного калибра.

15 марта, заметив оживление на китайской стороне, на остров выдвинулась пограничная маневренная группа подполковника Е. Яншина в составе 45 человек на 4-х БТРах. Для ее поддержки на берегу реки Уссури были сосредоточены резервы погранотряда в составе 80 человек на семи БТРах. В зоне конфликта находилась и оперативная группа Тихоокеанского пограничного округа во главе с заместителем командующего войсками округа полковником Г. Сечкиным. Ближе к 10.00 часам китайская артиллерия и минометы начали обстрел острова. Одновременно три роты китайской пехоты в количестве 300—400 человек пошли в атаку. Группа Е. Яншина в течение часа отражала атаки. Когда кончились боеприпасы, Е. Яншин отвел группу в расположение резерва, заменил личный состав и подбитую технику, атаковал китайцев и отбросил их. Усилив артиллерийский огонь, китайцы снова атаковали группу Е. Яншина, явно намереваясь ударить в тыл советским пограничникам. В создавшемся положении начальник Иманского (Дальнереченского) погранотряда полковник Д. В. Леонов попытался нанести фланговый удар по противнику четырьмя танками Т-62, которые были переданы пограничникам для усиления из состава 4-й роты 152-го отдельного танкового батальона. Однако атака сорвалась, танки, выйдя на протоку, попали под сильный огонь противотанковых средств. Первый танк, в котором находился Д. В. Леонов, был подбит. Д. В. Леонов с членами экипажа сумел покинуть танк, но при попытке отползти от машины был убит снайперской пулей противника. Остальные танки, получив повреждения от огня китайцев, сумели своим ходом отойти на исходные позиции. Г. Сечкин направил

на остров для усиления группы Е. Яншина два танка. Получив поддержку, пограничники сумели продержаться еще два часа, но, когда закончились боеприпасы, вынуждены были отойти. К этому моменту стало совершенно ясно, что введенных в бой сил не хватает, и без поддержки пограничников армейскими подразделениями остров мог быть утерян.

Командование 135-й мотострелковой дивизии было готово прийти на помощь, но на это не было разрешения из Москвы: надо было во чтобы то ни стало избежать перерастания пограничного конфликта в широкомасштабную войну. Командиры частей дивизии ругали свое начальство за нерешительность, они рвались в бой, но были связаны по рукам и ногам всевозможными директивами. Только вечером поступила команда из Москвы, разрешающая использовать армейские подразделения. Две мотострелковые роты 199-го Верхне-Удинского мотострелкового полка 135-й мотострелковой дивизии с пятью танками совместно с маневренной группой пограничников при поддержке артиллерии и минометов атаковали китайцев. Но время было упущено, противник успел закрепиться на острове, и атака захлебнулась. Тогда в 17.00 силами артиллерийского полка, двух батарей 120-мм минометов и дивизиона, суперсекретных на тот момент реактивных систем залпового огня «ГРАД» был проведен десятиминутный огневой налет на всю глубину китайской группировки, включая и прилегающую китайскую территорию на расстоянии двадцати километров. Налет оказался исключительно точным: снаряды уничтожили китайские резервы, минометы, штабеля снарядов и т. д. Данные радиоперехвата свидетельствовали о сотнях погибших солдат армии противника. Следует отметить, что данные реактивные системы залпового огня, принятые на вооружение Советской Армией за четыре года до этих событий, были впервые применены в реальном бою.

В 17.10 в атаку пошли мотострелки 2-го мотострелкового батальона 199-го мотострелкового полка совместно с пограничниками на 12-ти БТРах, с пятью танками и окончательно подавили сопротивление

китайских войск. Противник начал спешный отход с занятых позиций, остров Даманский был освобожден. Около 19.00 «ожили» некоторые огневые точки противника, после чего китайцы провели три новые атаки на остров, но они были успешно отбиты нашими войсками. После этого противник больше не предпринимал никаких враждебных действий на данном участке государственной границы. Всего в ходе столкновений советские войска потеряли убитыми и умершими от ран 58 человек (в том числе 4 офицера), ранеными 94 человека (в том числе 9 офицеров). Безвозвратные потери китайской стороны до сих пор являются закрытой информацией и по разным оценкам составляют от 1000 до 1500 и даже 3000 человек.

За проявленный героизм пятеро военнослужащих получили звание Героя Советского Союза — четверо пограничников и младший сержант 199-го Верхне-Удинского мотострелкового полка 135-й мотострелковой дивизии В. Орехов (посмертно). Многие пограничники и военнослужащие Советской Армии были награждены государственными наградами, в том числе трое — орденами Ленина, 10 — орденами Красного Знамени, 31 — орденами Красной Звезды. После таяния льда выход советских пограничников на остров Даманский оказался затруднен и пресекать попытки китайцев его занять приходилось снайперским и пулеметным огнем. 10 сентября 1969 года было приказано огонь прекратить, видимо для создания благоприятного фона переговоров, начавшихся на следующий день. Китайские вооруженные силы немедленно этим воспользовались и заняли остров. 11 сентября в Пекине Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер Государственного Совета КНР Чжоу-Эньлай договорились о прекращении враждебных действий на советско-китайской границе и остановке войск на тех рубежах, которые они занимали на момент переговоров. И именно в этот момент остров Даманский стал китайским де-факто.

20 октября 1969 года на новых переговорах глав правительств СССР и КНР было достигнуто соглашение о необходимости

пересмотра советско-китайской границы. 19 мая 1991 года М. С. Горбачев заключил с Китаем договор, согласно которому остров Даманский окончательно отошел к Китайской Народной Республике. Теперь у него другое имя — Чженьбао-дао (Драгоценный). Ныне на Даманском устроен воинский мемориал и действует «Музей Славы» китайских пограничников и народно-освободительной армии Китая. Сюда водят экскурсии и проводят памятные мероприятия, китайские пограничники принимают здесь присягу. Подбитый танк Т-62, являвшийся в то время совершенно секретным, советским солдатам эвакуировать не удалось из-за постоянных китайских обстрелов. Попытка уничтожить его артиллерийским и минометным огнем не увенчалась успехом, и танк провалился под лед. В последствии китайцы смогли вытащить его на свой берег. И сейчас он стоит в пекинском военном музее.

По мнению многих историков в 1969 году на реке Уссури впервые после Великой Отечественной войны 1941—1945 годов была отражена самая настоящая агрессия, имевшая целью захват чужих территорий и решение конкретных политических вопросов. Не будет преувеличением сказать, что вооруженное нападение на советских пограничников в районе острова Даманский на реке Уссури стало большой неожиданностью для руководства СССР и настоящим шоком для простых советских людей, которые не допускали и мысли о том, что огромная соседняя страна, еще совсем недавно именовавшаяся «великим другом», может быть для нас источником серьезной опасности. Сегодня между нашими странами вновь царят мир, дружба и взаимопонимание. Но мы не должны забывать уроки прошлого, какими бы горькими для нас они не были. Ибо сохранение истории, память о героях, сложивших головы во имя территориальной целостности страны, являются залогом наших добрососедских отношений на многие годы вперед.

Кровопролитные бои на Даманском многому научили командиров всех уровней. Главным уроком стало: хочешь мира — готовься к войне. На Дальний Восток продолжалась активная переброска дополни-

тельных войск. Вдоль границы с Китаем строились мощные оборонительные сооружения, создавались новые укрепрайоны. По завершении вооруженного конфликта на острове Даманском в нашей дивизии было проведено закрытое совещание с участием командного состава всех частей соединения. На нем были проанализированы ошибки, допущенные при проведении боевых действий на острове Даманском, намечены меры по повышению боевой подготовке войск. А ошибок, к сожалению, было не мало: недостаточно четко сработала разведка, не сумевшая вовремя выявить сосредоточение войск противника в зоне конфликта, оставляло желать лучшего взаимодействие армейских частей с подразделениями пограничников, в войсках не хватало приборов ночного видения, их качество и надежность были на низком уровне и многое другое. В ходе совещания были выработаны дополнительные меры по подготовке к отражению возможных новых провокаций со стороны Китая.

После этих событий заметно усилилась боевая учеба, приняты меры по укреплению дисциплины. Офицерам был запрещен выезд за пределы гарнизона без специального разрешения. Чуть ли не ежедневно объявлялись учебные тревоги. Обыденным делом стало наличие у каждого офицера «тревожного» чемоданчика с комплектом белья и продуктами питания на 2—3 суток. На дивизионном плацу регулярно проводились строевые смотры всех частей гарнизона. Строго проверялся внешний вид военнослужащих, экипировка, документы, наличие всего необходимого в полевых сумках и вещмешках. При обнаружении каких-либо недостатков сразу же следовало наказание и военнослужащего, и его командира. Такое было время, требующее от каждого из нас максимальной выдержки, собранности и бдительности. При заступлении в наряд у меня уже не было никакого желания носить в кобуре вместо пистолета складные ложку и вилку. Усиленные меры безопасности и более высокий уровень боевой готовности вводились на праздники, поскольку считалось, что именно в эти дни вероятность провокаций со стороны Китая

наиболее высокая. Но и в условиях повышенной бдительности жизнь в гарнизоне протекала своим чередом.

Однажды я зашел в спортзал Дома офицеров и увидел там группу военнослужащих, занимающихся на гимнастических снарядах. В глаза бросилось, что уровень их мастерства не очень высок, в пределах второго и третьего разряда. Оказалось, что эти ребята, собранные отделом физподготовки дивизии со всех частей соединения, готовились к предстоящему первенству дивизии по гимнастике. Условия тренировки были, конечно, далеки от требуемого уровня: гимнастические снаряды не отличались новизной, не было никаких страховочных приспособлений, а самое главное — не было тренера. Ребята как могли, помогали друг другу в освоении упражнений. После травмы ноги я уже два года не переступал порога спортзала, и тут на меня нахлынуло огромное желание возобновить тренировки. Я подключился к этой группе и приступил к занятиям. На первых тренировках никак не мог избавиться от ощущения, что при соскоке со снаряда или при акробатических прыжках моя травмированная нога не выдержит нагрузку, поэтому при приземлении машинально садился на пятую точку. Через пару тренировок переборол себя, поняв, что нога прекрасно справляется со всеми нагрузками, и ощущение страха за ногу сразу же исчезло. Я видимо настолько соскучился по гимнастике, что быстро набрал нужную форму и, помимо уже ранее отработанной программы 1-го спортивного разряда, стал ускоренно осваивать новые, более сложные элементы. Втянувшись в тренировочный процесс, старался не пропускать ни одной тренировки, но иногда служебные дела не позволяли это сделать и выбивали из колеи. Но я уже вновь почувствовал спортивный азарт и упорно готовился к предстоящим соревнованиям. Татьяна не одобряла мое возвращение к занятиям гимнастикой, но видя мою увлеченность, быстро с этим смирилась.

Вскоре в дивизии сменился командир. К нам пришел полковник Гуслистов, возглавлявший ранее один из укрепрайонов. На первом этапе своей службы в новой

должности он имел привычку прибегать в спортивной форме рано утром перед подъемом в одну из частей и наблюдать со стороны за началом нового рабочего дня с последующим разбором увиденных недостатков. Однажды, находясь в наряде дежурным по своему гарнизону «тридцатка», мне пришлось с ним встретиться во время его очередной пробежки. Сразу же после подъема мне доложил один из дневальных, что по казарме бегают какой-то мужчина в спортивной форме, стаскивает с кровати зазевавшихся старослужащих, роется в тумбочках и при этом сильно ругается. Я пошел по этажам и столкнулся с ним нос к носу. Не зная нового командира в лицо, я спросил: «Гражданин, вы что здесь делаете?» Буркнув в ответ, что он командир дивизии, приказал мне следовать за ним и уже вместе со мной продолжил бегать по казармам, заглядывал в каптерки и выгонял оттуда сержантов, уклоняющихся от физзарядки. Затем он приказал построить на спортплощадке одно из подразделений для проверки их физподготовки. Половина солдат не смогли подтянуться на перекладине более одного раза и сделать подъем переворотом. Это привело его в ярость. Он приказал мне доложить о его визите начальнику гарнизона, когда он придет на службу, и передать ему приказ о том, чтобы в 18.00 часов весь личный состав частей гарнизона был построен на плацу для последующей сдачи нормативов на перекладине. Принять зачеты он обещал прислать начальника физподготовки дивизии подполковника Грачева с группой офицеров. Обязанности начальника гарнизона исполнял командир автомобильного батальона подполковник Кириллов. Я доложил ему о визите командира дивизии и о его приказе. Вечером в 18.00 часов прибыла группа офицеров из штаба дивизии и до глубокого вечера на спортплощадках кипела изнурительная работа по подтягиванию и подъему ног на перекладине. Для поднятия настроения солдатам мне пришлось прямо в гимнастерке и сапогах покрутить на перекладине «солнышко».

Подходил к концу первый год нашего пребывания в Смоляниново. Мы с Татьяной уже полностью освоились с обстанов-

кой и никаких проблем не испытывали. Приморский климат тоже не доставлял неудобств и переносился нормально. Зима здесь сухая, в меру холодная с ясной погодой. Снежный покров небольшой, видимо поэтому бытует мнение, что плодовые деревья и ягодники в этих местах плохо приживаются. Но наличие в Уссурийской тайге большого количества дикорастущих плодовых деревьев, в том числе абрикосов и винограда, опровергает это мнение. Весна прохладная с частыми колебаниями температуры, лето теплое и влажное. Именно на лето приходилось максимальное количество осадков. Иногда ливневые дожди шли по 3—4 дня. После таких дождей небольшая речушка, пересекающая дорогу между жилой зоной и гарнизоном, разливалась и затапливала мост, что причиняло нам на несколько дней большие неудобства. После таких дождей наступала жаркая погода, что в сочетании с большой влажностью становилось серьезным испытанием для военнослужащих, вынужденных целыми днями находиться в гимнастерках, сапогах и фуражках. Самое хорошее время года в Приморье — это осень, она теплая, сухая, с ясной погодой. Самые теплые месяцы: июль, август, сентябрь. Большое количество влаги в летнее время способствовало мощному растительному покрову — трава вырастала по пояс и выше, в лесу росли целые поляны садовых цветов: пионов, ирисов. По дороге со службы домой стоило углубиться в лес буквально на 5—10 метров, чтобы нарвать огромный букет цветов.

На сентябрь у нас планировался отпуск, и мы решили поехать в Новомосковск, потому что очень соскучились по родителям, родному дому. Судя по письмам, которыми мы регулярно обменивались, у родителей было все хорошо, и они очень ждали нашего приезда. В отпуск полетели на самолете, время полета от Владивостока до Москвы занимало 14 часов с промежуточной посадкой в Красноярске. В Новомосковск из Москвы приехали вечерним поездом, на вокзале нас встретили родители и Светлана с Сергеем. Светлана очень расстроилась, что я приехал не в военной форме, а в штатской одежде, ей очень хотелось увидеть меня с лейте-

нантскими погонами на плечах. Пришлось ей ждать еще год, чтобы осуществить свою мечту. Половину времени мы прожили у одних родителей, а вторую — у других, чтобы никого не обидеть. Ничего запоминающегося во время отпуска не произошло, разве только то, что в Новомосковске начали строить первый девятиэтажный дом, признак, как я считал, большого города. Вскоре мы уже затосковали по Дальнему Востоку и, вернувшись в Смоляниново, с хорошим настроением взялись за работу.

Накануне октябрьских праздников командир медсанбата подполковник Хацкилевич наградил Татьяну Почетной грамотой «За примерность в дисциплине, выполнении служебных обязанностей, активное участие в общественной жизни части и в честь 52-й годовщины Великого Октября». По прошествии некоторого времени я пожалел, что мы использовали отпуск для поездки в Новомосковск. Нужно было совершить путешествие по Дальнему Востоку, съездить на Камчатку, Сахалин, наконец в поселок Посьет, в котором я родился, а через месяц его покинул и больше никогда там не был. А в последующие годы я сожалел еще больше, что не использовал прекрасную возможность познакомиться с малой родиной, пройти по улицам поселка, в котором появился на белый свет, а ведь это очень важно для каждого человека.

Напряженность в службе не ослабевала, к тому же китайцы в августе 1969 года повторили масштабную вооруженную провокацию уже на казахстанском участке границы, который охранял Уч-Аральский пограничный отряд. С Китайской стороны в провокации участвовало до 170 человек. Советские пограничники отбросили китайских провокаторов от нашей границы, уничтожив 19 человек и троих взяли в плен. Наши потери составили 12 человек.

После отпуска я возобновил занятия гимнастикой, быстро восстанавливая спортивную форму после месячного перерыва. В декабре состоялись соревнования по спортивной гимнастике на первенство дивизии в рамках зимней спартакиады. Я стал чемпионом соединения, выступая по программе кандидатов в мастера спорта. По ито-

гам этих соревнований была сформирована сборная команда дивизии по спортивной гимнастике для участия в соревнованиях в Уссурийске на первенстве 5-й общевойсковой армии.

Незаметно подошел новый 1970 год. По уже сложившейся традиции планировали встретить его в Доме офицеров, к тому же командование было заинтересовано в этом, чтобы все офицеры, на всякий случай, были под рукой. Накануне в службу ракетно-артиллерийского вооружения пришло уведомление об отгруженных в наш адрес трех железнодорожных вагонов военного снаряжения. Со дня на день мы ждали поступления этих вагонов и готовились к их разгрузке. Придя в Дом офицеров и не успев сесть за стол, я получил приказ немедленно выехать на железнодорожную станцию и приступить к обработке вагонов, которые уже были выставлены под разгрузку. Оставив жену под опеку соседям Орловым, я отправился на станцию. Всю новогоднюю ночь мы возили на склад ящики, внешне очень похожие на оружейные. Под утро, уложившись в отведенное под разгрузку время, сдали пустые вагоны железнодорожникам. Каково же было наше удивление, когда на складе, вскрыв один из ящиков, мы обнаружили в нем новенькие, завернутые в специальную бумагу автоматы ППШ. Через пару месяцев хранения на складе мы отправили эту партию автоматов в одну из стран юго-восточной Азии. Так что наше старое, но очень надежное, проверенное в боях автоматическое оружие было очень востребовано. Новогодний вечер, как потом рассказали товарищи, прошел хорошо, весело, но более сдержано, чем обычно, памятуя о том, что нужно быть всегда готовым к любым неожиданностям.

В конце февраля мы поехали в Уссурийск для участия в соревнованиях на первенство 5-й армии по спортивной гимнастике. В Уссурийске дислоцировался 231-й мотострелковый полк нашей дивизии, поэтому проблем с размещением и питанием у нас не было. В город Уссурийск я довольно часто ездил на грузовой машине на армейские склады для получения различного военного имущества. Назад возвращались, как

правило, уже ночью. Дорога до Уссурийска длиной в 140 километров в нескольких местах перекрывалась шлагбаумами. И если днем они были открыты и движение машин осуществлялось беспрепятственно, то в вечернее время суток шлагбаумы опускались и все машины и документы очень тщательно проверялись сотрудниками военно-автомобильной инспекции. Из соображений секретности во всех документах, в том числе и в командировочных удостоверениях, не фигурировали слова «дивизия», «полк», «батальон», указывались только номера войсковых частей. На соревнованиях в Уссурийске я, выступив опять по программе кандидата в мастера спорта, был включен в состав сборной команды 5-й армии уже для участия в соревнованиях на первенство Дальневосточного военного округа. Перед первенством округа планировались месячные спортивные сборы в городе Хабаровске. Перспектива заманчивая, но я не мог позволить себе такую роскошь. Дело в том, что Татьяна была уже на шестом месяце беременности. Оставить ее одну в такой ситуации я не мог, ей уже не под силу было таскать дрова, уголь, воду, выносить золу и т. д. Мне пришлось отказаться от сборов и дальнейшего участия в соревнованиях в Хабаровске. На этом моя спортивная карьера завершилась окончательно.

Мы стали задумываться о предстоящих родах Татьяны. По расчетам она должна была рожать в конце июня, моя служба заканчивалась 29 августа 1970 года, а с учетом полагавшегося отпуска мы должны были уехать из Смолениново в первых числах августа. Ехать домой с Дальнего Востока с полуторамесячным ребенком на руках мы посчитали делом рискованным. Поэтому приняли решение отправить Татьяну домой за месяц до родов.

После майских праздников Татьяна оформила декретный отпуск с последующим увольнением и полетела домой. Полет перенесла очень тяжело — постоянно тошнило, и бортпроводницы замучились подносить ей санитарные пакеты. В аэропорту Москвы Татьяну встретил отец, и они благополучно добрались до Новомосковска. Я остался один, но сердце было спокойное за Татьяну,

так как она была окружена заботой родителей и находилась под контролем квалифицированных врачей.

Перед этим 20 апреля мне вручили первую в моей жизни государственную награду — юбилейную медаль «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». 28 мая 1970 года я получил удостоверение об окончании вечерней партийной школы при политотделе дивизии и получении среднего политического образования в системе партийной учебы. По итогам учебы успешно сдал экзамены по истории КПСС, философии и политической экономии, получил зачеты по основам военной психологии и педагогики, партийной-политической работе и основам воинского воспитания.

Татьяна родила 25 июня 1970 года, об этом я узнал на следующий день, находясь в наряде. После обеда мне позвонила соседка Галя Орлова и сказала, что на квартиру принесли телеграмму от родителей с сообщением, что родился сын весом 4,325 кг. Я обрадовался, хотя никогда не сомневался, что у нас будет мальчик. Попросил Галину собрать на вечер соседей и приготовить какую-нибудь закуску с тем расчетом, что после завершения дежурства в 18 часов я зайду в магазин, куплю спиртное, и мы отметим рождение сына. На вечер пришли все соседи, в подарок малышу собрали деньги на шубку. Но так как купить ее в Смолениново было невозможно, то деньги передали мне с наказом, чтобы шубку мы в будущем обязательно купили. Их наказ мы в последствии выполнили. На вечере мы разговорились с соседом-командиром дивизиона артиллерийского полка подполковником Бондаренко. Он сказал, что готовится к увольнению в запас и раздумывает о будущем месте жительства, в связи с чем написал письма практически во все областные центры страны с вопросом о возможных сроках получения квартиры. Ответы пришли неутешительные — менее чем за пять лет ни один из городов не пообещал решить его квартирный вопрос. Я посоветовал ему написать письмо в город Новомосковск, рассказал о городе, о больших объемах жилищного строительства,

широких возможностях для работы, учебы и культурного отдыха для его детей. Он прислушался к моему совету и написал письмо. Вскоре пришел ответ с обещанием выделить квартиру офицеру запаса через шесть месяцев. Такой ответ его устроил, и он с семьей уехал в Новомосковск. После моего возвращения домой мы с ним неоднократно встречались, и он рассказал, что в городском военкомате его встретили приветливо, сразу же выделили временное жилье — трехкомнатную кооперативную квартиру, хозяева которой уехали на заработки на север. Через шесть месяцев квартиру он не получил, а справил новоселье в трехкомнатной квартире нового дома на Урванке на девятом месяце проживания в городе, чему был очень рад.

После рождения сына я считал каждый день до отъезда — поскорее хотелось увидеть малыша. Через каждые два-три дня писал домой письма и соответственно получал ответные. В июле произошло важное событие в моей жизни — я стал кандидатом в члены КПСС. На партийном собрании в штабе дивизии начальник политотдела в своем выступлении отметил, что в партийной организации дивизии долгие годы стоял на учете участник Хасанских событий замполит саперного батальона Богомолов А. П., а теперь рассматривается вопрос о приеме кандидатом в члены КПСС его сына лейтенанта Богомолова В. А., который идет по его стопам, и это очень символично. После его слов вопросов не последовало и голосование было единогласным.

Сосед, Сергей Орлов, готовился к поступлению в текущем году в военную академию имени М. Фрунзе. Мы все желали ему успеха и загадали, что если у нас родится сын, то Сергей обязательно поступит. Вскоре для сдачи вступительных экзаменов его вызвали в Уссурийск, куда из Москвы приехала выездная приемная комиссия. Сергей сдал все экзамены, но для зачисления в академию ему не хватило 1—2 баллов. Его супруга Галина срочно засобиравшись в Уссурийск для выяснения всех обстоятельств. Я проводил ее рано утром на станцию на первую электричку до Владивостока. Через пару дней они с Сергеем вернулись из Уссу-

рийска с приказом о зачислении капитана Орлова в военную академию. Не знаю какие действия предприняла Галина, но наш загад, увязывающий поступление Сергея в академию с рождением у нас сына, все же сработал. Забегая вперед, скажу, что Сергей успешно закончил академию и продолжил службу в Москве в оперативном управлении Генерального штаба дослужившись до генерал-лейтенанта. Галина все эти годы работала там же машинисткой. Мы много раз встречались с ними в Москве. Вместе с Галиной покупали шубу для нашего малыша, выполняя волю соседей. Их сын Сергей пошел по стопам отца и закончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР.

Лето было в разгаре и в одно из воскресений командование организовало семейный выезд на море, которое было от нас не далее 10 километров. Я тоже решил съездить. Погрузившись в кузова нескольких грузовых машин, офицеры вместе с женами и детьми отправились в путь. Японское море встретило нас хорошей солнечной погодой и теплой водой. Кстати, купальный сезон в Приморье длится до первых чисел октября. Единственное, что омрачало пребывание в воде, так это большое количество медуз. Побережье в этом месте было относительно без лесное, а на отдельных возвышенностях стояли еще с времен войны вкопанные в землю бетонные долговременные огневые точки. Вдоволь накупавшись, позагорав и, конечно, пообедав в большой дружной компании, вечером вернулись домой, заряженные энергией на новую неделю.

Наконец наступило долгожданное 4 августа 1970 года, я отбывал в очередной отпуск в Новомосковск, по завершении которого 29 августа заканчивалась моя служба в Советской Армии. Перед отъездом на Родину со мной провели в штабе дивизии основательную беседу, предлагая остаться в армии, пообещав через год-два отправить служить в Германию, а затем в военную академию. Но я уже твердо решил, несмотря на любовь к армии и уважение к службе, связать свою дальнейшую судьбу с работой в народном хозяйстве. Принимая такое решение, я конечно же учитывал мнение супруги.

По завершении военной службы, командующий войсками Краснознаменного Дальневосточного военного округа генерал армии В. Толубко объявил мне благодарность за безупречную службу в Вооруженных Силах СССР и наградил Почетной грамотой. Никаких задержек со стороны командования не последовало, и 4 августа я, тепло попрощавшись с сослуживцами и соседями по дому, расстался с поселком Смоляниново. Перед этим все нажитое за два года «добро» загрузил в железнодорожный контейнер и отправил его в Новомосковск. При этом не забыл положить туда в качестве сувениров, напоминающих о службе, несколько учебных муляжей артиллерийских выстрелов небольших калибров. Вновь, как и в детстве, с большой грустью покидал свою малую родину — Дальний Восток и, ставшую уже родной, 40-ю мотострелковую орденов Ленина и Суворова дивизию имени Серго Орджоникидзе. К большому сожалению, на сегодняшний день этого прославленного соединения в составе Вооруженных сил страны уже нет. В декабре 1989 года 40-я мотострелковая дивизия была передана из состава Краснознаменного Дальневосточного военного округа в подчинение военно-морского флота и вошла в состав береговой обороны Краснознаменного Тихоокеанского флота как 40-я мотострелковая орденов Ленина и Суворова дивизия имени Серго Орджоникидзе. В ноябре 1992 года 957-й отдельный ракетный дивизион этой дивизии был перевооружен на ракетные комплексы «Рубеж» и переформирован в 957-й отдельный береговой ракетный дивизион. В 1994 году 40-я мотострелковая орденов Ленина и Суворова дивизия береговой обороны имени Серго Орджоникидзе была расформирована за исключением 957-го отдельного берегового ракетного дивизиона, который в последствии был развернут в 72-ю отдельную береговую ракетную бригаду Краснознаменного Тихоокеанского флота. Бригада дислоцируется в поселке Смоляниново, занимая часть помещений военного городка нашей дивизии, а большая часть городка находится в запустении и постепенно разрушается.

Прошедшие два года оставили большой след в нашей жизни. Мы с Татьяной по-новому, более осознанно стали смотреть на многие происходящие события и жизненные процессы, пережили за этот период много радостных и тревожных дней, познакомились со многими замечательными людьми с большим профессиональным и житейским опытом. При отъезде домой уже в аэропорту Владивостока произошел курьезный случай. Дело в том, что долететь до Москвы можно было двумя рейсами. Первый выполнялся самолетом ИЛ-18, время в пути занимало около 18 часов с учетом промежуточной посадки и дозаправки самолета в Красноярске. Второй рейс был на один час позже, и выполнялся самолетом ТУ-104 до Хабаровска с последующей пересадкой на самолет ТУ-114, и уже беспосадочным полетом до Москвы. Общее время в пути занимало не более 11 часов. Из-за огромного желания поскорее попасть домой, сэкономив в дороге 7 часов, я выбрал второй маршрут через Хабаровск. Самолет ИЛ-18 успешно, строго по расписанию поднялся в воздух и взял курс на Москву. Через час должен был взлететь ТУ-104. Но тут мгновенно налетел с моря тайфун, и наш вылет был задержат на двое суток. Можно представить мое состояние в эти дни. Благо на аэровокзале встретил двух сослуживцев, причем один из них был из Тулы. Так втроем и коротали время в гостинице, ожидая разрешения на вылет самолета. Наконец оно было получено, и мы уже без приключений долетели до Москвы.

© Виталий БОГОМОЛОВ, 2025

Сергей ТИМОФЕЕВ

За 20 лет до Победы, или Подарок саксонских комсомольцев

ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ

6 сентября 1925 года в Туле гремел Международный юношеский день. Официальный, между прочим, государственный праздник в СССР. Позже его будут отмечать 1 сентября, в послевоенные годы — забудут.

Торжество столетней давности в оружейной столице главная газета губернии «Коммунар» в № 203 (2135) от 8 сентября 1925 года описывала так:

«С 10 часов утра к Ленинскому скверу (возможно, имеется в виду современная пл. Восстания, хотя в 1925 году памятника Ленину там еще не было. — С. Т.) стали собираться большие толпы граждан. Вытянулись шпалерами воинские части. Ленинский сквер разукрашен разноцветными флажками. Перед трибуной — большой портрет Ильича.

В 11 час. прибыли к трибуне представители Губисполкома, Губкома, Губкоммолы с тов. Никифоровым во главе. С комсомольцами явился и представитель КИМа кореец Те Хун¹, — о нем поговорим дальше.

«Под звуки Интернационала мимо трибуны, склоняя знамена перед портретом вождя, проходят воинские части. За ними двинулись со своими знаменами физкультурники и рабочие Чулковского, Зареченского и Центрального районов...

... Стройные колонны рабочих, комсомольцев, пионеров с развевающимися алыми знаменами сворачивают на улицу Коммунаров (ныне проспект Ленина. — С. Т.) и движутся к кладбищу Коммунаров (ныне Сквер коммунаров. — С. Т.), где их приветствует тов. Коссов от Губпрофсовета. Затем шествие заворачивает к лагерям», — полевые лагеря РККА находились в районе современного ЦПКиО им. П. П. Белоусова.

«Ярко выделяются среди деревьев в парке белые „домики“ — палатки красноармейцев.

И когда подошла последняя колонна к лагерьям, то пятитысячная масса красноармейцев стояла уже развернутым фронтом.

Заиграла музыка».

5 тысяч солдат и в несколько раз больше гостей и зевак, — таков размах празднования юношеского дня в 1925 году.

«Начался митинг. Митинг коротенький, небольшой. По-военному. Уловить все слова оратора невозможно. Ветер разносит их в разные стороны.

... „Красная армия только тогда будет в состоянии отразить врага, когда она будет хорошо вооружена и дисциплинирована,“ долетает фраза из речи тов. Кабакова (отв. секретарь Тульского губкома Партии в 1924-1928 гг. — С. Т.).

Говорить кончили.

Тихо. Барабан бьет дробь...

... На трибуну поднимается представитель КИМ² а, тов. Те Хун, кореец. Он передает тульскому комсомолу знамя, отбитое саксонскими комсомольцами у немецких фашистов».

ОТ БУДУЩИХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ЗАПАДНОЙ САКСОНИИ

История знамени германского национал-социализма, явленного тулякам на параде войск РККА, описана активистами Коммунистического союза молодежи Германии (Kommunistischer Jugendverband Deutschlands. — С. Т.) в письме тульскому комсомолу:

«В октябре 1924 г. фашисты организовали в провинциальном городке вблизи Лейпцига тевтонский день. Мы решили вместе со взрослыми не оставить безнаказанной организацию тевтонского дня в пролетарском городке и в количестве 30 комсомольцев и 25 взрослых выехали в субботу вечером в этот городок. Прибыв туда, мы занялись проведением постановленной перед собой задачи.

¹ Здесь и далее цитаты с сохранением орфографии и пунктуации первоисточника

При обходе города в сумерки, мы встретили большую колонну противников с музыкой, идущих от вокзала. Их было при скромном подсчете в 15 раз больше, чем нас. Шли они с черно-бело-красным знаменем. Так как наши 30 человек были хорошо дисциплинированными и мужественными людьми, то мы немедленно составили следующий план нападения: 10 человек погонят врага налево, 10 направо, шестеро нападут на охрану знамени, четверо останутся в резерве, чтобы немедленно же удрать со знаменем. Враг, ввиду своей многочисленности чувствуя себя вполне уверенным, беззаботно продолжает свой путь.

Вот знамя приближалось к нам. Свисток и 26 человек по плану бросаются на противника, который от неожиданности подается назад, кроме нескольких человек. Непродолжительный бой за знамя, несколько наших противников выбывают из строя и в две минуты дело кончается без значительных потерь с нашей стороны, и знамя в наших руках. Слышны были только крики и ругательства обманутых фашистов. О преследовании думать нельзя, так как сравнительно темно, а наши товарищи исчезли в двух направлениях».

Столкновение с фашистами для комсомольцев прошло более чем успешно. Трое человек получили незначительные ранения, двое товарищей позже были арестованы и осуждены к 9 месяцам и одному году тюрьмы соответственно. Среди сторонников Гитлера — один убитый, два тяжело раненых, «5 — легкораненых, нуждавшихся во врачебной помощи». Трофеи саксонских коммунистов составили 5 вражеских знамен. Одно из них и было передано в Тулу.

Заграничное послание тулякам заканчивается такими словами: «... просим вас передать комсомольцам сердечнейший привет от западно-саксонских товарищей, которые сейчас учатся, как проводить пролетарскую революцию в духе Ленина.

Завтра, может быть, мы будем защищать революцию с тем же рвением, как и Вы.

Мы горячо приветствуем Вас».

Подпись: «Комсомольцы — будущие красноармейцы Западной Саксонии».

ПОВЕРГАЯ НАЗЕМЬ ФАШИСТСКОЕ ЗНАМЯ

Кому точно принадлежит идея с бросанием фашистских знамен к подножию Мавзолея на Параде Победы в июне 1945 года, доподлинно неизвестно. По одной из версий, историк Евгений Тарле напомнил Сталину о римской традиции бросать знамена поверженного врага к ногам цезаря. По другой — генерала Штеменко (один из организаторов Парада Победы) — авторство церемониала вождь народов придумал самостоятельно. Некоторые историки проводят параллели с традицией «казни» трофейных знамен, практикуемой в русской армии ещё полководцем Суворовым. Как бы то ни было, но задолго до триумфального шествия у стен Кремля одно из фашистских полотнищ с позором растоптали в Туле.

Тулякам немецкий трофей представил на корейском(!) языке активный деятель Коммунистического интернационала молодежи Те Хун.

«Восторженно встречали тульские комсомольцы на трибуне тов. Те Хуна со знаменем в руках...

— Это знамя вам шлют саксонские комсомольцы. Они отняли его у фашистов. Призываю вас, товарищи, еще к большей сплоченности, чтобы в любой момент отбить какие бы то ни было попытки международных акул. Мы вам поможем!»

В ответном слове лидер тульского комсомола тов. Никифоров пообещал:

«А мы в свою очередь сделаем все, чтобы вырвать вас из рук фашистов, с которыми вы ведете борьбу и повергнуть все фашистские знамена на землю, как повергаем это...»

Сколько участников того юношеского дня в Туле доживет до победного мая 1945-го, узнать, увы, практически невозможно. Войну красноармейцы той поры встретят в возрасте 40 лет или около того, многие, вероятно, в числе командного состава. Они будут мобилизованы в первые же дни Великой Отечественной. Путь саксонских товарищей — антифашистов представляется еще более мрачным. Коммунистическая партия Германии и ее боевые крылья «Союз красных фронтовиков», «Красный молодежный фронт» подвергнутся жесточайшим репрессиям со дня прихода Гитлера

к власти; к 1941 году большинство из них в лучшем случае — узники концентрационных лагерей. Но всё же одну трагическую судьбу участника того парада в Туле 6 сентября 1925 года проследить удалось.

ТЕ ХУН (1897 — 1938)

В 17 томе книги «Корейцы — жертвы политических репрессий в СССР. 1934 — 1938» опубликованы документы о реабилитации 139 корейцев, арестованных в годы Большого террора, в том числе есть сведения и о нашем герое.

Те Хун родился в 1897 г. в Чонджу провинции Чолладо Кореи. В Коммунистическом интернационале молодежи был представителем корейской молодежи, член Корейского бюро с 1923 г. В 1919 году был инициатором создания боевой организации в Иркутске «Герсада» («Кельсадэ») под лозунгом «За освобождение Кореи».

Кроме того, в РГАСПИ нашлись такие данные. Корейские коммунисты, состоявшие в отдельной роте, воевавшие против Колчака, после освобождения Иркутска создали корейскую коммунистическую ячейку, на основе которой затем сложилась корейская секция Иркутского комитета РКП(б). В Протоколе № 1 собрания ячейки прописана инициатива по созданию Корейского революционного совета, который мог бы возглавить работу по созыву съезда всех корейских коммунистов (групп и ячеек) в России. Членом этой ячейки был и Те Хун.

Известно, что Корейская отдельная рота после освобождения Иркутска была включена в Интернациональную дивизию и продолжала воевать с остававшимися отрядами колчаковской армии и армией Каппеля.

В 1920-е годы активная деятельность Те Хуна проявилась в работе с корейскими молодежными организациями. С 1932 года работал редактором корейской секции в Издательстве иностранных рабочих в Москве.

Травля Те Хуна началась в 1926 г., когда Пак Динь Шунь написал заявление в отдел кадров Коминтерна «Материал о троцкистской деятельности Те Хуна». Партком вынес решение: считать обвинения в адрес Те Хуна необоснованными и недоказанными. Так случилось в 1926-м, но не в 1937-м.

Арестован органами НКВД 1 декабря 1937 года и содержался под стражей в Бутырской тюрьме г. Москвы. Военной Коллегией Верховного суда СССР 13 февраля 1938 года приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Те Хун полностью признан невиновным Военной Коллегией Верховного суда СССР 11 марта 1958 года.

© Сергей ТИМОФЕЕВ, 2025

На снимке: драка коммунистов и фашистов в Германии

Игорь РОДИНКОВ

СТЫЧКА, или Что произошло в Туле 120 лет назад

Проходя по центру Тулы по направлению к кремлю, каждый туляк и гость города видел на углу улиц Советской (Посольской) и проспекта Ленина (Киевской) гранитную стелу (не так давно в связи с реконструкцией площади Ленина ее перенесли ближе к «Белому дому»). На стеле надпись: «Место вооруженного столкновения тульской боевой дружины при комитете РСДРП 21 октября 1905 г. с черносотенцами». Установлена стела в 1925 г. Тогда казалось, что власть большевиков утвердилась надолго, поэтому и надпись была вполне политически выверена. Но фактически — не совсем верна.

Так что же произошло на углу улиц Посольской и Киевской 21 октября 1905 года?

В январе 1905-го, когда еще гремели пушки на Дальнем Востоке, шла Русско-японская война, в России уже разгоралась Первая революция. Началась она в северной столице, оттуда пошла гулять по всей стране. Раскачивалась медленно: чередой забастовок, военных и крестьянских волнений, но осенью резко пошла вверх. Октябрьская политическая стачка всколыхнула всю Россию. На улицы городов вышло 2 млн. человек — рабочих, учащихся, интеллигентов. Один из лидеров социал-демократии, наблюдавший за революцией из благополучной Швейцарии, оценил ситуацию как равновесие сил: «Царизм не в силах подавить революцию, революция пока не в силах уничтожить царизм». Другой лидер социал-демократии из Санкт-Петербурга предлагал не останавливаться на полпути и перейти к вооруженному восстанию. Эсеры же в это время усиленно бросали бомбы в великих князей, министров и других чинов царской администрации.

А что же происходило в городе оружейников? В Туле тоже начались волнения, бастовали рабочие частных предприятий, железнодорожники, к бастующим присоединились учащиеся. Недавно приехавший в Тулу губернатор М. М. Осоргин вспоминал: «Я с ужасом думал о том, как предотвратить забастовку... Полиция была совершенно деморализована, а реальная физическая сила в виде войска заключалась

в двух пехотных полках, преимущественно из запасных, крайне ненадежных, сотни казаков, незначительной инвалидной команды, охранявшей арсенал, и конвойной команды, охранявшей тюрьму... Понимал я, что положение в Туле может сыграть решающую роль и для данной местности, и для Москвы. Попади в руки революционеров арсенал, революция оказалась бы вооружена по-настоящему».

Новый губернатор был назначен на должность только в мае 1905 года, он сменил престарелого В. К. Шлиппе, который 12 лет успешно управлял губернией. М. Осоргин возглавил губернию, когда революция набирала обороты, в городе действовали комитеты социал-демократов и социалистов-революционеров. Были и патриотические организации, например, «Тульский союз за царя и порядок». Губернатор был нерешителен и все время пытался примирить противоборствующие силы. Однажды он на Сенной площади приказал взводу казаков разогнать большую толпу митингующих. Но тут же испугался, увидев свирепые лица казаков (им эти митинги надоели до невозможности). И когда казаки с воплем и криком помчались за улепетывающими студентами, закричал не командным, а каким-то истерическим голосом: «Назад, назад! Не надо!», — чем вызвал большое неудовольствие казаков.

Но обстоятельства заставляли действовать решительно, особенно после обнародования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года («Об усовершенствовании государственного порядка»). Одни восприняли его с восторгом: пьянила свобода. Правда, никто не понимал, как это отразится на их жизни. Других ограничение царской власти тревожило.

18 октября город как будто сошел с ума. Почти все заводы и фабрики митинговали, студенты и учащиеся оставили занятия и вышли на улицы. Из подполья вылезли агитаторы-революционеры и с импровизированных трибун говорили зажигательные речи.

На следующий день город опять гудел, как растревоженный улей. Полиции нигде не было

видно. Никто не работал. На всех углах собирались любопытствующие, читали и обсуждали расклеенные по городу листовки, поражавшие обывателей новизной и вызывавшие предчувствие чего-то ужасного.

Вот листовка социал-демократов: «Товарищи! Самодержавный двуглавый орел ранен. Царизм идет на попятную. Еще одно последнее усилие — и победа будет за нами. Вперед, в светлое будущее — к правде, счастью, свободе — к социализму. Долой царское самодержавие! Долой царских чиновников! Да здравствует восстание крестьян и рабочих!». А вот воззвание эсеров: «Гой ты, крестьянский люд, трудовой народ и все живущие на земле Российской. Слышишь ли стоны своих братьев, кровь льющих за землю, за волю? Слышишь ли их предсмертные крики, да их завещание? Али все спишь и во сне на своего батюшку царя и его отродье молишься по своему невежеству. Вперед же братья, за волю, за землю, за счастье ваше и детей ваших!».

В этот же день в здании Дворянского собрания собрались члены «Тульского союза за царя и порядок». Во главе его — граф Владимир Алексеевич Бобринский, присутствуют князь М. А. Черкасский, И. А. Воронцов-Вельяминов, Разнотовский, Белов и многие другие отпрыски знаменитых дворянских родов. Среди приглашенных губернатор Осоргин и вице-губернатор Хвостов. Звучат зажигательные патристические речи, раздаются призывы бить жидов и социалистов. В конце концов собрание решило 21 октября (11-я годовщина восшествия на престол императора Николая II) провести после Божественной литургии в Успенском соборе кремля крестный ход. А в церквях тем временем призывали не слушать крамольников. В центре города, на Посольской и Киевской улицах срочно расквартировали казаков.

На следующее утро все социалистические листовки были сорваны, а на их месте расклеены патристические: «Долой социалистов-демократов. С.-д. являются злейшими врагами Государю и дорогому нашему Отечеству. Братья, не слушайте ораторов и злых людей, которые говорят, что нам не нужен Царь Самодержавец Всероссийский. Нам нужно Правительство, нам нужны Войска, нам нужны казаки, нам нужна полиция. Мы, русские крестьяне, преданы своему Самодержавному царю. Нам, крестьянам ненавистны социал-демократы и революционеры и все политики. Комитет патриотов крестьян».

20 октября по улицам города проходили разнообразные шествия и митинги. По Киевской улице прошла толпа народа, люди пели: «Боже, царя храни» — и от всех проходящих требовали снимать шапки. А в кремле собрались железнодорожники, учащиеся, городская интеллигенция и всякая празднующаяся публика. Кто-то пришел с черно-сине-белым флагом, на него зашикали, и флаг пришлось убрать. Но и красных флагов не было видно. На митинг неожиданно приехали Осоргин и Хвостов. Им стали жаловаться на казаков и черносотенцев. На требование толпы убрать из города казаков Осоргин ответил, что казаки остаются для охраны порядка и никуда не уйдут.

— Тогда приструните черносотенцев, — крикнул кто-то.

— Свобода дана всем. Вы свободой пользуетесь по-своему, а они по-своему, — возразил губернатор.

— А правда, что царя взяли в плен и заставили написать манифест? — спросил какой-то молодой рабочий.

В ответ раздался общий хохот, и губернатор, пожимая плечами, удалился к себе в особняк.

Вечером Осоргин отправил товарищу министра внутренних дел телеграмму следующего содержания: «... Положение в Туле каждый день становится тревожнее, страсти групп различных направлений до того разгорелись, что ежеминутно можно ожидать резни. Средств к предотвращению нет, войсками считаю совершенно невозможно действовать: получится общее негодование. Ежедневно на улицах митинги, шествия. В среде неорганизованных рабочих агитируют, что государь в плену и манифест вынужденный».

Наконец наступило 21 октября — царский день. Утром в Успенском соборе началась торжественная литургия. В соборе уместились только избранные лица, большинство горожан столпилось на площади перед собором, здесь же для военного парада построились роты от двух местных полков — Псковского и Великолуцкого. Среди собравшихся много «союзников», членов «Тульского союза за царя и порядок». В толпе выделяются две кучки людей: одна группируется вокруг здорового седого старика в купеческой поддевке — это дружина тульского пекаря Колоколина-Пармения, другая — вокруг приземистого мужика в крестьянском тулупе — это так называемая «Дружина крестьян за царя». Ее руководитель Иван Картышев держит огромный портрет Николая II, украшенный цветами. В толпе множе-

ство национальных флагов, икон и портретов императора.

После литургии на церковную папёрть выходит процессия. Впереди выстраиваются тульские хоругвеносцы, в их руках хоругви с изображением Спасителя, Богородицы, Божьих угодников — Николая Чудотворца, Сергия Радонежского, недавно прославленного преподобного Серафима Саровского и других. Все хоругвеносцы в темно-синих, с серебряной отделкой, кафтанах, на груди значки с изображением вверху, в овальном серебряном круге, — креста, а внизу — букв «Т.О.Х.». Далее выходит старенький владыка Лаврентий, епископ Тульский и Белевский, в сопровождении клира. Почетные граждане выстраиваются во круг паперти. Среди них губернатор, вице-губернатор, полицмейстер, граф Бобринский и другие важные лица с семьями.

Был отслужен царский молебен, военным строем прошли роты Псковского и Великолуцкого полков, после этого губернатор и другие должностные лица разъехались. Большинство горожан, в основном женщины и дети, разошлись по домам. Но часть патриотически настроенных граждан осталась. Все ожидали обещанного крестного хода, но начальство, посоветовавшись, решило не рисковать и отменило крестный ход. В результате разгорелся митинг. Один оратор сменял другого.

— Власть нам дана от Бога, — доказывал один оратор. — Царь — помазанник Божий. И Бог руководит им. Нам нечего соваться в эти дела.

— На кой ляд нам какая-то свобода? Это жида все баламутят, — вмешался другой оратор. — Они все тормозят, а за ними, как бараны, идут наши студенты, семинаристы и гимназисты...

В результате решили послать верноподданническую телеграмму императору с просьбой отменить манифест. Но тут на трибуну забрался мужичок мещанского вида и закричал:

— Пока вы здесь митингуете, рядом, в кремлевском саду собрались революционеры, сотни две или три, все с револьверами.

В толпе загудели, призывая бить жидов и революционеров. Раздался бас Колоколина-Парменюча:

— Да что там говорить, пусть только развяжут мне руки, а я со своими молодцами живо расправлюсь с этими...

Однако более умеренные «союзники» предложили торжественным строем в сопровождении оркестра двинуться к дому губернатора для отправления верноподданнической телеграм-

мы. И толпа в несколько тысяч человек двинулась. По пути к манифестантам присоединялись все новые и новые группы сочувствующих, готовых «постоять за царя и бить всех, кто не за него», звучали требования «убрать из города жидов и поляков». Извозчики бежали «бить студентов». Встречные обязаны были снимать шапки перед процессией, отказывавшиеся это сделать подвергались обыску и избиению, среди пострадавших в основном были учащиеся и интеллигенты. У двоих были обнаружены револьверы, они были избиты до смерти.

У губернаторского дома патриотические эмоции толпы выразились в качании губернатора, которому был передан текст телеграммы. Затем процессия спустилась по Николаевской улице (Свободы) к Николочасовенскому храму на молебен.

Тем временем сторонники конституции и социал-демократии концентрировались в кремлевском скверике. Всем раздали красные значки. Численность боевиков достигла несколько сот человек. Они сгруппировались в боевую дружину. Часть явилась с оружием, часть получала его на месте. Тут же организовали санитарный отряд из учениц фельдшерской школы.

Около 3 часов дня прибежали братья студента Шпанова и рабочего Казакова. Рассказали, что их убили, полиция не принимает никаких мер, черносотенцы идут убивать красных. Тут же на главной аллее сада была построена баррикада. Не имевшие оружия рабочие разломали палисадник и беседки, вооружаясь досками и кольями. Завязался митинг. Какой-то молодой человек в студенческой шинели и солдатской папахе заверещал, картавя:

— Товарищи! Чойная сотня избивает наших товарищей! Надо пьянеть меи и удаить по негодьям. Стъейными ядами пойдем к губейнатою, педъявим наши пява. Становитесь в яды, товарищи!

Колона выстроилась в шеренги, по краям рабочие с поднятыми вверх револьверами, в центре — безоружные и женщины. Возглавил колонну социал-демократ А. Фролов. Набралось 500 человек. И боевая дружина с красным флагом и пением «Марсельезы» направилась к дому губернатора. Шли по Бухоновскому переулку, затем по Площадной улице (ныне Каминского), вышли на Киевскую и дошли до Гоголевской. По дороге колонна пополнилась сочувствующими. Так в нее влились молодой художник Алексей Бабякин и его брат Николай Батищев. На Гоголевской улице дружинники выбрали депутацию в 6 человек (из них 5 со-

циал-демократов и 1 эсер) для переговоров с губернатором, у которого в это время были представители либеральной интеллигенции, просившие защиты от начавшегося погрома. Депутаты боевой дружины потребовали вывода из города казаков, запрещения черносотенных процессий и передачи охраны города в руки организованных рабочих. Губернатор обещал расклеить по Туле объявления успокоительного характера и перевести казаков из центра на окраину. Не удовлетворившись ответом губернатора, боевая дружина решила демонстративно пройти по Киевской улице до кремля, потом разойтись.

Около Посольской они встретились со своими противниками, которые стояли поперек улицы с национальными флагами и портретом царя. Дружина остановилась с револьверами наготове. Вдруг в тылу дружинников от Площадной улицы (Каминского) выросла новая толпа с национальными флагами, из Учетного переулкa выбегали черносотенцы, вооруженные топорами, лопатами и кольями. Попав в окружение, рабочие решили идти напролом: часть пошла к Площадной улице, большинство с поднятыми револьверами двинулось вперед, к Посольской. Было около пяти часов вечера.

Наступил решающий момент. Все застыли. Патриотов было явно больше, но у них не было оружия, за редким исключением. Половина же дружинников была вооружена револьверами. Вдруг с балкона соседнего дома раздался выстрел. Тогда Фролов приказал дружинникам сделать выстрел в воздух. Черносотенцы на мгновение дрогнули, но раздался бас Парменыча:

— Вали на них, ребята! Они холостыми рядами стреляют!

Черная сотня пошла вперед. Фролов скомандовал:

— Огонь на поражение!

Раздался второй залп. Упал дворник, который нес портрет царя. Многие стали падать убитыми и ранеными. Черносотенцы побежали назад. Многие бросали знамена. Дружинники преследовали их, продолжая стрелять. В этот момент на угол Посольской и Киевской прискакали казаки, слезши с лошадей, они вскинули винтовки и с колена дали залп по дружинникам. Выстрелы начались из домов и сзади. Дружинники дрогнули и бросились бежать врассыпную. Казаки продолжали стрелять по дружинникам и заодно по зевакам на тротуаре.

Поняв, что они победили, казаки бросились на коней и, выхватив нагайки и шашки, начали преследовать дружинников. Те прятались

в магазины, дворы, квартиры, на чердаки, продолжая отстреливаться. Казаки вламывались во дворы и квартиры, разгромили часовой магазин, рубили шашками убитых и раненых, разъяренная толпа добивала жертв кинжалами, ломами и чем придется. Выискивали людей с отличительными красными знаками на одежде. Поплатились жизнью учащиеся семинарии и реального училища, форменная одежда которых показалась подозрительной. В Бухоновском переулке дворники избивали спасшихся дружинников. Но многим удалось вырваться из окружения.

В шесть часов вечера, когда все было кончено, появились губернатор с войсками и полиция. Пожарная команда начала подбирать трупы. Убитых отвозили в 1-ю часть, а раненых — в земскую больницу.

Николай Троицкий, тульский краевед и преподаватель Тульской духовной семинарии, вспоминал об этом дне: «Стрельба прекратилась. На улице — темень. Народ из разных убежищ спешил по домам. Я пошел к месту сражения. На улице стояли казачьи патрули. На мостовой в разных позах валялись трупы убитых. Я сделал вид, что разыскиваю своих, поэтому патрули не препятствовали осмотру. Среди убитых я увидел Сашу Архангельского, семинариста, затем с перерезанным горлом, несомненно казацкой шашкой, одну из шедших с ними медичек. С казаком мы остановились у трупа женщины, в руках которой была продуктовая корзина. Очевидно, кухарка.

— Вот дуреха, — сочувственно сказал казак. — Получила смерть не знам за что. Рот-то раззявила, вместо того чтобы скорее уходить домой! Ах, дур-ра!

В этот день было убито и умерло от полученных повреждений несколько десятков человек (в разных изданиях упоминается 25, 28-30, а также — 40 человек), и было около сотни избитых и раненых (63, чаще — 100 человек, и более сотни).

На следующий день страна отмечала два праздника: национальный — день избавления Москвы и России от поляков, и религиозный — чествование Казанской иконы Божией Матери. А через 13 лет об этих праздниках забыли. Теперь праздновали день Великой Октябрьской социалистической революции. Но вот спустя 100 лет (в 2005 г.), день 22 октября (4 ноября) стал именоваться Днем народного единения. Но наступило ли народное единение в действительности?

15 лет на службе обществу

В год 80-летия Великой Победы и в Год Защитника Отечества, учрежденный Президентом России, Тульский регион отмечает еще один значимый юбилей — 15-летие со дня принятия Закона Тульской области «Об Общественной палате Тульской области». Эта дата — не просто рубеж в календаре, а веха, символизирующая зрелость и активную жизненную позицию гражданского общества.

Общественная палата создана для обеспечения взаимодействия граждан РФ, проживающих в Тульской области, и некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, ведущих деятельность на территории региона, с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти и органами государственной власти региона.

Общественная палата за пятнадцать лет стала авторитетной площадкой для диалога между властью и обществом, объединив профессионалов, экспертов и лидеров общественного мнения. Как отметил председатель палаты, заслуженный врач РФ, Почетный гражданин города-героя Тулы Юрий Цкипури, «все эти годы Общественная палата нашего региона объединяет людей, объединен-

ных общей миссией — обеспечить конструктивный диалог власти и общества, развивать и поддерживать гражданские инициативы».

Юбилейный 2025 год стал для палаты временем активной и многогранной работы, нашедшей отражение в целом ряде значимых событий.

СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ: ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ И ДЕТСТВА

Одним из ключевых направлений деятельности остается укрепление института семьи и поддержка подрастающего поколения. Члены палаты активно участвуют в реализации государственной демографической политики. Ярким примером стало выступление ректора ТулГУ Олега Кравченко на заседании Совета при Президенте РФ, где был представлен успешный опыт Тульского региона по поддержке студенческих семей.

Не остались без внимания и дети из новых регионов России. По инициативе палаты и губернатора Дмитрия Миляева для 29 воспитанников луганского детского дома были организованы трехнедельные каникулы в Туле. Ребята посетили музеи, театры, Ясную Поляну, а член палаты Вера Сошнева устроила

для них настоящий праздник в стенах своего лица. Кроме того, благодаря оперативной помощи общественников дети из ДНР получили к 1 сентября новые школьные рюкзаки и принадлежности.

Особую заботу палата проявляет о семьях участников СВО. Для детей защитников Отечества был проведен творческий мастер-класс «Цветы из пастилы», подаривший ребятам не только новые навыки, но и минуты радости.

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ДИАЛОГ, КОНТРОЛЬ И ЭКОЛОГИЯ

Важнейшей функцией палаты является развитие общественного контроля и просвещения. В 2025 году на ее площадке был проведен практический модуль Всероссийской школы общественного контроля для студенческой молодежи. Будущие юристы, педагоги и психологи учились на реальных примерах, как решаются проблемы в сфере ЖКХ и социальной политики, перенимая опыт у председателей профильных комиссий Ярослава Муравского и Татьяны Разумовской.

Не остается без внимания и экологическая повестка. Член палаты Екатерина Олейник в качестве федерального координатора проекта «Посади Лес» организовала мероприятия по лесовосстановлению по всей России, от Ульяновской области до Ставрополя, не забывая и о родной Тульской земле.

ПАТРИОТИЗМ КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА

В год 80-летия Победы и в условиях проведения Специальной военной операции патриотическая работа вышла на первый план. Заместитель председателя палаты Галина Фомина инициировала проведение в Музее оружия акции «День Белых Журавлей», объединившей поколения для памяти о павших героях.

Особой страницей в летописи 2025 года стал выездной «День Общественной палаты» в Киреевский район. Члены палаты начали свой визит с возложения цветов к Кургану Бессмертия в деревне Быковка, отдав дань уважения защитникам Родины. Они также посетили пункт поддержки СВО в деревне Подосинки, где вот уже три года местные жители, в основном женщины, шьют перевязочные материалы и необходимое обмундирование для военного госпиталя. Их каждодневный труд был справедливо назван подвигом.

Общественная палата продолжает быть центром притяжения для лучших сил региона, площадкой, где рождаются и реализуются важные общественные инициативы. 15-летний юбилей — это не только подведение итогов, но и уверенный старт для новых свершений во имя развития и процветания Тульской области и всей России.

ЛИТЕРАТУРНО- ФИЛОСОФСКОМУ КЛУБУ 10 ЛЕТ!

В эпоху цифрового общения, где «дружба» завязывается одним кликом, а споры ведутся в комментариях, особенно ценным становится живое человеческое общение. Именно ему уже десять лет верны участники литературно-философского клуба «Отчизне посвятим», созданного по инициативе Тульской областной общественной организации «Тульский рубеж». С 15 ноября 2015 года его бессменной площадкой стала Тульская областная универсальная научная библиотека, а ныне — Государственное учреждение культуры Тульской области «Региональный библиотечно-информационный комплекс». Коллективу библиотеки участники клуба выражают искреннюю признательность за многолетнее гостеприимство и всестороннюю поддержку.

За эти годы клуб стал уникальной интеллектуальной и творческой площадкой. Скрупулёзная статистика говорит сама за себя: 349 заседаний, 166 прочитанных докладов, 109 участников (за весь период). Но за сухими цифрами — живая пульсация мыслей и идей, которые вот уже десятилетие генерируют самые преданные члены сообщества. Особая атмосфера клуба создаётся его активными участниками: поэтом Петром Ассесеровым; подполковником запаса Игорем Долгополовым; писателем-прозаиком Михаилом Остроуховым и его супругой Ольгой Остроуховой; писателем и журналистом Юрием Кириленко; прозаиком Владимиром Миловым; историками-краеоведами Игорем Родинковым и Михаилом Судаченковым; журналистом-политологом Сергеем Тимофеевым; поэтом и тренером по боксу Романом Ка-

лупиным; мастером-обувщиком и пасечником Евгением Жолобовым. Возглавляет клуб бессменный председатель Анатолий Филиппов — поэт и руководитель литературного театра «Слово».

Еженедельно, по воскресеньям, здесь собираются самые разные люди, чтобы обсудить всё: от творчества классиков и новейших литературных премьер до острых политических тем и философских трудов. Формальности здесь уступают место содержанию. Как отмечают постоянные участники, именно прямое общение позволяет взглянуть на себя со стороны, быстро разрешить сомнения, обменяться идеями и отточить навык грамотной устной речи.

Клуб живёт не только дискуссиями. Его гордость — литературно-исторический альманах «Отчизне посвятим», который объединил на своих страницах лучшие силы тульских поэтов, прозаиков и историков. Издание уже получило признание на всероссийском уровне, став дипломантом конкурса Союза журналистов России.

Десятилетний юбилей — это не только повод подвести итоги, но и заглянуть в будущее. За плечами — выездные заседания в музеях и библиотеках области, встречи со школьниками, создание Клуба друзей тульского драмтеатра и активное сотрудничество с газетой «Тульская молва». Впереди — новые проекты, лекции, презентации и, конечно, желанные новые лица. Вход на все собрания был и остаётся свободным. «Отчизне посвятим» продолжает открывать свои двери для всех, кто пишет, мыслит, любит литературу и историю и верит в силу живого слова.

ОНА ВЕРНУЛАСЬ СПУСТЯ 106 ЛЕТ –
ЛЕГЕНДАРНАЯ ТУЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
ВОЗОБНОВИЛА ИЗДАНИЕ!

ТУЛЬСКАЯ МОЛВА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1906 году потомственным почетным гражданином г. Тулы Дмитрием Ивановичем Фортунатовым. Первоначальное название «Тульская жизнь».

Годы издания: 1907—1918. Выпуск восстановлен 28 июня 2024 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Тимофеев Сергей Борисович.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ассесеров Петр Григорьевич, Бобыренко Ирина Анатольевна, Долгополов Игорь Николаевич, Каледин Олег Вячеславович, Кириленко Юрий Павлович, Кузнецов Олег Юрьевич, Лифанова Светлана Алексеевна, Милов Владимир Михайлович, Остроухов Михаил Сергеевич,

Родинков Игорь Аркадьевич, Судаченков Михаил Сергеевич, Тимофеев Сергей Борисович, Тюленева Надежда Константиновна, Филиппов Анатолий Николаевич, Шестаков Константин Александрович, Щеглов Виктор Васильевич.

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ:

WWW.MOLVA.PRESS

В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:

ВКОНТАКТЕ

ОДНОКЛАССНИКИ

ДЗЕН

ТЕЛЕГРАМ

Контора редакции помещается в г. Тула на Киевской ул. в доме Платоновых
(ныне пр-кт Ленина, 21, торгово-офисный комплекс „Платонов“), 3-й этаж, каб. 18, 18а.
Телефон: 8 (977) 066-65-88. Электронная почта: tulskayamolva@yandex.ru